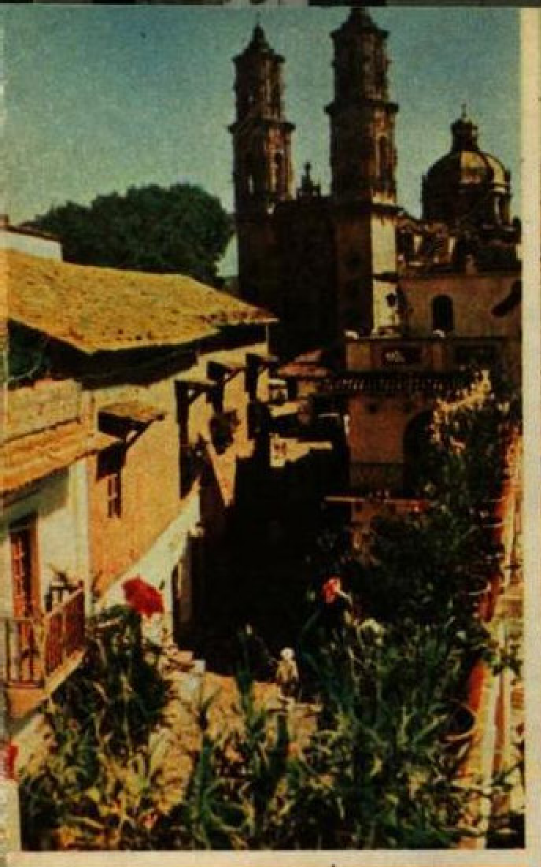
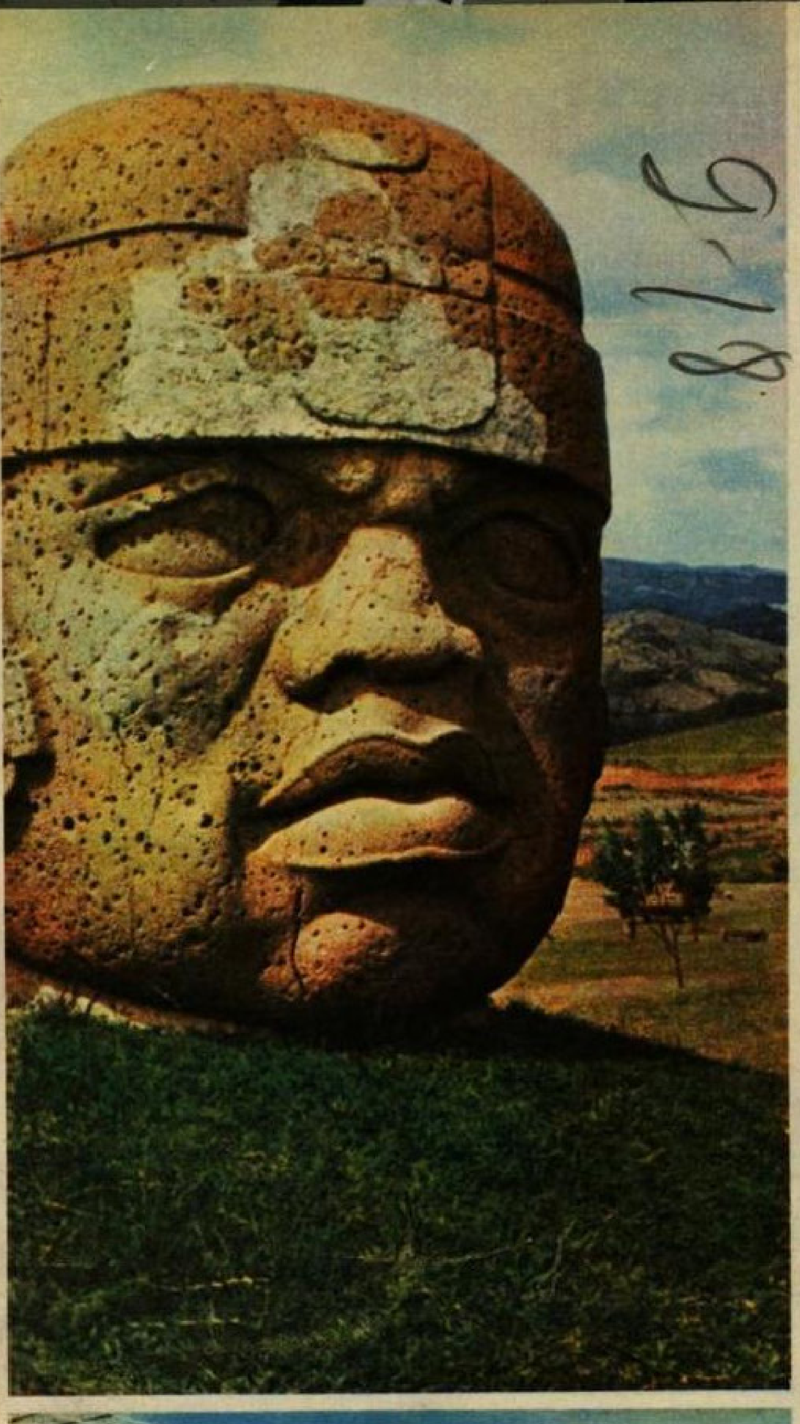

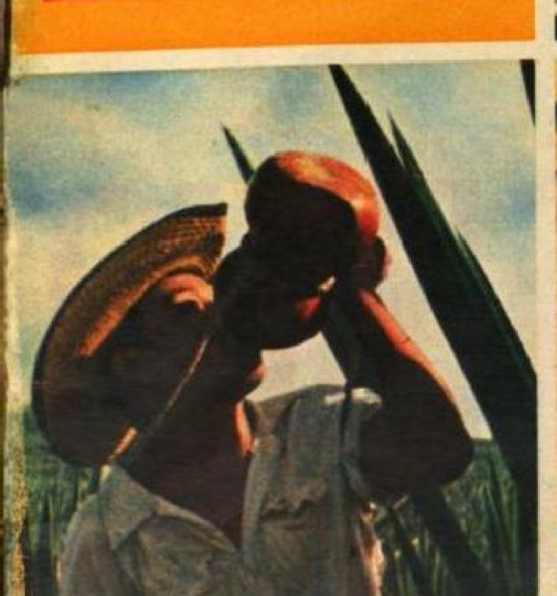
СТРАНА
XIX ОЛИМПИЙСКИХ
ИГР —
ДРЕВНЯЯ
И ВЕЧНО МОЛОДАЯ
МЕКСИКА

№ 22 МАЙ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МЫ ИМЕЕМ ЗДЕСЬ ПОЧТИ НАВЕРНОЕ НЕВИДАННОЕ В

Вот она, магнитная аномалия!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 22 (2135)

25 МАЯ 1968

Основан 1 апреля 1923 года

ПРИТ

МИРЕ БОГАТСТВО...

В. И. Ленин

По комсомольским путевкам — Валерий Медвенский и Нина Ткаченко.

ЯЖЕНИЕ

Ким БАКШИ

Фото Г. КОПОСОВА.

«Свежий весенний ветер полощет флаги и транспаранты»,— напишут потом в газетных отчетах.

Насчет свежести — это уж точно. Ветер просто ледяной. Тащит по высокому небу облака, как парусами хлопает полами пальто, органно гудит в трубах оркестра.

В кабине КРАЗа 92-33 все при-

Роторный экскаватор в Лебединском карьере.

вычно и ласкает глаз. Чистые тряпочки сушатся на законном месте — на рычагах. Свежевымытые резиновые коврики рождают ощущение порядка и устойчивости. Мерно подрагивает щиток — машина работает на малых. Все в полной норме.

Иван Степанович Ильинов одет сегодня в хороший коричневый костюм, черные ботинки. Из-под светло-серой пушистой кепочки видны золотистые вьющиеся волосы. У него выгоревшие кончики ресниц и нос с забавным утолщением на конце.

Вчера утром Ильинову сказали, что ему оказана честь... Он кивнул в ответ и стал готовить машину. Съездил на мойку. Прикрепил на радиаторе большой портрет Ильича и два флажка. Сегодня утром в пять часов он еще раз протер машину тряпочкой, к шести подъехал сюда, прямо на место.

В открытую дверцу вместе с ветром просовывается человек в берете. Обращаясь больше к микрофону, который держит в руках, он говорит:

— Иван Степанович, вам доверено право принять первый ковш земли на строительстве гиганта горнорудной промышленности — Лебединского горно-обогатительного комбината производительностью 14 миллионов тонн концентрата в год.

— Так точно.

...Произнесены речи. Экскаваторщик Алексей Никитович Левин, подкрепляя свои слова энергичным жестом, от всех строителей пообещал работать не покладая рук. Разрезана туго натянутая ветром красная ленточка. Левин осторожно положил первый ковш чернозема в кузов ильиновского КРАЗа.

В кабине грохот, сотрясение. Второй ковш, третий... Все глуше звук падающих комьев, все наполненней. Сигнал! Надо отъезжать.

Иван Степанович Ильинов, обхватив, как бочку, огромный руль, мягко выводит свой любимый КРАЗ, разгоняя по дороге мелкие легковые машины.

Так на моих глазах началась одна из великих строек.

С детства, со школьной поры живет в нас это удивление — Курская магнитная аномалия. С ней связана причудливая и в то же время грандиозная игра природы, которая за миллиарды лет на Русской платформе собрала такое количество железа, что компас в некоторых районах ведет себя сумбурно, словно у него провал памяти, словно он забыл, где находятся страны света: вместо севера и юга показывает на восток и запад.

Курская магнитная аномалия, или КМА,— как теперь ее именуют кратко и по-деловому — это почти половина вообще всех разведанных в нашей стране запасов богатых железных руд. А железистых кварцитов в этом районе практически неисчерпаемое множество. Даже если наша страна будет выплавлять не 100 миллионов тонн стали в год, как сейчас, а, скажем, 200 или 250 и только на основе КМА, даже в этом случае ученые не знают, сколько пройдет столетий, прежде чем горняки почувствуют истощение залежей.

В нынешнем объеме размеры богатства, лежащего в землях Белгородщины,— а это, так сказать, центр аномалии — геологи познали сравнительно недавно. Но уже в первые годы Советской власти молодая республика предприняла энергичные шаги по разведке железного клада КМА.

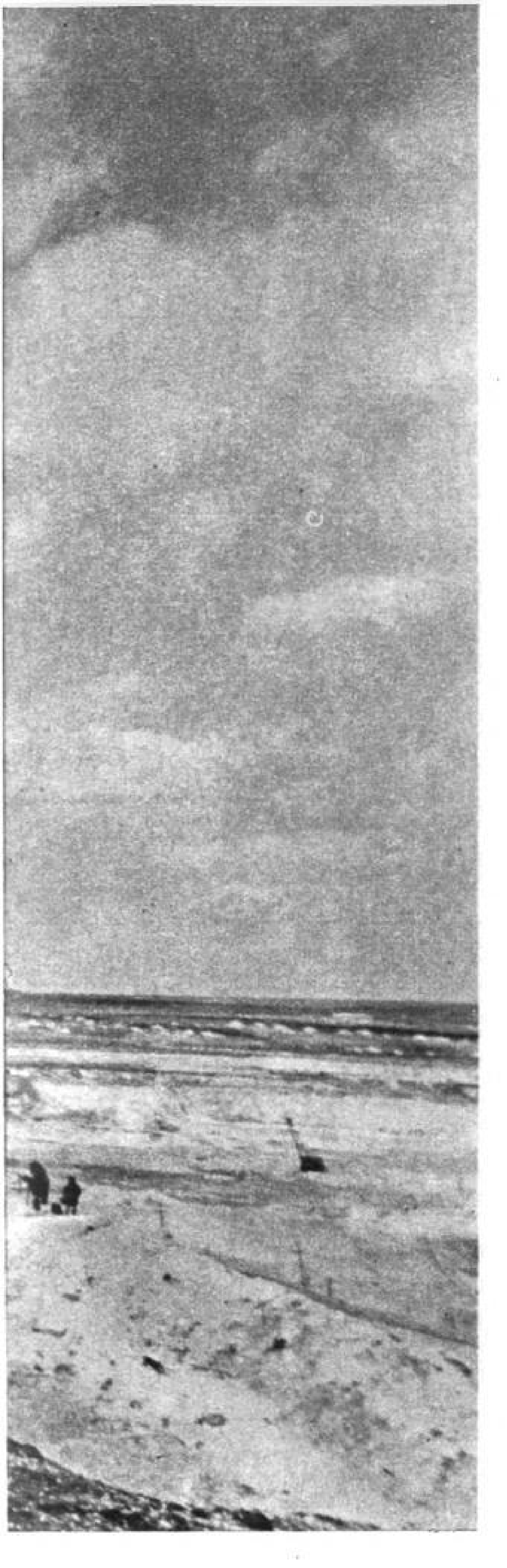
Ленин беседует с академиком Губкиным, Горьким, Кржижановским, Мартенсом. Шлет записки, передает телефонограммы, предлагает конкретные меры. Требует тройной проверки, иначе «дело заснет». Призывает сугубо энергично браться за невиданные богатства недр. Опасается: разглашение факта о том, что ведутся работы на КМА, может привлечь алчные взоры из-за рубежа, усилить интервенционистские настроения.

Честное слово, за сердце берет протокол № 153 заседания Совета Труда и Обороны от 17 сентября 1920 года, по которому было решено «освободить от конской мобилизации лошадей в количестве 20, принадлежащих Комиссии по разведыванию глубоким бурением района Курских магнитных аномалий».

Значит, очень нужны были республике эти 20 лошадиных сил, если потребовалось специальное решение СТО, подписанное Лениным. Вспомним это время: Каховка и Перекоп, дальние рейды Конармии, пора легендарных тачанок.

В город Губкин я приехал на научно-производственную конференцию «Богатства КМА — на службу народу».

Все в этой конференции было значительно: и название города, где она происходила, и приуроченность ее к дню рождения В. И. Ленина, и состав участников, среди которых были лауреаты ленин-

ских и государственных премий как раз за КМА. И даже место, где шли заседания — НИИКМА — научно-исследовательский институт, занимающийся проблемами Курской магнитной аномалии.

А проблем этих превеликое множество, и они не под силу одному институту.

Мудрая природа берегла клады КМА до тех пор, пока силы и сознание людей не доросли до определенного предела. Сегодня предел достигнут. Современное развитие науки и техники позволяет создать систему глубоких шахт и открытых карьеров, активно бороться с грунтовыми водами, создать экономически выгодное обогащение руд — тех самых неисчерпаемых кварцитов.

До конца пятилетки белгородские залежи дадут куда больше железной руды, чем вся царская Россия. Значительную часть этой руды поглотит горно-обогатительный гигант, на закладке которого я присутствовал. Кстати сказать, на его сооружение отпускается почти столько же средств, сколько на Братскую ГЭС. А впереди уже брезжит строительство металлургических гигантов, освоение уникальных Яковлевского и Гостищевского месторождений.

Но освоить КМА — не только взять железо. Здесь и мел, охра, графит, бокситы, титан, ванадий, никель, цирконий и еще множество необходимых элементов. Найдены алмазные зерна, выявлены нефтеносные структуры. Но даже и полезные ископаемые — полдела. Речь идет о преобразовании лика обширных пространств, кстати сказать, покрытых отличным черноземом. Насущно необходимо составление проекта КОМПЛЕКСНОГО развития всего края с учетом не только экономики, но и защиты природы.

Когда я послушал доклады, продумал цифры — что нужно сделать сегодня, что завтра,— я понял, что у геологов, горняков, строителей работы здесь не на одно десятилетие. Наверное, молодой человек — а их нужны сотни и сотни,— который сегодня приедет сюда, найдет дело на всю жизнь. Здесь он может сколько захочет подниматься по любой из жизненных лестниц: техникум, институт, аспирантура; управление производством; участие в строительстве все новых и новых шахт, открытых карьеров, заводов.

Раньше молодежь уезжала в степи Казахстана, в тайгу, на берега великих сибирских рек. Теперь ко всем этим, ставшим традиционными объектам прибавляется ударная комсомольская стройка в центре России.

На всю жизнь, до самой пенсии, хватит дел шоферу Ивану Степановичу Ильинову. Он пришел из соседней деревни в Губкин столяром, пересел на автомобиль. Обзавелся семьей — два сына,— получил отдельную квартиру, очень хорошо зарабатывает. Все блестящие перспективы КМА, о которых говорилось на научной конференции, в его конкретном жизненном варианте означают кубики земли, мела, руды — кубометры, которым нет конца.

Так вот однажды притянула человека руда и не отпускает его от себя.

Я ходил по новому, недавно заселенному общежитию в Губкине — 400 ребят и девушек — и думал: как часто романтикой дальних дорог называют бытовую неустроенность, отсутствие элементарных условий для труда и жизни, происходящие оттого, что кто-то где-то что-то не учел или недоучел, а потом призывает к романтике. Нет, пусть уж будут хорошие общежития, и кино, и театр, и отдельные квартиры с горячей водой. А романтика пусть будет на рабочем месте — в шахте, в карьере, на головокружительной верхотуре, где вяжут стальные конструкции. КМА с ее грунтовыми водами, трудными условиями залегания пластов дает сколько угодно такой романтики. А центральное расположение КМА позволяет освободить добровольцев от бытовых неурядиц. По-моему, это важный козырь новой стройки.

Я не бродил с компасом по белгородской земле и не измерял углы отклонения стрелки, как это делали все, кто хотел увидеть мощные силы притяжения, которые поднимаются здесь из земных глубин.

Но влияние этих сил чувствуется и без компаса. Влияние на людские души, конечно.

Когда-то помещики Курской губернии, прослышав о несметных железных кладах, впали в рудную лихорадку, ожидая баснословных богатств. А один из них даже рехнулся умом и был доставлен в больницу, где непрерывно падал на пол, говоря, что его земля притягивает.

Земля действительно притягивала энтузиастов, верящих в науку.

Одним из самых энергичных, чистых и самозабвенных был профессор Московского университета Э. Е. Лейст. Это он прошел пешком сотни километров с прибором в руках, делая измерения. Он добился, чтобы были заложены первые буровые. Когда же бурение на 200 метров ничего не открыло, Э. Е. Лейст вдосталь познал недоверие окружающих, презрение коллег, гнев и разочарование помещиков, которые считали его единственным виновником неудач. А ведь углубись скважина еще на 170—200 метров, и руда была бы найдена.

Травля и клевета не сломили Лейста. Оставшись один, он продолжал исследования на свои скромные средства. Десять лет он вел наблюдения, встречая все более враждебное отношение властей. Часть приборов была у него отобрана, остальные он, человек немолодой, таскал на себе: не было денег нанять лошадь. Полицейские не раз арестовывали его в поле, запрещали показываться в Курской губернии. К 1910 году он получил 200 тысяч показателей и взялся, наконец, за обобщение грандиозного материала. Так была создана рукопись «Курская магнитная аномалия».

Результаты своих поисков Лейст доложил в начале 1918 года на заседании Физического института. Наступало совсем другое время, работой Лейста заинтересовалось Советское правительство.

Летом 1918 года он уехал лечиться за границу, но в августе умер.

Он так и не узнал, что приблизительно в то же самое время Л. Б. Красин, председатель ЧК по снабжению Красной Армии, запросил академика П. П. Лазарева, можно ли восстановить материалы Лейста и какая сумма потребуется для изучения КМА. Вскоре Академия наук получила на эти цели деньги.

Освоение КМА стало одним из насущных дел, которым Советское правительство занялось в первые месяцы после революции.

Курская магнитная аномалия стала притягивать к себе не одних энтузиастов-одиночек, а большие государственные силы и средства.

Мы стоим с Василием Федоровичем Ляминым на монтажной площадке у огромного желтострелого экскаватора.

Бывают же такие встречи! Конечно, Лямин не узнает меня: прошло 17 лет с тех пор, как мы виделись с ним в последний раз.

Десять минут назад я еще был на берегу Стойлинского карьера — огромной ступенчато обрывающейся воронки. Справа белели меловые пирамиды отвалов, напоминающие городок близко поставленных палаток. Сверху, почти с самолетной высоты, экскаваторы, самосвалы, работающие в карьере, казались несерьезно маленькими, не верилось, что всю эту чашу вырыли они.

Главный инженер рудоуправления Иванов говорил, что вот, мол, осталось углубиться всего на каких-нибудь 12—15 метров, и пойдет большая руда.

Я смотрел вниз и не мог отделаться от ощущения, что где-то давно я уже видел что-то подобное. И тут Иванов назвал имя Лямина. Есть такой у них Герой Социалистического Труда.

Он почти не изменился внешне — обаятельный, с покоряющей улыбкой. Пожалуй, черты лица стали тверже, определеннее. Да уж пора: за сорок. В начале пятидесятых его имя гремело на Куйбышевской ГЭС рядом с именами экскаваторщиков Евеца, Ермоленко, Мячева. Тогда шло лихое соревнование: кто первым достигнет проектной отметки котлована. Работали днем, работали ночью при свете прожекторов. Насосы неустанно откачивали воду вокруг экскаваторов. И все же были плывуны, была опасность, был жаркий азарт.

Вот что напомнила мне чаша Стойлинского карьера — котлован Куйбышевской ГЭС, которого давно уже нет и в помине.

Что же делал Лямин позже? Жизнь экскаваторщика кочевая — со стройки на стройку. Был он во многих местах. Хотел поработать на Асуане, да не прошел по здоровью. Вот Ермоленко поехал. На КМА Лямин с 1960 года. Сначала пришел просто посмотреть, а начал работать — остался надолго. Побил все рекорды пребывания на одном месте. Наверно, кончилась его кочевая жизнь, притянула его к себе великая железная аномалия. Сейчас вот монтирует новый экскаватор, а раньше работал здесь же, на шагающем.

Я знаю эти шагающие — гиганты! Да и новый не малого роста. В нем силы куда поболее, чем в тех 20 лошадях, которые были освобождены в 1920 году от конской мобилизации и оставлены на КМА. А на монтажную площадку Стойлинского рудника уже начали поступать части гигантского роторного комплекса КАУ-800 производительностью 10 миллионов (!) кубометров в год.

А где же сейчас Евец, Ермоленко? Оказывается, тоже здесь! Герой Социалистического Труда Евец вот только недавно ушел на

Так начинается великая стройка.

Герой Социалистического Труда В. Ф. Лямин.

пенсию, Герой Социалистического Труда Ермоленко приехал сюда прямо из Асуана.

Значит, и они так же, как Лямин, как шофер Ильинов, как тысячи других, испытали на себе властную силу местного притяжения.

Я улетал из Губкина в Липецк, металлургические заводы которого питаются исключительно рудой Курской магнитной аномалии.

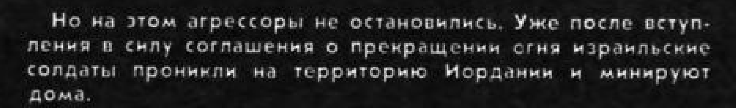
Авиабилеты достать было трудно, и начальник порта, по-моему, справедливо сетовал на то, что отменен рейс Ф-211 на Воронеж через Губкин, объявленный, кстати сказать, в коммерческом расписании на 1968 год. Льется людской поток в столицу КМА, а «Аэрофлот» как будто и не замечает этого.

Неизменный АН-2 поднял нас и понес невысоко над зеленой землей, над Центральной Россией, над тургеневским, бунинским предстепьем, которое столько говорит сердцу своими тихими речками, чуть волнистым горизонтом, задумчивыми березовыми рощами и дубравами.

Хорошо, что мы беремся за богатства Центральной России, которые обещают новую жизнь этому краю.

Нападение на ОАР было закодировано у израильских милитаристов как план «Голубь». Вот его первые результаты. Судя по ним, этому плану куда больше

Израильская военщина согнала десятки тысяч арабов с родных мест, уничтожила их дома, отняла имущество. И стар и млад вынуждены были покинуть родину.

Но на этом агрессоры не остановились. Уже после вступления в силу соглашения о прекращении огня израильские солдаты проникли на территорию Иордании и минируют дома.

Еще одно вещественное доказательство непрекращающихся провокаций израильской стороны — танк, брошенный израильтянами на территории Иордании.

подошло бы название «Ястреб».

ГОД ЧЕРНЫХ ДЕЛ

ИЗРАИЛЬСКИХ АГРЕССОРОВ

Миновал год с того времени, как мир стал свидетелем нападения Израиля на арабские страны.

Уже год в районе Ближнего Востока существует напряженнейшая обстановка, созданная израильской агрессией, и эта напряженность не ослабевает. Агрессор по-прежнему удерживает захваченные территории. Идя по стопам фашизма, израильские правящие круги организуют бесчинства на чужих землях, превращают в ад существование арабского населения, преследуя и изгоняя людей с их родины и родины их отцов. Главари израильского государства, опираясь на поддержку империалистических кругов и мирового сионизма, стараются еще больше накалить атмосферу в этом районе. Один за другим следуют злодейские налеты на соседние арабские страны. Размах становится все шире — провокации уже подвергся и Ливан.

Теперь, год спустя, у мировой общественности уже нет и не может быть сомнений в том, что для действий Израиля нет других определений, кроме слов «агрессия» и «преступление». Своими действиями за этот год агрессоры разоблачили лицемерные заявления некоторых израильских министров и политиков перед 5 июня 1967 года о том, что мир — якобы заветная цель Тель-Авива.

Передо мной последние телеграммы из Каира и некоторых других арабских столиц. Из них явствует, что ОАР готова к политическому урегулированию. Повторяю, к политическому урегулированию, а не к какому-то другому. Следовательно, дело за Израилем. Если мир — действительно его цель, то почему бы не начать выполнение резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года и в первую очередь вывод израильских войск со всех арабских территорий, захваченных во время «шестидневной войны»? В ответ министр иностранных дел Израиля Эбан утверждает, что упомянутая резолюция — всего лишь исходный пункт для разговоров об урегулировании.

ОАР готова решить благоприятно вопрос о судоходстве по Акабскому заливу, но только в случае, если израильские войска будут выведены за «линию 5 июня». В Тель-Авиве делают вид, что это их не касается. Там взваливают вину за невыполнение решения Совета Безопасности на ОАР. Египтяне отказываются от прямых переговоров с Израилем. Но ведь заранее ясно, что ни на какие переговоры ни ОАР, ни какая-либо другая арабская страна, втянутая в конфликт, не пойдет. Прежде всего потому, что речь идет об агрессии Израиля против своих арабских соседей, о попытке аннексировать их земли и таким образом расширить израильскую территорию за их счет.

Израильская пропаганда утверждает, что казус белли для нападения Израиля на ОАР якобы существовал: это египетская «блокада» судоходства по Акабскому заливу и «блокада» израильского порта Элат. Какой шум по этому поводу подняли на Западе год назад! В частности, американские и западноевропейские газеты указывали, что-де нанесен удар чуть ли не по жизненной артерии Израиля. Но ведь, кроме утверждений не в меру рьяных журналистов, чьи симпатии были явно произраильскими, существует статистика. А она свидетельствует, что грузооборот порта Элат составляет всего каких-нибудь 5 процентов всей внешней торговли Израиля. Та же статистика неумолимо свидетельствует, что к концу мая 1967 года почти все суда, которые должны были прибыть в элатский порт, успели в нем побывать. Уж не в связи ли с предстоящей агрессией? Иными словами, тот самый казус белли, который кажется идеальным для оправдания агрессии Израиля, просто беспочвен.

Знали ли в США о том, что Израиль готовит нападение на своих соседей? Да, знали, и довольно точно. 2 июня, то есть за три дня до начала военных действий, корабль-шпион «Либерти» вышел из испанского порта Рота и направился к Синайскому полуострову. Через двое суток он появился в районе будущей войны.

О «Либерти» было напрочь забыли. Инцидент с нападением на него израильских торпедных катеров поверг многих в недоумение. Даже в американской печати по поводу инцидента не было сказано ничего вразумительного. Заметили лишь, что «Либерти» принадлежит ЦРУ. После еще одного инцидента с кораблем-шпионом уже в нынешнем году — с «Пуэбло» — кое-что прояснилось.

Утверждают, что, направляя «Либерти» к Синайскому полуострову, американская разведывательная служба намеревалась «знать, что будет происходить». Разумеется, что команда «Либерти», часть из которой была укомплектована великолепными знатоками арабского и иврита, как и его капитан, заранее знала о планах израильского генерального штаба, уточнявшего в час их отхода из Роты последние детали агрессии.

Могли ли США не только знать, но и активно поддерживать агрессию Израиля до ее начала? Есть все основания утверждать, что могли. В данном случае цели израильских экстремистов и заинтересованных американских империалистических кругов полностью совпадали. Посмотрите, как эти круги встревожены сегодня растущей силой прогрессивных и национальных режимов на Ближнем и Среднем Востоке. Укрепление социалистических тенденций в развитии ОАР, Сирии и Алжира, непримиримость в защите своих интересов иракским правительством, появление возможности образования подлинно независимого арабского государства на юге Аравийского полуострова, наконец, улучшение отношений Турции и Ирана с Советским Союзом — все это подорвало позиции США, как и Англии, в этом важном районе мира.

В Вашингтоне и Лондоне прекрасно понимали, что борьба арабов за укрепление своей независимости — это в конце концов борьба за их богатства, за право распоряжаться ими по своему усмотрению. Это не догадка, высказанная вслух. Мне пришлось однажды слышать от клерка Фонда Рокфеллера (он так себя назвал!), что за ближневосточную нефть американцы будут драться всеми возможными средствами.

Агрессия Израиля представлялась Соединенным Штатам, как, впрочем, и Англии, «золотым шансом» возвратить утерянное и снова укрепиться на Ближнем Востоке. Некоторым американским и английским политикам рисовались радужные картины того, как режимы Насера, Бумедьена, сирийских баасистов будут ликвидированы за какую-нибудь неделю и к власти придут угодные Западу правительства, с которыми нужный модус вивенди будет найден, и все пойдет «как нужно». В результате «локальная война» против национально-освободительных революций на Ближнем Востоке будет выиграна!

Такова подоплека израильско-арабской «шестидневной войны». Год назад произошел не некий межнациональный конфликт на Ближнем Востоке, а имело место столкновение двух политик — политики национально-освободительной и политики империалистической.

Ошибаются те, кто представляет себе нынешнее положение на Ближнем Востоке столь примитивно, что отваживаются расценивать готовность ОАР и других арабских стран к политическому урегулированию как признак их слабости. Вдвойне ошибается тот, кто утверждает, что наилучший способ выиграть мир на Ближнем Востоке — это нажать на требование об арабо-израильских переговорах поодиночке с каждой страной, ставшей жертвой агрессии. Арабское единство стало мощным фактором в борьбе за справедливое решение ближневосточного конфликта.

Напрасны расчеты отчаянных голов в Тель-Авиве на «слабость» арабских государств. Им лучше было бы поразмыслить, к чему может привести непрекращающаяся игра с огнем. Израильской общественности пора задуматься о будущем, о том, как обеспечить мир для грядущих поколений граждан израильского государства.

Неспособность внутренней арабской реакции составить своего рода единый фронт с империализмом и неоколониализмом и объединенными усилиями свалить режим Насера, а затем и другие прогрессивные режимы в странах Арабского Востока также весьма поучительна. Логика революционной борьбы арабских народов такова, что империализм и неоколониализм теряют почву под ногами, а позиции борцов за независимость и социальный прогресс усиливаются.

Советский Союз и другие социалистические страны с первого часа израильской агрессии поддержали арабские народы. Наша поддержка помогла им сорвать наступление израильских солдат на Дамаск, обеспечила быстрое восстановление обороноспособности ОАР, Сирии и других стран Ближнего Востока. Все, что было задумано весной прошлого года мозговым трестом ЦРУ, так и осталось на бумаге. Положение в Восточном Средиземноморье сейчас таково, что империалисты по-прежнему тревожатся за свои позиции.

Напрасно надеются те, кто стоит во главе агрессивных сил Израиля, пожать богатый урожай от преступлений, ими совершенных, напрасно рассчитывают закрепиться на чужих землях. Этого не может позволить им общественное мнение всех стран, которое требует мирного и справедливого решения конфликта. Этого не должно позволить им и общественное мнение Израиля, ибо захватнические планы подобного рода противоречат интересам самого израильского народа.

Мир следит за преступными деяниями агрессоров и провокаторов, и он еще станет свидетелем того, как они и их американские покровители потерпят крах в своих расчетах.

И. АНДРЕЕВ

Повреждены дома в ливанской деревне Хула. Убит один человек, и двое ранены. Это результат артиллерийского налета.

Фото ЮПИ и журнала «Штерн».

ПАРАЛЛЕЛИ ВЕСНЫ

Если взглянуть «агрономическим» взглядом на карту СССР, можно увидеть много интересных контрастов. НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ПОПРОСИЛ ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР И ОБЩИХ ВОПРОСОВ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ МИНИСТЕРСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР Д. С. ЛЕСИКА ПРОКОММЕНТИРОВАТЬ ВЕСЕННЮЮ КАРТУ.

— Конец мая — время контрастов. Взять, например, Кубань или, еще лучше, Среднюю Азию. Там через неделю-другую начнется уборка озимых хлебов. Это скорее уже лето. А где же еще сохранилась «чистая» весна? Об этом лучше всего судить с точки зрения земледельцев. Для них весна — время выхода в поле, время сева. Сев еще проходит на севере Европейской части СССР, на Урале, в Северном Казахстане, в Сибири, на Алтае. Главное внимание там уделяется зерновым. Это не случайно. Ведь пшеничное поле только в Кустанайской, Целиноградской, Кокчетавской и других областях Казахстана займет нынче свыше 13 миллионов гектаров. Почти 4 миллиона гектаров отведено под яровую пшеницу на Алтае. Предпочтение отдается твердым и сильным сортам. Так, в Оренбуржье каждый четвертый гектар займут ценные сорта — «саратовская-29» и «саратовская-210»...

— Какие характерные черты у нынешней весны?

— Если говорить о погоде, то нынешняя весна сложная, капризная. Она преподнесла много неожиданностей земледельцам. Взгляните на карту. В этом году шествие весны началось на юго-западе страны раньше обычного. Вначале она довольно быстро шагала на северо-запад, но во второй половине мая движение ее из-за похолоданий несколько затормозилось. В результате сейчас можно наблюдать такую картину: северная граница всходов яровой пшеницы на западе вступила в Эстонию, а на востоке затерялась где-то в Татарской АССР... Впрочем, каждая весна задает свои загадки. Важнее другое — как они решаются земледельцами. Поэтому я бы сказал, что для нынешней весны, как никогда раньше, характерны организованность, творчество, самоотверженный труд...

— Какие примеры этому вы могли бы назвать?

— Примеров очень много. Рисоводы Херсонской области на двадцать дней раньше прошлогоднего завершили сев. Это серьезная заявка на высокий урожай. В центральных черноземных областях на значительных площадях погибли озимые, и кое-где объем работ почти удвоился. Но это не смутило хлеборобов. Сев прошел быстро. А в Туркмении, Таджикистане, Узбекской ССР на хлопковые плантации в конце апреля — начале мая обрушились ливневые дожди, град, селевые потоки. Немало участков пришлось пересевать. В Чустском и Янгикурганском горных районах Узбекистана ливни и сели повторялись дважды и даже трижды. Но как только устанавливалась погода, люди быстро и уверенно приводили хлопковые поля в порядок. То же можно сказать о хлопкоробах Пянджского, Гиссарского, Ленинского районов Таджикистана...

Однако весенняя страда еще не определяет успеха. Земледелец сейчас все больше сам создает урожай. В эти дни как раз начался очень ответственный этап — уход за посевами. Вовремя обработать плантации, уничтожить сорняки, подкормить посевы, оградить их от вредителей и болезней — вот главная забота хлопкоробов, свекловодов, кукурузоводов, рисоводов, картофелеводов. Особо хочется сказать о свекловодах Украины. «Сахарная» плантация здесь крупнейшая в стране — почти два миллиона гектаров. Нынче республика решила закрепить прошлогодний успех, когда был собран самый высокий урожай за всю историю украинского свеклосеяния.

Итак, основные весенние заботы уже позади. На пороге лето. Первые сотни тонн сочной черешни поставили в Москву садоводы Молдавии и Киргизии. В промышленные центры поступила кубанская земляника. На Черноморском побережье Грузии расцвела казанлыкская роза. Начался сбор цветов. На чайных плантациях Азербайджана и Грузии идет уборка чайного листа.

26 мая — День химика

МАСТЕРИЦА НА ВСЕ РУКИ

Вот так шина!

Этот павильон ВДНХ буквально начинен химическими разными разностями — тут и гигантские шины, и превосходные спиннинги, и палатки для любителей подледного лова. Палатки надувные, без единого колышка или распорки; вынул такую из рюкзака, накачал насосом, и готова защита от непогоды...

Тут несколько тысяч самых разных экспонатов, подтверждающих: химия — мастерица на все руки.

Килограмм удобрений дает куда более заметную по весу прибавку урожая. Стенд гербицидов, регуляторов роста: одним растениям, полезным, они помогают, а сорняки глушат. В павильоне рассказано и о самих удобрениях, и о том, где они применяются, и о том, откуда начинают свой путь. Много раз я бывал на Кольском полуострове, в Апатитах. Но только здесь, в химическом павильоне, смог почувствовать всю огромность заполярного химического колосса — макет рудника и комбината занимает свое место среди экспонатов.

В павильоне есть очень оригинальная, выполненная в единственном экземпляре карта — размещения химических предприятий страны. Появилась она недавно и пестрит многими знаками. Но все же не успевает карта за строителями: уже после того, как ее разместили в павильоне, сдано в эксплуатацию несколько заводов и фабрик.

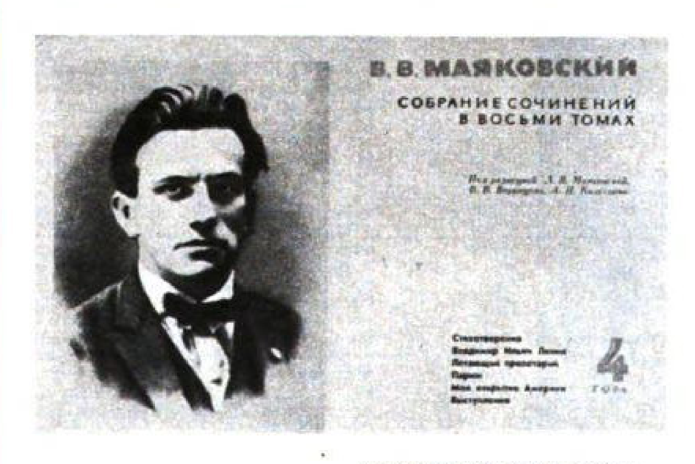
Химия ежедневно приносит сюрпризы. Ленинградцы недавно освоили выпуск духов с новыми синтетическими ароматическими веществами. И о них уже с уважением говорят знатоки парфюмерии. Стенды с обувью... Сейчас пытаются создать синтетический заменитель кожи и придать ему свойства натуральной.

Еще одна любопытная вещица — крохотная стиральная машина «лотос»; она легка — сделана из пластиков; удобна — ее можно поместить даже в небольшой кухне.

Есть в павильоне раздел химического машиностроения. И в нем — новинка: кондиционер для кабины трактора «Т-220». Он может хранить в ней постоянную температуру и в то же время служит вентилятором. Представьте: лето, жара, а в кабине тракториста — благодать. Захотелось побольше чистого, чуть остуженного воздуха — поворот рычажка. Установлено, что кондиционирование воздуха повышает производительность труда тракториста примерно на пять процентов. Замечательный кондиционер воздуха создан сравнительно недавно, но он уже перестает быть только выставочным экспонатом.

...Самолетостроение и оборудование современной кухни, радиоэлектроника и оранжереи, ткачество и шоссейные дороги — все может химия. Если только постараются, приложат свое умение те, кого мы уважительно называем химиками, чей праздник отмечаем тем более охотно, что уже не представляем: и как это раньше люди жили без химии?!

К. КОСТИН
Фото автора.

В только что вышедшем из печати четвертом томе Собрания сочинений В. Маяковского центральное место занимает поэма «Владимир Ильич Ленин», опубликованная вскоре после смерти Ильича. Написанная по велению сердца, «по мандату долга», поэма рисует бессмертный образ вождя революции:

Ленин
и теперь
живее всех живых.
Наше знанье —
сила
и оружие.

В том вошли также поэма «Летающий пролетарий», цикл стихов «Париж», «Стихи об Америке» и другие произведения 1924—1925 годов. Здесь и известная книга очерков «Мое открытие Америки», которая написана в результате поездки поэта в Америку в 1925 году и не утратила актуальности до сих пор.

На вкладках помещено несколько интересных фотографий и рисунков, в том числе портрет В. И. Ленина, В. Маяковский с мексиканским коммунистом Франциско Морено, портрет поэта работы мексиканского художника Диего Риверы.

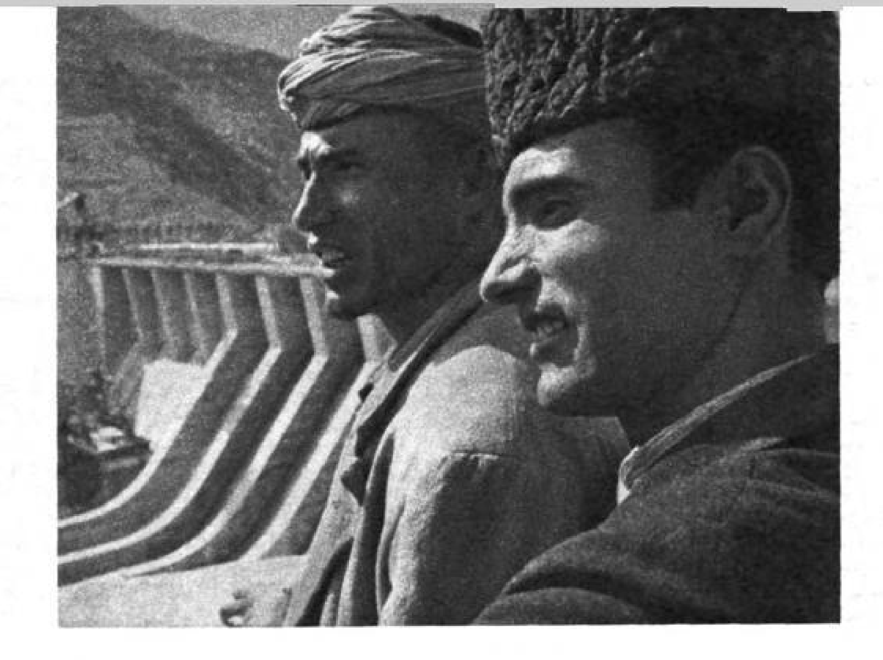
НОВЫХ УСПЕХОВ!

Сегодня мы снимаем улицы Кабула. Шумит оживленный город, один из древних городов на земле. В облике его переплелись века, и все здесь хранит печать различных времен и событий: старые, изъеденные дующими из пустынь ветрами памятники и мечети, а рядом современные здания. Рядом с пятитонными грузовыми автомобилями идут ослики, до земли груженные фруктами и овощами. Торговец ловко несет на голове блюдо с кувшинами. В них — вода и вино. Прямо на земле разложены алые ковры, а рядом остановилась «Волга» со знакомыми шашечками по борту, из нее выходит степенный афганец в традиционной шапочке из каракуля, за ним его жена и дочери. На девочках черные платья и белые газовые косынки, так ярко оттеняющие их смуглые лица. Они идут в гимназию. Афганистан учится.

В 1919 году Афганистан завоевал свою независимость, и молодая Советская Россия первой протянула ему тогда руку дружбы. Подлинная и бескорыстная дружба почти полвека связывает Советский Союз и Афганистан. При содействии советских специалистов строится, набирает силы молодой и древний Афганистан. Прекрасные автострады, и тоннели, проложенные под снегами горных перевалов, могучие оросительные системы — там, где даже ручей, пробившийся из-под земли, казался счастьем, дарованным аллахом, и, наконец, электростанция Наглу — бастион, возникший в горном ущелье, дающий Афганистану мощный поток электроэнергии.

В День независимости страны хочется пожелать ее народу счастья и новых успехов.

Кинооператоры
А. КРИЧЕВСКИЙ и П. ОПРЫШКО

ФРАНЦИЯ БАСТУЕТ

Мы решили заказать телефонный разговор с Парижем.

— Линия не работает,— ответила нам телефонистка.— Забастовка.

Франция бастует. Уже сотнями исчисляются предприятия, которые охватила стачка, уже шесть миллионов человек — на то время, когда пишутся эти строки,— оставили свои рабочие места. В рядах бастующих — металлисты и железнодорожники, авиаторы и связисты, работники культуры и электрики. Их становится все больше. Все три крупнейших профсоюзных объединения страны — ВКТ, Французская демократическая конфедерация труда и «Форс увриер» — высказались за расширение забастовочного движения. Уже назначен день выступления крестьян против правительственной политики в области сельского хозяйства.

Требования трудящихся Франции четки и определенны: они выступают за улучшение жизненных условий, повышение зарплаты и сокращение продолжительности рабочего дня, за пересмотр политики в области социального страхования, за право на труд, за свободу для деятельности профсоюзных организаций.

Борьбу рабочих поддерживают левые политические силы страны. Генеральный секретарь Французской коммунистической партии заявил в выступлении по радио: «Французская коммунистическая партия подтверждает свою полную солидарность с трудящимися, которые борются за свои требования, так же, как она подтвердила свою солидарность со студентами, которые борются за современный и демократический университет».

Париж. Рабочие «Рено» — передовой отряд французского рабочего класса — собрались на митинг в одном из цехов завода.

ДВИЖУТСЯ КАРАВАНЫ

Идут караваны к Вашингтону. Общие пути объединяют людей.

Я внимательно слежу за северо-восточным караваном, который движется по восточному побережью Соединенных Штатов к Вашингтону. Я был у его истока в Бостоне, видел его течение в Нью-Йорке. Он то увеличивается, то уменьшается. Тут разные причины. Многим не под силу такой длинный путь, некоторые не могут бросить свою лачугу и семью больше чем на день-два. Вот и проходят они только часть пути. Так их и просили в песне:

Пройди с нами квартал,
Хоть полквартала пройди с нами.

Ну, а многие просто не верят, что в Вашингтоне они смогут добиться чего-нибудь. Трудно движется караван. Вчера они прошли город Уилмингтон. Это особый город. Единственный в Соединенных Штатах, где национальная гвардия все еще продолжает оккупацию негритянского гетто, начатую после убийства Лютера Кинга. В этом городе полиция арестовывает негров, если в карманах у них... гвозди. В этом городе среди детей школьного возраста 61 процент негров. Но в школах, формально интегрированных, по 3—4 ученика-негра.

В этом городе караван шел по районам, где живут белые бедняки.

Но никто из людей, стоявших на кромке тротуаров, не двинулся с места, смотрели враждебно, а по адресу тех белых, которые шли в караване вместе с неграми, бросали злобные ругательства.

Проказа расизма разъела здесь классовое чувство. Но вот в негритянских кварталах к каравану присоединились 1 500 человек. На митинге в том же Уилмингтоне их собралось 5 тысяч, и сразу же по-другому звучит песня: «Нет, они не повернут меня назад...»

Ну, а в Вашингтоне? Палаточный «Город воскрешения», как его назвали здесь, начал застраиваться. Расисты убили одного мечтателя — доктора Мартина Лютера Кинга, но им не убить мечту — так сказал преемник Кинга, Ральф Абернети. Палаточный город заселяется мечтателями.

Репортер наклоняется к старику, сидящему возле палатки.

— Откуда пришел, старик?

— Я здесь, чтобы разговаривать с Линдоном Джонсоном. С тобой говорить — только терять время.

Это, конечно, кусочек веры, наивной мечты, что можно будет договориться с президентом, и не станет тогда голода и нищеты.

Некоторые газеты здесь пишут, что люди, пришедшие в Вашингтон, уже хотят уходить домой, что у организаторов нет денег.

На днях в городе был митинг, в котором участвовали несколько сот его первых поселенцев.

— Все, кто хочет возвращаться домой, поднимите руки! — попросил председатель.

Только одна рука поднялась над головами собравшихся.

— Мы едины?

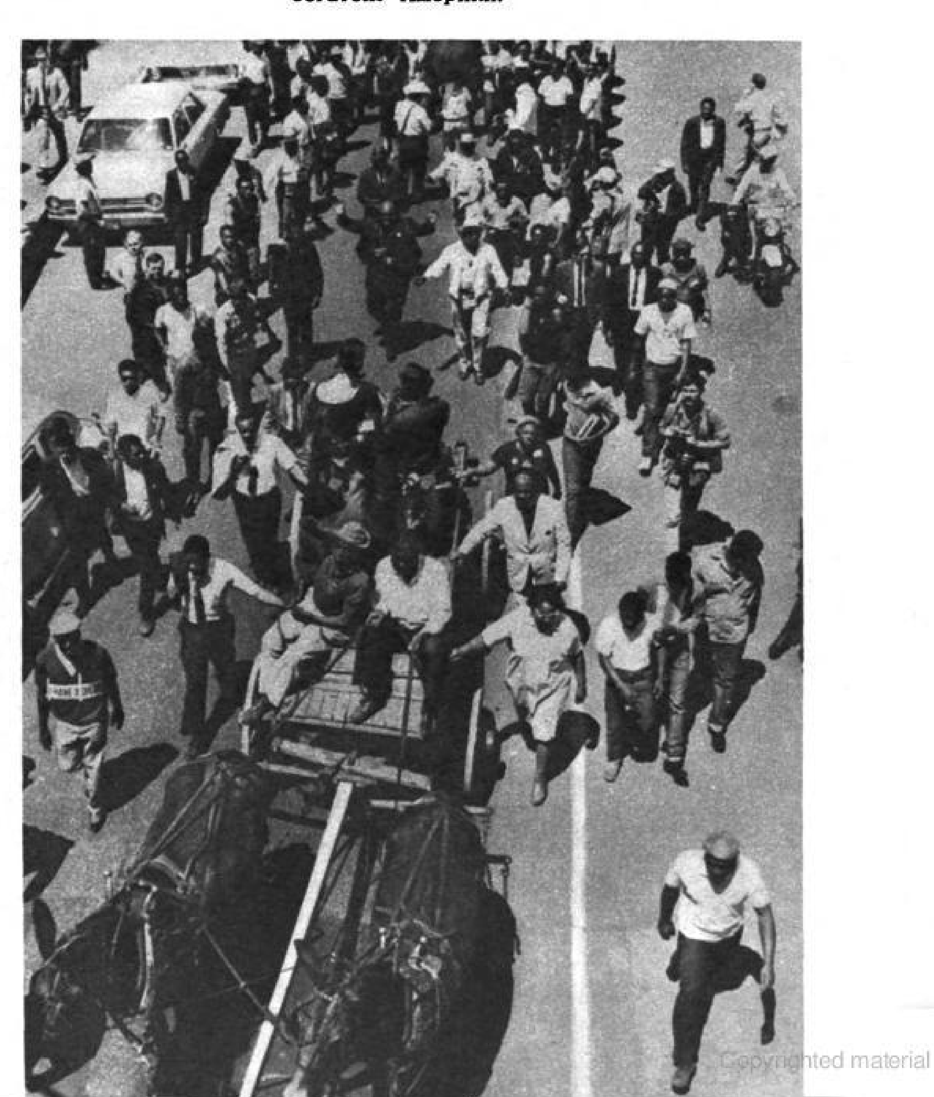
— Да, мы едины! — ответил митинг одним дыханием.

Трудно движутся караваны, но движутся.

Генрих БОРОВИК,
соб. корр. АПН

Нью-Йорк.
По телефону.

«Марш бедных» движется к Вашингтону со всех концов «сказочно богатой» Америки.

Мексиканский Олимп

Василий ЧИЧКОВ

Фото автора.

Мы мчались на автомобиле втроем к полуострову Юкатан. Когда уставал один, за руль садился другой и жал на газ почти до отказа. Стрелка спидометра нашего «форда» покачивалась между 140 и 160.

Джунгли подступали к самой обочине и, казалось, хотели поглотить серый асфальт. Но ровная лента бежала вперед и вперед. Она, как спасительная артерия, пролегала через тропические болота, где торчат из воды засохшие и обожженные солнцем стволы деревьев, где, распластав крылья, вьются в поисках добычи черные сопилото.

Мы решили на Юкатане начать работу над документальным фильмом о Мексике потому, что именно здесь одно из интереснейших свидетельств великого прошлого этой страны — древний город индейцев Чичен-Ица.

Чем ближе Чичен-Ица, тем плотнее становится поток машин и автобусов. Мои друзья режиссеры-операторы Дмитрий Гасюк и Борис Головня налаживают аппараты. Скоро откроется панорама величественного древнего города.

Главная пирамида появляется неожиданно. Стоит она как-то очень естественно и спокойно на фоне голубого неба с белыми взбитыми облаками. Кажется, будто ты уже видел ее тысячу лет назад. Будто она твоя старая знакомая. И если бы ты попытался представить эту пирамиду другой, ты бы не смог сделать этого. И совсем она не давит своим величием. Скорее, она приподнимает и отрешает тебя от того, что час назад волновало.

Мы шагаем по каменным ступеням пирамиды, всматриваемся в эти ступени, будто на них можно найти отпечатки ног юношей, которых вели по ним к храму, а там рассекали грудь обсидиановым ножом, вырывали трепещущее сердце и бросали его к ногам каменного идола...

Отсюда, с высоты пирамиды, раскрывается весь древний город Чичен-Ица. Вдалеке круглая башня обсерватории. Ученые древности наблюдали за движением Солнца и Венеры, определяли время сбора и посева маиса. Хорошо виден храм с тысячью колонн, который называют храмом воинов. Наверху высечен из камня бог Чак-Моол. Он полулежит, голова резко повернута, в руках держит блюдо, на котором разжигали жертвенный огонь. Когда-то рядом с Чак-Моолом садились девушки и верили, что это принесет им счастье в замужестве.

Я делаю первый шаг по ступеням пирамиды вниз. У меня захватывает дыхание. Лестница мне кажется почти отвесной, хочется повернуться лицом к ступеням и трусливо спускаться на четвереньках. Но я вижу, как рядом идет человек, твердо ступая по лестнице, глядя перед собой, и мне стыдно. Я пытаюсь идти так же, как он. И вдруг неожиданно для себя ощущаю прелесть этой страшной ходьбы, ее таинство. Ты не видишь лестницы перед собой, как будто ты идешь с неба, идешь по воздуху — шаг, еще шаг — и ближе зеленая лужайка, на которой тебя поджидают огромные головы змей из камня.

Я еще раз смотрю вверх на пирамиду, которая вознесла меня, испугала и обрадовала...

А здесь, на земле, обычная суета туристов. Слышится английская речь. Гиды усердно говорят и говорят, каждый немножко не так, как другой.

Те американцы, что побогаче, нанимают личного гида. Вот мужчина и девушка бродят по зеленой лужайке в сопровождении гида. Шорты красиво обтягивают ее бедра. На нем пестрая рубашка, расстегнутая спереди.

— Марлэн, ты сядь на этого зверя! — кричит он.

— Это бог ветра, мистер!

— Неважно! Садись верхом.

Марлэн садится на бога, как на осла, грациозно выставляя ножку. Снимок готов.

Под апельсиновыми деревьями камни, на которых еще сохранились рельефы, созданные руками древних жителей Чичен-Ицы. На камнях сидели мексиканцы — крестьяне из ближайшей деревни. Двое из них самодельными ножичками счищали кожуру с апельсина. Один, надвинув шляпу на глаза, дремал... Женщина расчесывала девочке волосы. Изредка крестьяне перебрасывались словечками на языке индейцев-майя. На том языке, который мог звучать в этом великом городе древности, Чичен-Ице.

И так несовместимы эти великие строения прошлого и эти забитые крестьяне-наследники! Откуда им знать секреты акустики стадиона, законы, по которым ученые жрецы строили обсерваторию и наблюдали за движением Солнца и Венеры еще десять с лишним веков назад!

Крестьяне бросали золотистую кожицу апельсина на землю и с любопытством посматривали на тех, кто приезжает сюда издалека, кто шагает по крутым ступеням пирамиды и пристально вглядывается в картины, высеченные на камне, пытаясь разгадать тайну далекого прошлого Чичен-Ицы.

Веселый праздник под грустным названием «День мертвых»

Говорят, что Мехико родился по велению бога. Бог приказал индейцам-ацтекам основать свою столицу там, где они увидят сидящего на кактусе орла со змеей в когтях. Именно здесь, в этой заболоченной долине, где теперь раскинулся Мехико, индейцы увидели то, что им повелел бог. Они построили дамбы, воздвигли пирамиды, храмы и жилища.

С тех пор прошло шесть веков. Многое повидал Мехико за это время. По его улицам шагали закованные в латы испанские завоеватели во главе с Кортесом. Громыхали пушки американской армии во главе с генералом Скоттом. А сколько было здесь разных правителей! И каждый, конечно, хотел оставить свой след. Поэтому на улицах Мехико встретишь дома под черепичными крышами, с узорчатыми балконами, будто перенесенные из Испании, небоскребы из стекла и стали, точь-в-точь как в городах Америки, улицу Пасео де ла Реформа, очень похожую на Елисейские поля в Париже...

И все-таки Мехико есть Мехико; несмотря ни на какие перипетии судьбы, он пронес через столетия свое мексиканское лицо. И это особенно видно 2 ноября, когда жители столицы отдают дань своим предкам.

«День мертвых» — праздник веселый и давний. Ацтеки считали, что смерть и плодородие стоят рядом. Кроме того, они верили, что из кости умершего рождается новый человек. Почему же не веселиться?

Праздник 2 ноября начинался с улыбки. Ну как же не улыбаться, если газеты заполнены рисунками черепов: один, два, пять, десять, пятнадцать... Целые газетные полосы отданы черепам. Если приглядеться к черепам, то можно увидеть много знакомых. Вот череп «самого президента республики» Диаса Ордаса и эпитафия: «Жил Густаво Диас Ордас, и народ ему доверял, потому что душа у него была щедрая, рука

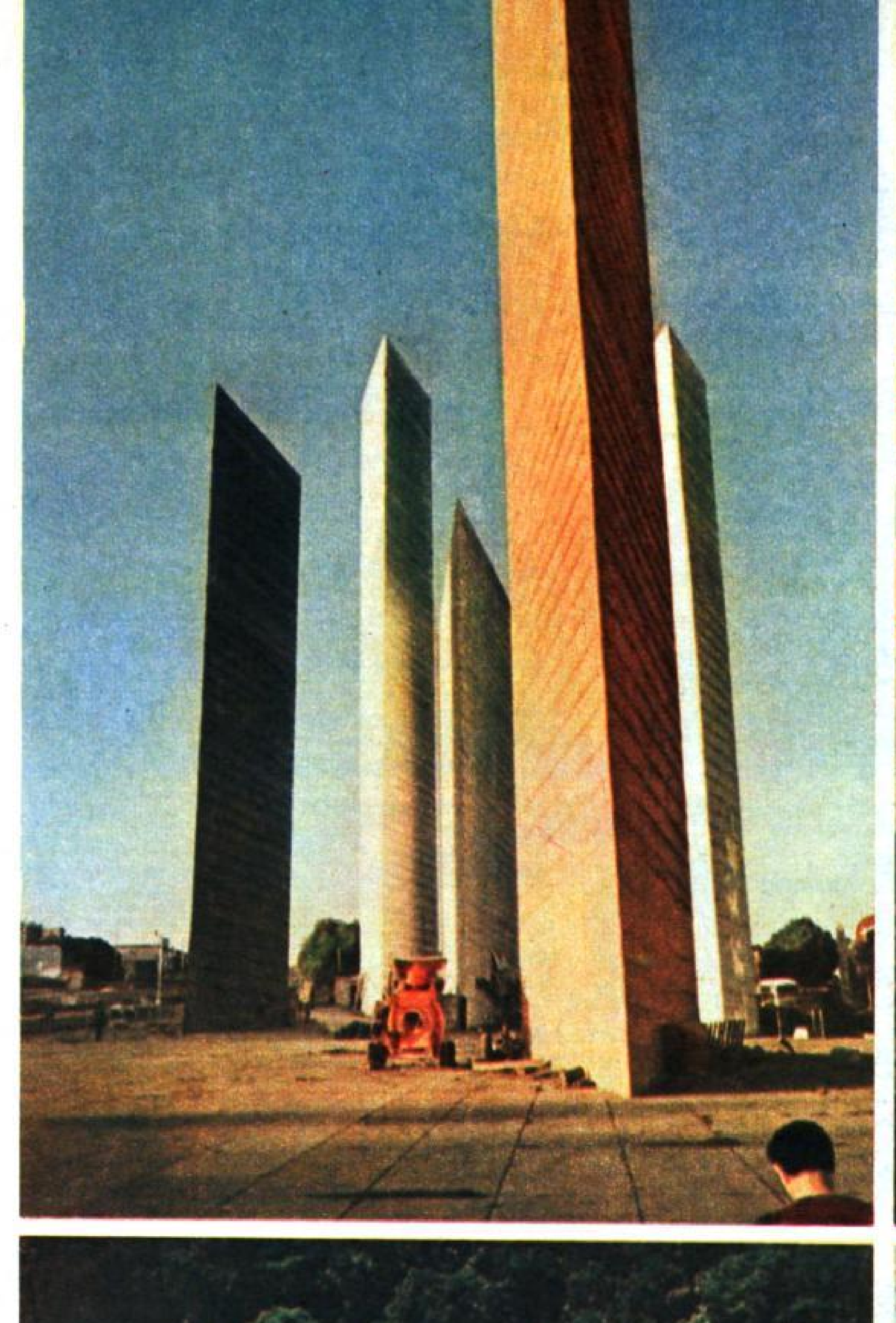
●

Символ нового Мехико.

Девушки участвуют в празднике пастухов Чарреаде.

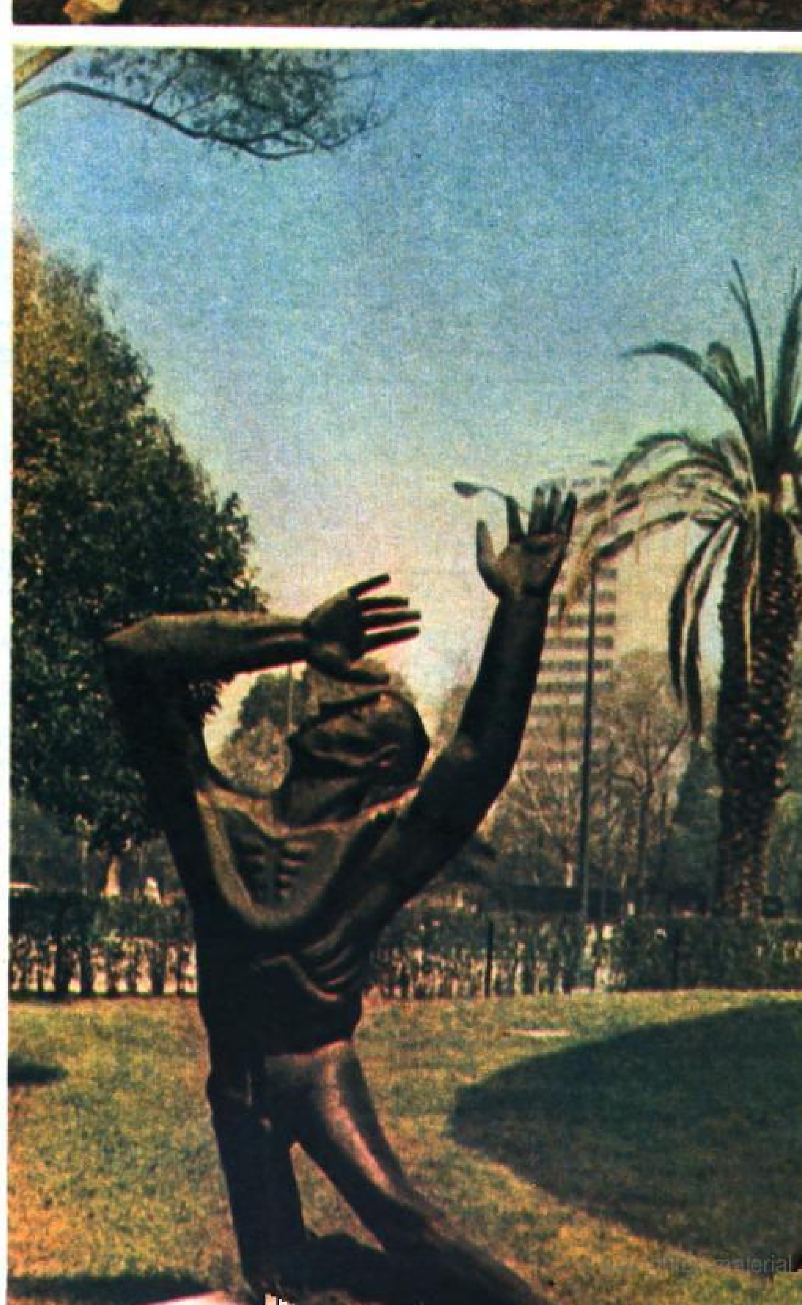
Более десяти веков назад индейцы создали этот удивительный храм Солнца.

«Нет войне, воздушным налетам, атомным бомбам» — скульптура в Парке Чапультепек.

CIO POPULAR

твердая, и он всегда боролся за мир».

Рядом с черепом президента — череп министра внутренних дел, а это министр иностранных дел, следом — генерал от полиции. Под этими черепами тоже эпитафии, милые, с улыбкой, а иногда и с сарказмом.

Мальчишки-газетчики бегут по улицам и предлагают купить еще одну газету.

— В моей газете «кладбище для избранных»! — кричат мальчишки.— В моей — «кладбище для политиков», «кладбище для артистов». Купите!

Огромный современный город, по широким улицам которого плотным потоком мчатся машины, являет в этот день особую картину. В витринах магазинов выставлены черепа, сделанные из шоколада, выпеченные из хлеба. На стеклах нарисованы сценки из жизни того света и этого. Скелет тянет за руку очень пышную нагую красотку к себе из этого света в тот, ведь сегодня «День мертвых». У светофоров, на перекрестках продают черепа из пластмассы с зажженной сигаретой во рту. Нажмешь на череп — и сигарета дымится.

На базарах — разливанное море желтых цветов. Их покупают букетиками, их покупают охапками. Их везут на кладбища и украшают могилы. Тут же рядом торгуют черепами, сделанными из сахара. Ох, сколько черепов в этот день в Мехико!

Кондитеры — торговцы черепами, тонкой струйкой цветного крема напишут на черепе имя, которое вы хотите,— прадеда, отца или дедушки, который очень любил вас.

К вечеру праздник разгорается. Самое главное будет, когда над городом, над его небоскребами и дворцами, над широкими улицами опустится темнота. В каждом доме в самом парадном углу поставят стол, на нем тот самый череп из сахара, купленный на базаре. Рядом — хлеб, тот хлеб, который любил покойник, плошка с маисом, ваза с фруктами, рюмка, а может, и стакан крепкой водки текильи. «Ну, конечно, покойник придет ночью в свой дом! Он увидит, что его здесь ждут!»

Мальчишки мастерят калабасас — черепа из тыквы. В кожуре тыквы прорезают глаза, рот, нос, ставят внутрь тыквы свечку и шагают с таким светящимся черепом по улицам.

А когда колокола храмов ударят полночь, в местечке Миксхи, недалеко от города, на старинном кладбище начнется ночная церемония. Целыми семьями люди приходят сюда, садятся вокруг могил, зажигают свечи, кладут на могилу сласти, приготовленные из листьев магея, ставят крепкий напиток пульке. Так сидят, пока горит свеча.

Олимпийская горячка

Олимпийские игры состоятся в Мексике в октябре 1968 года, но слово «олимпийский» уже давно вошло здесь в моду. Оно стало синонимом современности, изысканного вкуса, хорошего тона.

— Вы еще не сделали олимпийскую прическу? — спросит какая-нибудь щеголиха свою подругу и сделает круглые от удивления глаза, похожие на все пять олимпийских колец сразу.

Не каждый парикмахер, конечно, может сделать олимпийскую прическу. Она под силу лишь лучшим мастерам. Стоит это дорого. Зато женские волосы волшебно превращаются в символ олимпийских игр. Здесь есть и кольца, есть и чаша с олимпийским огнем.

Фабриканты и торговцы не отстают от моды. Если вы настоящий мужчина, а не какой-то интеллигентный хлюпик, вы обязательно должны купить олимпийские трусики, свитер (тоже олимпийский), а заодно брюки и рубашку, и везде будет значок или этикетка с пятью кольцами.

Радио и мексиканские газеты ежедневно упоминают слово «олимпийский». Но здесь уже разговор идет не о прическах и свитерах, разговор более серьезный — разговор о спорте.

Некоторые склонны считать, что развитие в Мексике таких видов спорта, как легкая атлетика, волейбол, футбол, в какой-то степени ограничено из-за того, что страна эта горная. Столица расположена на высоте 2 240 метров над уровнем моря. Каждый, кто приезжает в Мексику, знает, что в первые дни после приезда мышцы кажутся ватными, тело тяжелым, а в голове слышится неприятный гул.

И все-таки Олимпийские игры 1968 года состоятся именно в Мексике. Мексиканцы парировали все выпады скептиков.

— Иностранному спортсмену,— заявляют представители Мексики,— достаточно девяносто шести часов, чтобы акклиматизироваться в нашей стране. В Мексике уже не раз проходили международные соревнования: в 1926 и 1954 годах — чемпионаты стран Центральной Америки; в 1955-м — панамериканские игры, в 1961 и 1962 годах — национальные состязания юношей.

Попутно с этим мексиканцы обнародовали многочисленные проекты строительства будущих спортивных сооружений, олимпийских гостиниц и жилых домов.

Трудно сказать, какие средства будут израсходованы в конечном итоге Мексикой за время подготовки к Олимпийским играм. Очевидно, сумма окажется огромной, потому что речь идет о большом строительстве, которое уже сейчас меняет облик столицы. В это строительство включились государственные и частные компании, акционерные общества. Поднимают свои этажи новые банки, гостиницы, гигантский олимпийский отель, в главном зале которого будет установлена экспозиция работ художника Сикейроса.

Заканчивается строительство комплекса «Дворец спорта». Он занимает территорию 29 855 квадратных метров. Здесь будет 9 футбольных полей, 23 баскетбольных площадки, 51 волейбольная, 28 бейсбольных, велодром, бассейны, стрельбища...

Городские власти заявили, что реконструкция улиц, которая проводится сейчас в столице, позволит во время Олимпийских игр пересечь город в любом направлении на автомобиле за 20 минут. Это сообщение поначалу вызвало у многих улыбку. Кто не знает улиц Мехико? Сотни машин собираются у перекрестков, шофера непрерывно жмут на клаксоны и с завистью смотрят на пешеходов.

Но власти отнеслись к своему заявлению серьезно, и тех, кто давно не был в Мехико, езда по городу просто обескураживает. В этом я убедился, как только сам сел за руль автомобиля. Сначала я ехал по знакомой улице, по которой ездил семь лет назад. Ехал не торопясь, за что получал от шоферов молчаливые проклятья. Но я не прибавлял скорости. Огромные дома из стекла и алюминия стояли на месте старых двухэтажных домиков с узорчатыми балконами. Я доехал до центра города и здесь совсем растерялся. Не оказалось той улицы, по которой я прежде ездил. Я остановил машину и услышал с разных сторон выразительные возгласы водителей машин.

— Вы заблудились, сеньор? — спросил подлетевший на мотоцикле полицейский.

— Раньше тут была улица,— сказал я, на всякий случай нащупывая в кармане свои мексиканские права.

— Это было давно. Прошу вас не задерживать движения. Можете ехать прямо.

Я нажал на газ и помчался в плотном потоке машин. На месте прежних ненавистных для шоферов перекрестков оказались тоннели и мосты.

Скоро поток машин стал не таким плотным. Приближалась окраина города. Я взглянул на часы. Прошло пятнадцать минут после моего разговора с полицейским, и я вспомнил, что прежде, семь лет назад, по этой дороге нужно было ехать целый час.

«Стадион Ацтека»,— прочитал я указатель, висевший неподалеку. Этого стадиона прежде тоже не было. У ворот стадиона толпились служащие, одетые в зеленую форму, с золотой кокардой на фуражке. Один из них, Педро Родригес, сел со мной в машину. Асфальтированная дорога кружила вокруг трибун стадиона, поднимаясь все выше. Оказалось, что на машине можно подъехать к самому верхнему ряду трибун. Мы вышли и окинули взглядом огромную чашу великолепного стадиона, в глубине которого ярко зеленел квадрат поля. Нервно вздрагивали поливальные аппараты, далеко выбрасывая струйку серебристой от солнца воды.

— Этот стадион построен по проекту архитекторов Педро Васкеса и Рафаэля Михареса,— сказал служащий.— Во время Олимпийских игр здесь будут футбольные состязания. Сто тысяч зрителей разместятся...

Служащий еще что-то говорил с гордостью, и в речи мелькало все то же слово «олимпико» — олимпийский. А я не мог оторвать взгляда от вулканов Попо и Итца. Вулкан Итца своими очертаниями напоминает спящую девушку. А рядом взметнулся своей вершиной в небо вулкан Попо. Он символизирует юношу, охраняющего покой девушки. Так гласит легенда.

Уже тысячи лет вулканы являются стражами столицы, свидетелями ее величия, боев, поражений и побед. Много страниц истории прошло перед ними. Теперь разворачивается еще одна страница — олимпийская...

Тысячи разных кактусов собрались в Мексике. Эти служат надежным забором.

Разве может мексиканец провести воскресенье без боя быков!..

В центре Мехико, на площади «Трех культур», проходит индейский праздник цветов.

На первой странице обложки

Трудно встретить страну более разноликую и красочную, чем Мексика. Города с католическими храмами, будто перенесенными из Валенсии и Севильи, небоскребы из стекла и стали, огромный «Стадион Ацтека».

Но, конечно, начало всех начал в Мексике — памятники далекого прошлого: пирамиды древних индейцев, поражающие нас размахом и величием, скульптуры — творения индейцев-ольмеков.

Все мексиканцы — и те, кто живет в городах и кто работает на плантациях, и даже мальчишки, которые обязательно уговорят вас купить «маленькую», в полцентнера, связку бананов,— все они с гордостью берегут то, что было создано когда-то на их земле руками предков.

Фото В. Чичкова.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

СВАДЬБА

I

Свадьба как свадьба. Все вроде идет как нужно. На всякий пьяный рев «Горька-а-а!», краснея и смущенно улыбаясь, невеста поворачивается к жениху, и они целуются. Делают это просто, на виду у всех, и никто не находит в этом ничего предосудительного.

Серега почему-то вспомнил Лену, представил себе, как и она будет целовать своего большеголового Сеньку, как и в нее вцепится множество бесстыжих пьяных глаз,— представил себе все это Серега и покраснел так, что слезы выступили из глаз. Но никто этого не увидел, потому что все были заняты свадебным представлением, которое продолжалось и вступило уже во второе действие. В положенный час дружка дает какой-то знак, и гости начинают громко сообщать о своих дарах, ибо молодые теперь «на нови» и им необходима на первых порах подмога. Кто кладет на противень, заменивший поднос, деньги, кто кусок материи, кто заверяет, что приведет ярчонку, кто — поросенка, кто — пару курят, кто — что.

Пишка, добровольно, по собственной инициативе возложивший на себя обязанности по сбору подношений, подмигивая направо и налево нагловатыми своими глазами, подзадоривает: «Не скупись, сваха, не обеднеешь, поди!», «А ты, кума, о чем это призадумалась? Развязывай-ка свой узелок!», «И ты, лесной разбойник, пришипился? А ну-ка, Архип Колымажевич, полезай в карман. У тебя, чай, в кубышке золотишко захоронено? Помню, как ты в торгсин заладил в тридцатых-то годах. Давай, давай, раскошеливайся! Это тебе не топоры наши да пилы отбирать. Там-то ты проворный, а тут, вишь, растерялся, сидишь, как красна девка!»

Лесник Колымага глядит на Пишку с предельной ненавистью, но в карман все-таки лезет и бросает что-то скомканное на противень. На лице его, исполненном благородного гнева, ясно отпечаталось: «На, подавись, горлодер несчастный, но только не попадайся мне на лесной тропе!»

Пишка тем временем тормошит другого, третьего, добрался и до своего дружка-приятеля Тишки, принялся и за него. Тот вмиг обливается потом, старается спрятать узкое, зверушечье лицо за спину соседа, делает отчаянные знаки Пишке, шепчет:

— Ты с ума сошел? Знаешь ведь, что у меня ни гроша за душой?!

Пишка успевает ему кинуть на ухо:

— Ты хоть обещай, дурья голова, а там поглядим!

Выход найден, лицо Тишкино озаряется: обещать — не давать, мало ли он кому и что наобещал! Оживившись, он делает ошеломляющее заявление:

— Телку летошнюю отдаю тебе, Фенька, и тебе, Филипп Иваныч, председатель наш дорогой, только налогов бери с меня помене, а то силов никаких нету. Я ить за нее, матушку, Советскую-то нашу власть, сражался, когда ты под столом ползал. Так что...

Гости зашумели, закричали все и одновременно. Первая часть Тишкиного заявления хоть и поразила всех, но ненадолго — все рассудили: язык без костей, мало ли что может сболтнуть, на посулы Тишка горазд, это уж известно. Вторая же половина короткой его речи определенно понравилась всем и своею смелостью и своей точной нацеленностью прямо в больное для всех затонцев место: налоги-то и впрямь были великоваты. В награду Тишка получил внеочередную чарку самогона. Опрокинув ее, он и сам уж почувствовал себя героем, сделался не в меру криклив. Ораторствуя, размахивал руками так, что сидевшие по соседству с ним наклонялись, чтобы не встретиться носом с костлявым Тишкиным кулаком.

Феня глянула на жениха: не обиделся ли он? Нет, не обиделся: улыбается во весь рот, поощрительно кивает в сторону разошедшегося Тишки: давай, мол, давай, чего там, крой!

— А ты бы, милок, умолкнул, что ли,— посоветовал другу Пишка и прикрыл своей лапищей Тишкин рот. Крутнув головой, Тишка высвободился и тотчас же обрушился на товарища:

— Ты, Епифан, не заткнешь своей поганой рукой мои уста, понятно? Ты лучше скажи нам, что сам-то положил на твой поднос, а? Что? Примолкнул? То-то и оно! — Теперь уже Тишка решительным образом был убежден, что собственные его дары совершенны и он имеет право требовать, чтобы то же самое сделали и другие.— Ну-кась, вынимай свою трешку, за ошкуром она у тебя припрятана...

Пишке ничего не оставалось делать, как пошарить за ошкуром и извлечь оттуда старенькую, насмерть измученную нетерпеливыми пальцами выпивохи трехрублевку. Знай Тишка, что за свою выходку получит по шее, он, верно, поубавил бы прыти (звончайшим подзатыльником Тишка был пожалован в тот же день, едва они вышли за ворота, покидая к вечеру гостеприимный двор Угрюмовых).

Свадьба между тем шла своим чередом. Гости явно отяжелели — не то что петь, выкрикивать «горько!» не хватало уж сил. Гудели, как шмели, да лобызались обслюнявленными, лениво отвисшими, вялыми губами. Трезвыми оставались лишь отец, мать, Феня, ее жених Филипп Иванович, Гриша и Серега; последние так и не решились пропустить по одной, хотя студентам вроде бы уж и не возбранялось такое дело.

Гриша не спускал глаз с сестры, все усиливался определить, действительно ли она счастлива или пытается убедить и себя, и отца с матерью, и жениха, и всех, кто был на свадьбе, что она необыкновенно счастлива. Но Гриша не верил в ее счастье, видел, что и она не верит, и оттого и смех ее, и улыбки, и короткие вспышки разговорчивости, и ее кивки в ответ на какой-то шепот мужа — все, решительно все было ненатуральным, невсамделишным, она просто играла, играла неумело, и Гриша видел, как мучительна для нее эта игра, и ему было очень жаль сестру. Да и откуда бы взяться счастью? Неделю назад Феня даже не слышала про Филиппа Ивановича, не видела его, ничего не знала о нем, и вот он сидит рядом, и приходится теперь ей мужем, и присвоил ей свою фамилию — теперь она не Угрюмова, а Лубянская,— и пошла-то она за него (Гриша хорошо знал это) только потому, что мать «сдоньжила», поедом ела одной и той же своей песней: «Останешься в девках, никому не будешь нужна!» Фене лишь недавно пошел восемнадцатый, ее подруги-комсомолки и не думают еще о замужестве, им даже смешно было, когда узнали: Феня выходит замуж. Фенька — и замужем? Это очень даже смешно!..

Гриша пристально посмотрел на мать, на отца, понял, что и они встревожены, что и они не верят в прочность и естественность того, что происходит сейчас в их доме. Материнское сердце — вещун, и оно подсказывает Аграфене Ивановне, что поторопились они с этой свадьбой и что во всем виновата она, мать. Иногда ее взгляд встречался с взглядом дочери, и всякий раз Аграфена Ивановна видела один и тот же вопрос: «Ну, ты теперя довольна, мама родная?» Мать торопливо отводила глаза в сторону, чувствуя, что к сердцу сначала, а потом к вискам подступала горячая кровь. Леонтий Сидорович был почти непроницаем: по его лицу трудно было определить, что затаилось в сердце. Он разливал и, казалось, целиком был поглощен этим занятием. Но по тому, что он делал это, в сущности-то,

Главы из нового романа «Ивушка неплакучая».

Рисунки Ю. ВЕЧЕРСКОГО.

очень веселое дело слишком сосредоточенно, Гриша понял, что и отец далеко не в восторге от такой затеи: чувствуется, что не без длительной борьбы с Аграфеной Ивановной дал он свое согласие на замужество дочери и сейчас хотел лишь одного — чтобы свадьба была как свадьба, чтоб на миру не сказали о ней ничего худого, чтобы гости разошлись довольные.

— Айда, Серега, в лес,— шепнул Гриша, и от этих слов его на Серегу повеяло волнующе сладким воздухом вчерашнего их детства.

Они потихоньку снялись со своих мест и вышли на улицу. Никто этого и не заметил. Никто, кроме Фени, которая опять забеспокоилась, глянула встревоженными глазами на мать и отца, но ничего не сказала. Пригорюнилась, затаилась как-то и хотела только одного: поскорее бы все кончилось. Поскорее бы!

Перед тем, как пойти в лес, Серега и Гриша забежали в школу, которую окончили в прошлом году. Никого там, как им и хотелось, не было. Тихо, как в церковь, вошли в зал, руки сами собой сдернули кепки и зажали их в кулаке. Вот сюда в течение семи лет они выбегали — то из одного класса, то из другого — на переменку, устраивали тут кучу малу́, преследовали визжащих девчонок. Сейчас зал представлялся странно маленьким, такими же показались и сама школа, и ее классы, и учительская (Серега и Гриша заглянули в нее — впервые безбоязненно). Все вроде бы сузилось, сжалось, было тесным — таким, должно быть, заматеревший, давно оперившийся птенец, вернувшись спустя какое-то время, находит гнездо, в котором вылупился когда-то из теплого яйца и увидал свет. Грустно что-то. Гриша вспомнил про сестру, старался представить эту здоровенную невесту в зале, на переменке, и не мог. Покраснел и поморщился от нехорошей мысли, что придет ночь и Феня поведет своего долговязого за нарядную занавеску, не стыдясь и не смущаясь, вчерашняя школьница и нынешняя комсомолка. Странно. Странно и гадко, пожалуй. Но ведь рано или поздно, но такое все равно должно было произойти когда-то. Чего ж он дуется?

Собственные шаги гулко отдаются в сердце. А чужие ударили в него совсем уж оглушительно. Оглянулись оторопело.

— Дядя Коля! — радостно, хором воскликнули ребята.

— А, это вы, академики! — Дядя Коля взял их за уши и, сведя головы, легонько стукнул одна о другую.— На праздник приехали? Опоздали маненько. Что ж, Григорий, свадьба, слышь, у вас?

— Свадьба.

— А ты... что так? — спросил дядя Коля, понявший по голосу Гриши, что тому, видать, не по душе эта свадьба.— Не доволен? Ну, ты вот что... Послушай меня, старого обормота: в такие дела лучше не совать носа. Девка созрела, ей нужен муж. Только и всего.

Гриша и Серега глядели на дядю Колю и удивлялись: годы идут, а дядя Коля не меняется — темные глаза по-прежнему хитро и молодо посверкивают, а чего только не видели эти глаза! Бывший моряк торгового флота Российской империи и боевой матрос Балтики в дни революции и в годы гражданской войны, дядя Коля повидал так много, что слушать его долгие неторопливые рассказы — одно великое удовольствие. Жизнь дяди Коли вообще была полна самых удивительных и невероятных приключений, но ему и этого было мало: необузданная его фантазия, казалось, не имела границ. Привыкший постепенно к тому, что с его именем неизменно связывали дела необычайные, из ряда выходящие, он как-то распустил слух, что изобрел деньгодельный станок. И, чтобы новость эта самым кратким путем дошла до односельчан, продемонстрировал действие станка перед женою. Загодя разменял в районной сберкассе десятку на совершенно новые, не бывшие в ходу пятаки, забрался однажды на печку и предупредил супругу:

— Оришка, поди-ка к печке да приготовься: деньги будешь собирать.

После этих слов загремел какими-то железками, заскрежетал, застучал, и на припечек, прямо на глазах у потрясенной Орины, посыпались новехонькие пятаки.

Через час все село узнало об изобретении дяди Коли. А еще через час в его избу явился милиционер. Деньгодельного станка он, понятно, не обнаружил, но дядю Колю на всякий случай арестовал и препроводил в район. Оттуда его направили в Саратов, в место предварительного заключения, где дядя Коля и пробыл целых три месяца, пока шло следствие и пока в точности не установили, что деньгодельный станок — чистейший плод озорной дяди-Колиной фантазии.

Дядю Колю всегда тянуло на люди, в народ, так сказать. Особенно любил он «покалякать» с молодежью, поучить ее уму-разуму, рассказывал, как был часто преследуем царскими властями за свое вольнодумство, за связь с революционно настроенными матросами. Выйдя из тюрьмы, он нередко выкидывал такие номера, что о некоторых из них и поныне рассказывают завидовцы — рассказывают, разумеется, с восторгом. Гриша и Серега в школе еще «проходили» Горького и были совершенно убеждены, что тот писал одного из своих героев с ихнего дяди Коли, повстречавшись с ним во время своих скитаний в каком-нибудь черноморском порту, может быть, в Одессе, где с дядей Колей приключилась одна из его многочисленных и замечательных историй.

Покинув как-то полицейский участок, где ему учинялся очередной допрос, перед тем, как вернуться на свое судно, дядя Коля решил заглянуть в небольшой трактир. Уселся за столик, поманил глазами малого, заказал отбивную и полный стакан смирновки. Быстро все это «усидел», потребовал повторить. Управившись в какую-то минуту и с этим, поднялся и преспокойно, с видом человека, который только что совершил более чем благородный поступок, направился к двери. Трактирщик некоторое время провожал его глазами — мало ли что случится с человеком, может, забыл, что надо расплачиваться, может, вот сейчас вспомнит, вернется, извинится и полезет за кошельком. Он, трактирщик, скажет ему: «Бывает»,— только и делов. Однако дядя Коля и не думал возвращаться. Видя это, служитель кабака громко возопил: «Эй, господин, а кто за вас платить будет?!» Слова достигли дяди-Колиного уха, когда нога его покидала последнюю ступеньку крыльца. Дядя Коля остановился в сердитом недоумении, теперь уж он глядел на разгневанного трактирщика удивленно. «В чем дело?.. Ах, да,— рассеянно проговорил он,— заплатить же надо... Ну, это мы мигом. Обождите минуточку. Я сейчас!» Он вернулся в трактир, остановился возле дверного косяка и начал вертеть воображаемую ручку телефона. «Лондон?.. Очень хорошо! Девушка, дайте, пожалуйста, квартиру короля!.. Хорошо. Это король?.. Ваше величество, здрасте!.. Да, да, это я, совершенно верно, дядя Коля, вспомнили, значит, бывалого морячка?.. Так вот, ваше королевское высочество, дядя Коля малость ту́т задолжал. Вышлите, будьте добры, червонец... нет, больше не надо, один червонец. Да, да, в трактир, в Одессу. Покорно вас благодарю! — Дядя Коля крутнул несуществующую ручку один раз вправо, другой — влево, потом подошел к окончательно отупевшему малому и вежливо молвил: — Не волнуйся, голубчик, скоро ты получишь свои деньги. С прибавлением на чай, разумеется. Это вам говорит дядя Коля, знаменитый моряк!»

Заверений этих, однако, для трактирщика оказалось почему-то недостаточно. Обогнав удаляющегося из кабака дядю Колю, он выскочил на крыльцо и стал звать городового. Дядя Коля успел-таки прошмыгнуть мимо и в тот момент, когда подбежал блюститель порядка, стоял уже посреди немощеной площади в самом центре большой лужи, образовавшейся от недавних дождей. Городовому, конечно, не хотелось пачкать своих начищенных до солнечного сияния сапог, и он решил покамест повести с дядей Колей мирные переговоры. «Вылазь, милок, добром прошу!» — начал городовой первым. «А зачем?» — спросил невозмутимо дядя Коля. «Вылазь, тогда узнаешь, зачем». «А ежели я не вылезу?» — осведомился вежливо дядя Коля. «Вытащим силком!» «Милости прошу, сделайте одолжение!» Дядя Коля недаром болтался по свету, усвоил-таки вежливую форму обращения с людьми, а с власть предержащими — в особенности. «Как зовут?» — спросил городовой. «Дядя Коля!» — отозвался моряк. «Фамилие как, спрашиваю?» «Фамилию забыл, совсем запамятовал, ей-богу!» «Ну, ты вот что, дурака-то не валяй, плохо ведь будет!» «Куда уж хуже: стою по колено в грязной воде, а вы-то на сухом бережку. Впрочем, к воде я привычный, десять лет, посчитай, проплавал...» «Так не выйдешь?» «Никак нет!» «Ну, гляди же у меня, полундра пьяная!» «Вы, господин городовой, намного ль трезвее меня?» «Ма-а-лчать! Наваляешься нонче же у меня в ногах, христом богом будешь просить, чтоб отпустил!» «Никак нет, дядя Коля ни у кого еще в ногах не валялся, даже у барина Ягодного, когда в работниках у него, живодера, служил. С какой же стати я встану на колени перед вами, призванным защищать интересы слабых?» Последние ли слова дяди Коли, сказанные вроде бы искренне, или то, что вокруг стала быстро накапливаться толпа веселых зевак, которые кричали и явно брали сторону моряка, подействовало на городового, или наконец в нем пробудилось чувство юмора, но он совсем неожиданно и громко расхохотался, махнул рукой в сторону дяди Коли и отошел прочь. Уж издали крикнул опешившему трактирщику: «А ты сам следи за своими посетителями! Поднял шум из-за ерунды, из-за каких-нибудь пятидесяти копеек! Ишь как разорился!»

Глядя сейчас на дядю Колю, трудно было поверить, что все это случалось именно с ним. Взгляд его был глубок и ясен. Темные редкие волосы причесаны, даже неровный проборчик побежал от левого виска к затылку. Серега и Гриша глядели на него такого вот и чувствовали в душе, что им не хватает чего-то в дяде Коле, таком вот, какой он есть сейчас. Странное дело: человек трезв, разумен, а им чего-то не хватает в нем. Чего же? Неужели озорные причуды для них дороже в дяде Коле?

— Дядя Коля, а как же насчет деньгодельного станка? — вырвалось у Сереги, и не успели эти слова еще погаснуть, как Серега горько пожалел, что они выскочили.

Дядя Коля долго молчал. Потом поглядел на Серегу, сказал с незлобивым укором:

— Глупый ты еще, Серега, хоть и студент. Ничегошеньки-то не понимаешь в жизни.— Опять долго молчал, думал о чем-то. Неожиданно спросил: — Как ты думаешь, для чего людям сказки?.. Молчишь? А еще про деньгодельный станок... Эх ты, цыпленок!

И ушел из школы, не прибавив больше ни слова.

Серега и Гриша, притихнув, какое-то время еще стояли посередь зала. Затем тоже направились к двери.

II

Реку переплыли на крохотной лодчонке, выдолбленной из осинового бревна стариком по прозвищу Апрель. Пробрались по узкой, затравеневшей уже тропе к Ерику, старице речки Баланды, где и прежде любили сиживать. Угнездились под талами и бездумно-молча стали глядеть на воду. Тут была своя жизнь. И свои свадьбы. Отовсюду к берегу, отталкиваясь задними перепончатыми лапами и вытаращив глазищи, догоняя одна другую, плыли большие зеленые лягушки. Они еще не отладили, не организовали своего хора, но у многих на щеках уже вспухали пузыри — свадебные волынки. Звуки «уурыва-уурыва», принадлежавшие не то одним женихам, не то одним невестам, поначалу были разрозненными, но постепенно к ним подключились другие, и это было похоже уже на перебранку, в ответ на «уурыва» там и сям слышалось: «А ты ка-кая, а ты ка-ка-я?» И вот уже то и это смешалось, соединилось, и это был хор жутко нескладный и неблагостный для человечьего уха, но неповторимо своеобразный, единственный в своем роде, который мог принадлежать только лягушкам и никому более. Послышался легкий всплеск воды, крики усилились, сделались неистовей, горячей. Вода забулькала, вскипела, покрылась сплошными пузырями, как во время внезапного ливневого дождя. Началась непонятная карусель.

— Небось, тоже орут «горько!», твари,— сказал Гриша и передернулся от пронзившего все его существо отвращения.— Пойдем отсюда, Серега!

Сереге был непонятен этот бунт товарища, больше того, ему нравилась лягушачья возня. Уговорил Гришу остаться. Тот натянул кепку, спрятал в ней голову по самые плечи, повернулся на бок. Усталость еще не прошла, быстро сморила и Серегу, прильнувшего вскоре спиною к товарищу. Приятели заснули. Перед тем как лечь, костюм свой Серега повесил на сучок тала. И проснулся оттого, что ему почудилось: кто-то подкрался и тихо снял пиджак. Открыл испуганные глаза и увидел Феню. Она сидела, обхватив руками подтянутые к животу коленки и упершись в них подбородком. Темный Серегин пиджачишко покрывал ее опущенные, странно узкие плечи.

— Спи, спи. Скоро утро,— шепнула она Сереге.— Филипп Иваныч прямо как убитый. А я потихоньку выскочила из дому, пошла вас искать. Дядя Коля показал, куда вы пошли. Он на берегу сидел. Задумчивый какой-то... Ну, вы спите, а я посижу возле вас. Ладно? — Феня поправила на себе пиджак, застегнула на одну пуговицу, кончиком рукава тихо коснулась лица.

Лягушачья свадьба, видать, тоже начала выдыхаться к утренней зорьке. Крики стали реже, и им уж не хватало прежней ярости и сочности. Похоже, такие празднества не могут длиться долго.

III

У Леонтия Сидоровича и Аграфены Ивановны Угрюмовых пятеро детей. Феня — старшая среди них, первенец, на долю которого, по условиям сельской жизни, меньше всего выпадает родительских нежностей. Может, ее и баловали поначалу, но Феня не помнит, когда это было. Она знает, что уже с шести лет стала главной помощницей матери. Исключая Гришу, для троих своих младших брата и сестер она была няней; из года в год, по мере того как появлялись на свет, сопливые, капризные и крикливые, они сменяли друг друга на Фениных руках, для которых находилось еще много-много других разных дел. В семь лет на крепенькие ее плечи легло коромысло с двумя ведрами, наполненными, правда, только наполовину. Бывало, несет их от колодца, а сердечко стучит торопливо, спина выгибается, того и гляди, переломится, икры босых, чуток кривоватых ног напружиниваются — может, тогда-то и обозначились сухожилия, которые впоследствии приносили столько огорчений девушке. Аграфена Ивановна всплескивает руками, ворчит: «Почесть полные?! Да ты, никак, с ума сошла, Фенюшка!» А сама страсть как довольна, что не придется самой идти за водой, что появилась у нее наконец подмога. Отчетливо различив радость в голосе матери, Феня бежит к зыбке, выхватывает оттуда Катеньку — младшую свою сестренку, убирает из-под нее мокрое, закутывает красное тельце в сухую, только что снятую с печки пеленку, вновь укладывает и начинает петь тоненьким, но очень похожим на материн голосочком:

Ах, усни, усни, усни,
Угомон тебя возьми.

Катенька засыпает, а Феня бежит уже к большому деревянному корыту, над которым клубится вонючий от дешевого стирального мыла пар. На полу возвышается гора рубах, штанов и платьев. Мать успела только «простирнуть» все это, а Феня должна была завершить стирку, а потом развесить «шоболы» во дворе на плетнях и на веревках. Потом огороды, прополка и полив картошки, огурцов, свеклы, помидоров — таскаешь из речки по крутым ступенькам ведро за ведром, пока не упадешь в полном изнеможении. Мать, завидя такое, скажет под конец: «Иди, доченька, отдохни, моя славная, золотая моя работница. Я уж сама докончу!»

Затем прибавились школьные заботы, очень приятные и радостные для Фени: на добрых полдня она уходила от пеленок, от коромысла, от белья, которое никогда не перестираешь. Мать же охала и ахала, сердито поджимала губы, за обедом, за ужином ли непременно заводила одно и то же: «Силов моих, отец, больше нету,— Аграфена Ивановна обращалась к мужу, а Феня знала, что слова эти предназначены для нее,— руки уж опускаются. Доколи все одна да одна буду чалить по дому? Ведь вас вон какой содом!» А когда Феня собралась было в пионерский лагерь, добрая, ласковая ее мать решительно взбунтовалась: «Не пущу! Не бывать этому! Ишь ты чего надумала, бездельница! Будешь там хабалить у костра, а огороды вон все цыганка задушила, и осот да молочай вымахали по самую шейку. Чего тут я с ними одна-то буду делать!» — И она шлепнула по шее подвернувшегося случайно Гришу.

Пионерский лагерь пришлось оставить. По вечерам, встретив корову и загнав ее во двор, Феня потихоньку убегала к речке. Там, за рекой, как раз напротив того места, где она сидела, пригорюнившись, горел большой костер, знакомые ребятишки и девчонки прыгали возле него, визжали, потом начинали петь. Пели и про картошку-объедение, и про синие ночи, которые должны были взвиться кострами, и про дедушку Ленина, у которого так много внучат, желающих умереть не иначе, как в сражениях, и не где-нибудь, а только «на валу мировых баррикад», и про паровоз, у которого остановка лишь в коммуне, и про знамя, которое горит и рдеет нашей кровью, и про многое другое, что волновало, будоражило Фенино воображение. Всхлипнув от горькой обиды, она убегала домой, лезла на сеновал, где у нее в летнюю пору была постель, засыпала, однако, не скоро. Но и засыпая, все слышала и слышала далекие голоса: «Сотня юных бойцов из буденновских войск на разведку в поля поскакала». Ей снились те самые юные бойцы, среди них была и она, Феня, и Авдей, прозванный Белым за светлые, солнечные свои кудри (он был рядом и почему-то держал Феню все время за руку), и Машенька Соловьева, подружка Фени, и какие-то еще девчата и ребята, которых она не знает, но вроде бы где-то уже видела их, и даже дядя Коля был среди тех юных буденновцев. Часу в четвертом утра Феню будила мать — надо было проводить в стадо только что подоенную Пестравку. Вставать ох как не хотелось! Но Феня вставала, опускалась по зыбким перекладинам на землю и, полусонная, шла вслед за коровой, а та и сама хорошо знала, куда надо идти.

После третьего класса школу пришлось покинуть, и навсегда. Настояла Аграфена Ивановна, которой в самом деле было тяжко с большой семьей.

— Пущай Гриша учится. Ему это нужней,— сказала мать.

Феня умоляюще глядела на отца, думала, что заступится, но Леонтий Сидорович промолчал, крякнул только, шумно высморкался, как делал всегда, когда был чем-нибудь недоволен, и удалился во двор. Ему было и жаль дочь, но ведь и мать права: не совладать ей с домом. А тут подоспели колхозы. Одних отцовых трудодней не хватит, чтобы прокормить такую большую семью. Фене, стало быть, тоже надо выходить на артельную работу. Поплакала, поплакала тайком у себя на повети, а утром положила в платок два вареных яйца да кусок ржаного хлеба и пошла в поле — на ток, где продолжался запоздалый обмолот колхозной пшеницы. С удивлением и радостью, которую надобно было бы скрыть от подруги, увидала там Машу Соловьеву — она тоже оставила школу, впрочем, кажется, без особого сожаления. Боевая во всех других отношениях, Маша была безнадежно глуха к школьным наукам, не давались они ей, и это обнаружилось уже в первом классе, где Маша задержалась два года. Во втором она задержалась бы тоже, но в решительную минуту ее

выручила Феня, осуществив несколько весьма удачных, никем не замеченных подсказок. В четвертый класс Машу не перевели, а оставаться еще на одну зиму в третьем она не захотела. Получив порку от батьки, веселая и беспечная, отправилась в поле помогать взрослым на току. Так-то вот они и встретились с Феней, и обеим стало повеселее.

В голодном тридцать третьем худо досталось бы семье Угрюмовых без Фени. Когда Леонтий Сидорович совсем уж выбился из сил, и, как нередко бывает даже с сильными мужиками, не выдержав расширившихся в голодном недоумении и устремленных на него детских глаз, он едва ли не первый пал духом. Сел на приступок крыльца, обхватил руками упавшую на грудь большую свою, круглую голову и горько задумался: куда пойти, у кого просить, когда все сидят без куска хлеба? В эту-то минуту она и объявилась, старшая его дочь Феня, с мокрым мешком за плечами. Она бросила его с ноющей спины на землю, подошла к отцу, подняла ладонями его голову, заглянула в лицо синими улыбающимися глазами.

— Вот... еду принесла, тятя! — сказала она и высыпала у ног отца ракушки.

С того дня Феня выходила на реку каждое утро. Сильная, умеющая хорошо плавать и нырять, она выискивала ракушки чуть ли не на середине реки, в самой глубине, потому что у берегов их уже не было — все повыбирали другие люди. Вскоре вместе с нею на странную эту охоту стал выходить и Авдей. С ним дела пошли еще спорее. Он нырял вниз головою и долго шарил под водой, торча вертикально, как селезень. Выхватив большую ракушку, бросал ее на берег, где стерегла Феня, которая тут же прятала добычу в мешок. Когда Авдей истрачивал свои силы, на смену ему плыла Феня, таким образом промысел их продолжался долго и без перерыва.

Как-то они ныряли вместе, и там, под водою, Авдей нечаянно наткнулся рукой на Фенину грудь, крохотную и детскую. Испуганно отпрянул, быстро вынырнул и торопливо поплыл к берегу. Потом подплыла и она. Сидели молча и не глядели друг на друга. Но затем это прошло. Вновь поплыли за ракушками, но только Авдей нырял уж далеко в стороне.

Осенью тетка Авдотья увезла своего сына Авдея в большой город — к старшей его сестре. Он уехал, не простившись с Феней. Он просто не знал, что полагается с кем-то прощаться. Уехал, и все. Никто даже и не заметил в Завидове, что нету больше Авдея Белого. Много людей в ту пору покидало свое родное гнездовье.

На другой день после отъезда Феня неожиданно спросила у матери:

— Мама, Авдей нам родной?

— А как же! Ты ему двоюродная племянница будешь.

— Значит, он мой дядя? — подумав о чем-то, спросила она опять.

— Ну да.

— Это как же, мама? Он толечко на один год старше меня и — дядя?

— Бывает и так, Фенюша. А почему ты спрашиваешь меня об этом?

— Так...

Годы шли. Начал забываться и тот страшный тридцать третий. В тридцать четвертом Феня стала комсомолкой, ну а еще через два года откуда-то подвернулся он, ее суженый. Родом из степей заволжских, едва вернувшись из армии, он был направлен в Завидово по путевке областного комитета комсомола и назначен на должность председателя сельсовета. Это совпало по времени с той порой, когда Аграфена Ивановна уж с какой-то особой настойчивостью принялась стращать свою дочь:

— Досидишься, глупая, проморгаешь всех женихов, останешься в старых девках, кому тогда нужна!.. А про Белого позабудь! Родственник он наш — негоже, чай... Приедет — на порог не пущу!.. Возле нее такие парни увиваются, а она...

— Какие еще парни? Где ты их видела?

— А Филипп Иваныч? Аль не пара? Глянь, какой представительный... и образованный, не нам чета!

— Ну, коль не нам чета, то и не нужен он!

— Это еще что такое? Да где ты найдешь еще такого жениха?..

Однажды вечером Филипп Иванович увязался с Феней на комсомольское собрание. А потом стал искать каждую минуту, чтобы быть с нею рядом. Кончилось все свадьбой.

IV

«Свадьба... муж?»

Феня передернула плечами, как давеча ее брат Гриша. Она понимала, что задерживаться ей тут, у Ерика, не следовало бы: в любой час может проснуться Филипп Иванович — что подумает о ней? Но и уходить не хотелось. «Ладно,— решила она холодно,— чему быть, тому не миновать, видно, уж судьба. А коли так, буду любить его, буду холить, прибирать его, моего родного, моего суженого, моего единственного, пускай завидуют ему все ребята, пускай и Авдей, когда приедет погостить, посмотрит, какая я жена!»

Мысль эта подбодрила Феню. Она торопливо поднялась, накрыла Серегиным пиджаком спящих студентов и бегом направилась к дому, думая про себя: «Только бы... только бы не проснулся Филипп Иваныч! Только бы не проснулся!»

Серега и Гриша проснулись от шумного

всплеска воды и от жуткой ругани Апреля, который, отоспавшись на угрюмовской лужайке, решил проверить сети, поставленные им еще третьего дня в Ерике, богатом и щукой, и карасем, и линем, и плотвой, задерживавшимися тут после половодья. Старик повременил бы с этим делом, отыщись у него другой предлог вновь заглянуть в дом, где наверняка будет продолжено свадебное пиршество. Как ни мучился, ничего сколько-нибудь убедительного придумать не мог, да и голова была далека от того, чтобы в нее могли прийти какие-либо стоящие мысли. Выручить могла только рыба, которая пришлась бы впору для утреннего свадебного стола, но ее надобно было еще выбрать из сетей, если она догадалась запутаться в них.

Рыба не догадалась. В двух проверенных сетях оказалась единственная плотвица, да и та выскользнула из непослушных пальцев неопохмеленного рыбака. Вся надежда теперь была на третью снасть, но она зацепилась низом за корягу. Таким образом, планы Апреля безнадежно рушились. Для начала он выматерился как следует, вдохновил себя этим своеобразным боевым кличем и приступил к делу, которое едва ли можно отнести к разряду разумных.

Ребята очнулись в тот момент, когда Апрель, выгнув шею по-ястребиному и хищно оскалясь, терзал несчастную снасть, рвал ее на звенья и в ярости выбрасывал на берег. Он мог бы, конечно, осмотреться, спокойно оценить обстановку и распутать сеть, но на то у него не хватило терпения. Это уже не первый случай, когда старику жалко было затратить каких-нибудь десять минут, чтобы спасти рыбацкое снаряжение. Потом у него достанет и выдержки и усердия на то, чтобы всю зиму с утра до поздней ночи вязать новую сеть.

Странно устроен иной раз человек!

Серега и Гриша знали о причудах Апреля, а потому и посоветовали:

— Ты б отцепил ее, дядя Артем. Зачем же вещь губить?

— Не она меня, а я ее сделал,— ответствовал Апрель, продолжая с еще большим ожесточением свое занятие.— Вы б, чем учить старика, принесли бы лампадку. Голова разрывается на части, моченьки нету.

— Пойдемте к нам, дядя Артем! Там, поди, осталось от вчерашнего,— предложил Гриша.

— Знамо, осталось. Да ить погнать могут. Турнут ведь, как ты думаешь? — сказал Апрель, радуясь мелькнувшей вдруг перед его очами возможности и еще не совсем веря в нее.

— Пойдемте, чего там! — решительно покликал Гриша.

Выдрав последние клочки сети и кинув их далеко в ветлы, старик быстро погреб к ребятам. Причалив и выйдя на берег, поздоровался:

— Ну, здрасте, шпингалеты! Пойдемте, что ли?

Уже перебрались через реку, уже подходили

к дому, когда Апрель резко остановился и объявил:

— Не пойду, ребята! Вы идите, а я...

Гриша принялся уговаривать. Серега помогал ему. Но Апрель наотрез отказался. Студенты не видели того, что успел заприметить их спутник: он увидел, как, опережая их, в дом Угрюмовых нырнули хорошо знакомые Апрелю фигуры Пишки и Тишки.

— Вы идите, а я вернусь к сетям,— договорил старик и шибким, спорым шагом направился опять к реке.

Серега и Гриша поняли, что в таком случае им надлежало делать. Вскоре они опять уже сидели у Ерика, угощали Апреля самогоном, похищенным для них Фенею со стола, а он их — рыбацкими и охотничьими историями, восходящими по времени к годам давно минувшим, то есть к тем самым, когда старик Апрель был вовсе не старик, а совсем молодой парень, когда на земле и леса были гуще, и реки глубже, и травы выше, и люди, не в пример племени нынешнему, богатырь к богатырю, когда, стало быть, и чудес разных было куда больше, нежели теперь. Сереге и Грише, конечно, трудно поверить в такое, но все рассказанное Апрелем — сущая правда, недаром же всякий раз, перед тем, как начать новую историю, он истово осеняет себя крестным знамением и только уж потом начинает.

— Взять вот хотя бы щуку,— говорил сейчас старик, довольно и сыто жмурясь на солнце и гоняя по голым деснам обмусоленный кусочек соленого огурца; при этом как бы нюхал душистый майский воздух большим своим, обработанным еще в детстве оспой носом (теперь нос был еще и красен и удивительно походил на спелый помидор, исклеванный забредшими в огород курами).— Да, щуку... Вы, поди, думаете, что она существо безмозглое, что у нее нету разума?.. Как бы не так! Вот послушайте, что я вам расскажу про нее, зубастую мошенницу...— Солнце совсем уж вылезло из-за зеленой стены леса и на какое-то время ослепило и рассказчика и его слушателей, на лицах которых загодя, как бы авансом, поселилась улыбка, та, что бывает у людей, приготовившихся внимать охотничьим побасенкам: знаем, мол, что брешешь ты как сивый мерин, но валяй рассказывай, слушать-то все равно интересно.

Ни Серега, ни Гриша, ни кто-нибудь другой, оказавшийся в их положении, не могли знать об одном чрезвычайно важном обстоятельстве: не знали они того, что охотник и рыбак никогда не врут. Если им и случается поведать нечто такое, во что трудно, почти невозможно поверить, то виною этому характер, который у охотника или рыбака совершенно не такой, как у всех нормальных людей. Дело в том, что самая малая удача в лесу, в степи, на реке ли, каковая все-таки изредка выпадает на долю охотника или рыбака, в дальнейшем начинает испытывать удивительное превращение, когда подстреленный где-нибудь на лесной опушке зайчишка обернется вскорости матерым волком, а малюсенькая уклейка, выуженная в реке,— пятикилограммовым жерехом, а чей-то там неслыханный успех непременно будет выдан рассказчиком за свой собственный — только и всего. Как видите, сознательным враньем тут и не пахнет. Знай про то Серега и Гриша, они бы не морщили своих губ, не складывали б их в ироническую ухмылочку в то время, когда Апрель был серьезен до чрезвычайности. Он даже полез в карман за кисетом, когда на него нахлынули воспоминания.

— Вышли мы с лесником Колымагой — он двумя только годами моложе меня будет,— вышли мы с ним к Лебяжьему озеру до свету, еще коров не выгоняли, чтобы захватить утку на воде,— с восходом солнца она улетит в поле, на кормежку. Присели у пенька, молчим, ждем, когда туман рассеется, за ним-то не видать ни шута, глядим как в молоко. А слышим: крякают и плещутся полегоньку утки. От нетерпения, от росы, от утренней прохлады начинаем подрагивать, приспели откель-то комаришки — к концу августа они еще были. Принялись жалить, кусать — терпежу нашего нету: ни выругаться, ни шлепнуть ладошкой, прибить его, треклятого, нельзя — спугнешь дичину. Молчим. Ждем. С час, кажись, прождали, пока туман не поредел малость. Показались утки. Медленно так выплывают из осоки на самую середину прогалины. Впереди — селезень, перья синевой отливают, за ним — самки-материги, потом — чирки, лысухи, нырки, мелочь разная. Что-то около дюжины. Мы, понятное дело, взяли на прицел материг. Бабахнули разом. Когда дым улетел, видим: две утки лежат на воде вверх пузом, а третья плавает боком как-то вокруг них, шлепает по воде одним крылом, крякает. Скинул Колымага штаны, рубаху, поплыл. Забрал убитых, ухватился и за подранка. Тащит и чувствует, что утка вроде бы зацепилась за что-то. Подтянул ее все-таки к берегу, зовет меня на помощь. Что, говорит, за оказия? Потянули вдвоем, у самого берега и увидели ее, щуку то есть. Огромная такая, ухватилась зубами за утиные ноги и тянет к себе, как, скажи, собака. Нам бы прикладом ее по башке, а мы, сказать по правде, растерялись, струхнули даже от неожиданности: не часто бывает такое. И что ж бы вы думали? Перехитрила она нас, вырвала утку, которую мы втроем-то успели уже задушить. Вырвала — и в осоку, только ее и видали... Вот вам и щука! А вы говорите...

Серега и Гриша ничего не говорили. Они слушали молча и готовы были поверить Апрелю, поскольку не раз слышали о похищении щукой не только диких, но и домашних уток, а те покрупнее будут.

Следующим был рассказ о долголетии щук, о том еще, какие редкие ценности находят рыбаки в щучьих животах (для пущей убедительности Апрель вынул карманные часы и сообщил ребятам, что лет этак тридцать назад обнаружил их в щуке вместе с длинной серебряной цепочкой. «Покрутил туды-суды барабанчик, и они, часы то есть, пошли как ни в чем не бывало!»), не забыл рассказать и о том, как продал однажды живых щук одному отчаянному сельскому хвастунишке, а тот запустил их к себе в подпечек, куда по весне заходила вода, и потом попросил соседа, мужика хитрющего и жадного, выловить их своим саком, а тот выловил и забрал себе весь улов, не поделившись с хозяином-бахвалом.

Под конец Серега и Гриша выслушали печальную и суровую повесть о том, как долго и жестоко мстила ему, Апрелю, волчья стая за то, что тот поймал капканом их вожака. Пять лет кряду подвергали волки своим разбойным набегам Апрелево подворье, задирая то овцу, то козу, то теленка, то — за неимением ничего другого — собаку. И неизвестно, как долго продолжались бы еще эти напасти, если б Апрель не догадался перебраться со своим жильем на другой конец села. Поскольку из любых историй — горьких или веселых — разумный человек должен делать полезные для себя выводы, то сделал их и Апрель.

Во всяком случае, с той поры окончательно расстался с охотничьей страстишкой, заменив ее другою, менее опасной — рыбачьей.

— Щука хоть и зубаста, а ног у нее нету: не забегет в хлев и не утащит овцу,— сказал в заключение Апрель, видя, что ребята уже затосковали, заглядывают на часы уже не для того, чтобы полюбоваться, какие они, а для того, чтобы узнать время. Неожиданно признался и, кажется, совершенно искренне:— Да и жалко мне стало и уток и зайчишек. Подстрелишь, подойдешь к нему, зайчонку то есть, а он глядит на тебя сбоку так еще живым черным глазом и не понимает, за что же ты его... Бывало, все внутри так и дрогнет, так и ворохнется — убил бы сам себя за этакое злодейство!.. А рыба, что ж... кровь у нее холодная, может, ей и не так больно — не кричит, когда тащишь из нее крючок, иной раз прямо с потрохами тащишь... Ну, ладно, ребятки, заговорил я вас совсем, спасибо за угощение, спасли мою старую дурную голову. Пойду.

— Куда же вы, дядя Артем?

— На колхозные огороды, Гриша. Взвалил председатель на мою шею эту мороку. А какой из меня огородник? Правду говорит твоя сестра Феня: на пугало только и сгожусь. А итить надо. Как-никак два трудодня за каждый аж день пишут...

И он ушел, высокий, нескладный и так же, как дядя Коля, непонятный для Сереги и Гриши. Они сидели на прежнем месте, молчали. Гриша не мог избавиться от прицепившегося к нему видения: умирающий заяц и широко открытый в немом недоумении глупый его, безгрешный глаз.

Дыхание границы

Борис ДУБРОВИН

НА ТРОПЕ

Все неизменно: и песок,
И ветка, согнутая вдвое,
И, словно птичья лапа, хвоя,
К которой камешек присох,
И крошку пестующий жук,
Здесь путешествующий утром,
Тебя приветствующий мудрым
Движеньем усиков, как рук.

Но ты склоняешься к тропе,
Ты опустился на колено;
Вчера все было неизменно,
А вот сейчас не по себе:
Придавлен матовый песок
И ветка, согнутая вдвое,
И, оторвавшийся от хвои,
Лег камешек наискосок,
И вдавленный в тропинку жук
Уже недвижен: не до крошек...

И, взглядом трогающий ёжик
Травы примятой, встал ты вдруг:
Хотя следов как будто нет,
Да и трава совсем живая,
Но ты, зубов не разжимая,
Напарнику бросаешь:
— След!

У КОНТРОЛЬНО-СЛЕДОВОЙ ПОЛОСЫ

Как смотрит он во все глаза
Издалека:
Распаханная полоса
Неширока.

Не замечающий засад
Средь тишины,
Пересекает диверсант
Рубеж страны.

Прошел? Не больно? Он живой!
Судьбой храним?
Ожог контрольно-следовой
Неощутим.

Но бледен? Ноги подвели?
Бежать не смог...
Сквозь эту полосу земли
Пропущен ток:
Вдохнувший в ненависть любовь
И нашу боль,
Ток в двести миллионов вольт
Бесстрашных воль.

ОЛИМПИЙСКОЕ

1968

БЕСПОКОЙСТВО

ПЕРЕД СТАРТОМ

Александр ГОМЕЛЬСКИЙ,
старший тренер
сборной команды СССР

Американские баскетболисты на Олимпийских играх никогда не проигрывали. Что сулит Мексика? Вот вопрос, который волнует баскетбольных экспертов, а их с каждым годом становится все больше: ведь популярность баскетбола быстро прогрессирует. Во всей Южной Америке, Азии, Франции, Италии, Югославии, Испании, Болгарии, где тепло и где нет хоккея, баскетбол прочно удерживает второе место после футбола. А в США баскетбол — вид спорта № 1.

Сто восемь стран объединяет сейчас Всемирная федерация этой игры. ФИБА по числу членов — вторая после легкой атлетики спортивная Федерация. Но лишь 16 командам будет предоставлено почетное право участия в Олимпийских играх. И 4—5 команд определяют главные тенденции в развитии этой увлекательной игры. От них постоянно исходят тактические новинки и сюрпризы, в них главным образом появляются новые звезды, которым начинают затем подражать во всем мире.

Кто же они, эти фавориты? В Южной Америке бесспорным лидером континента в последние 10 лет остаются бразильцы. Правда, в Токио бело-зеленые с трудом удержались на третьем месте и даже умудрились проиграть команде Перу, а затем они были низложены сборной СССР у себя дома. Вот почему специалисты единодушно стали считать, что баскетбольная Бразилия явно пошла на убыль. Но в Уругвае на чемпионате мира 1967 года сборную Бразилии нельзя было узнать. Даже подтянутый, собранный, уверенный внешний вид спортсменов говорил о переменах к лучшему. Их игра вновь заблистала высокой техникой владения мячом. Эффектные быстрые прорывы, отличные броски издали, каскад финтов, поразительная прыгучесть — их отличительные черты на уругвайском чемпионате.

Матч Бразилия — СССР был признан лучшей игрой не только нынешнего, но и всех предшествующих чемпионатов мира. Этой игрой бразильцы подтвердили свою высокую баскетбольную эрудицию. Кроме быстрых атак, в тактическом багаже бразильцев появилась и новая нотка позиционного нападения. С этой целью они готовят Эмиля Рашида (его рост — 226 см). Но эта пушка в Уругвае еще не стреляла.

Недавно мы совершили еще одно турне по Бразилии. Оно познакомило нас с совсем новой командой. Пять раз встречались мы с экс-чемпионами мира в Рио-де-Жанейро, в уникальном по вместительности дворце спорта, рассчитанном на 20 тысяч зрителей, в Сан-Паулу, Кампинасе и других городах и пять раз побеждали национальную сборную Бразилии в упорнейшей, редкой по накалу и драматизму борьбе. Как оказалось, у бразильцев смена тренеров: после первенства мира место Каннело занял Мигуэль Ренато. На первых порах он омолодил сборную страны, оставив в команде лишь Убиратана, Менона и Рашида, а также Роза-Бланка и Маскито. Однако после первых двух поражений Ренато решил прибегнуть к помощи многоопытных Амаури, Вламира, Жатьира.

Появление на поле любимцев Сан-Паулу привлекло на стадион поклонников баскетбола. Тридцать восемь минут лидировали хозяева поля, но в решающие минуты матча М. Паулаускас, Г. Вольнов, Я. Липсо, В. Андреев и А. Поливода сделали свое дело. Итог встречи — 82 : 79 в нашу пользу.

Если бы в Мексику приехала токийская команда США, вряд ли она стала бы снова чемпионом. Баскетбол неудержимо шагает вверх. И то, что вчера считалось знаменательным, новым, сегодня никого не удивляет. Если в Токио 40 процентов попаданий с игры считалось хорошим результатом, то в Уругвае этот итог перевалил за пятьдесят. Американцы не стоят на месте, они по-прежнему законодатели баскетбольных мод. Поражение в Уругвае больно ударило по их престижу. Баскетбол — это та игра, которую они придумали, и они считают ее игрой нации. Проигрывать в баскетболе им особенно больно, и в Америке принимаются меры к созданию сверхмощной олимпийской команды. Сейчас там в ходу такое выражение: «Может ли баскетбол перешагнуть Алсиндора?» Это новая, сверхъяркая звезда. В студенческом баскетболе он сделал свою команду непобедимой. Алсиндор (его рост — 217 сантиметров) обладает прыгучестью Рассела, результативностью Чемберлена. Алсиндор приносит за матч более 50 очков. Особенно он хорош в обороне, и у своего кольца он просто никому не дает мяча. Но так ли силен Алсиндор, как его малюют американские баскетбольные журналисты? На этот вопрос ответит время.

В те дни, когда писалась эта статья, американцы провели свой традиционный предолимпийский турнир на высоте Мехико и составили национальную сборную, во главе которой вновь встал опытный тренер — победитель двух последних олимпиад Г. Айба. Средний рост сборной Америки — 196 сантиметров, самый высокий игрок, Кен Спаин, — 206 сантиметров; самый маленький, Калвен Февлер, — 186 сантиметров. По мнению специалистов, американцы будут менее мощны в Мехико, чем в Токио, но Айба считает, что недостаток в силе команда компенсирует за счет скорости и техники.

В конце июня сборная США приедет на турнир в Москву. Привезут ли американцы свой полный состав или опять, как перед Токио, проведут лишь разведку, станет ясно позже. Вместе с американцами в турнире выступят мексиканцы и один из победителей предолимпийского турнира в Софии.

Какие же европейские команды отправятся в Мехико, кроме СССР и Италии? Это станет ясно после игр в Софии. Наиболее предпочтительные шансы у сборной Чехословакии, а также у организаторов турнира — болгар. Опасны и сильны команды Польши, ГДР, Югославии и Франции. Желающих поехать на Олимпиаду много, а вакансий в Софии будет всего две. Ну, а что же остается нам? Знать всех соперников, следить за их новинками, изучать их сильные стороны.

В этом смысле нельзя сбрасывать со счетов сборную Югославии. Последние 5—7 лет успехи югославской сборной были связаны с именами таких больших мастеров, как Данеу, Корач, Джурич, Райкович, Джерджа, Петричевич. И так случилось, что всех их сразу отпустили из сборной. Одни уехали играть в итальянские и бельгийские клубы, другие остались работать по специальности дома. На плечи молодых сразу свалилась трудная ноша ответственности. И ничего нет удивительного в том, что они не справились с этой тяжестью и заняли на первенстве Европы осенью 1967 года 9-е место.

Многие склонны считать, что Федерация Югославии поступила слишком смело. Наша Федерация тоже заботится о будущем, но не в ущерб настоящему. Я склонен думать, что в Мексику югославы, если они туда прорвутся, снова привезут своих асов, хотя бы двух-трех, а молодежь у них, безусловно, многообещающая. Их новые центры П. Сканси (207 см) и Е. Чосич (205 см) уже сейчас грозная сила. А хорошие центры, как известно, делают хорошую команду. Те, кто сбросит югославов со счетов, могут быть за это серьезно наказаны.

Хозяева поля всегда опасны, это старая истина спортивных игр. Все это можно отнести к организаторам будущей Олимпиады — мексиканцам. Их игра типична для команд Южной Америки. Они лучше и мощнее нападают, чем защищаются. Бросают мексиканцы по кольцу много и точно. Причем каждый игрок — снайпер. В последнее время Федерация баскетбола Мексики нашла с клубами общий язык, и сейчас все лучшие силы призваны под флаг сборной. Три года мексиканцев тренирует известный американский игрок и тренер Л. Лайн, и тренирует неплохо. Он явно поднял у мексиканцев физическую кондицию, привил вкус к коллективной игре, создал мощный и дружный ансамбль. Сейчас это современная по тактическому оснащению и индивидуальному мастерству команда. Думается, что на Олимпийских играх от мексиканцев самое время ждать сенсаций.

Я назвал несколько команд, но это совсем не значит, что остальных мы не опасаемся. Наш лозунг «Самый сильный соперник тот, с кем мы играем сегодня» остается в силе. Чехословаки, поляки, итальянцы, японцы, уругвайцы и аргентинцы — все будут опасны на Олимпиаде.

Теперь о наших планах.

Те новые тактические приемы, которые принесли нам успех в 1967 году, видимо, больше не будут поражать соперников. И хотя поговорка «От добра добра не ищут» бытует еще и в спорте, останавливаться на вчерашнем — значит дать соперникам шанс. Долгое время, работая с рижским СКА, я был приверженцем позиционной игры, с заранее разученными комбинациями, с неторопливым использованием сильных сторон наших лидеров — Я. Круминьша, М. Валдманиса, В. Муйжниекса. Эта же спокойная тактика доминировала и в сборной СССР. Но шло время, менялся баскетбол. Менялись и способы воздействия на соперников. Стало ясно, что медленной игрой навязать инициативу, заставить соперника решать неожиданные задачи больше нельзя. Так родилась тактика активных воздействий. Она зародилась у нас с Ю. Озеровым еще в Токио, а осуществилась только в 1967 году в скоростной игре в защите и нападении, с сокращенными режимами игры до 10 минут, без деления игроков на основных и запасных. И хотя сейчас наша игра все еще далека от совершенства, эта тактика уже не нова. Но о себе пока помолчим: так спокойнее да и безопаснее.

Тренер сборной команды СССР А. Гомельский (165 см) в окружении двух гигантов. Слева — бразилец Э. Рашид (226 см), справа — А. Петров (215 см).

Сама жизнь

Борис ЩЕРБАКОВ

В 1609 году после долголетних странствий возвращается на родину во Фландрию блистательный посол и живописец — увенчанный европейской славой Питер-Пауль Рубенс.

Вскоре по приезде в скромной мастерской своего старого учителя Адама ван Ноорта он встречает молодого талантливого художника Якоба Иорданса, с которым судьба связала Рубенса до конца его великолепных, полных триумфа дней.

Якоб Иорданс. Художник, талант которого не поблек и остался в веках, несмотря на ослепительный свет искусства гениального фламандца Рубенса. Иорданс, сын торговца средней руки, был ближе к простому народу, чем вельможа Рубенс, награждаемый рыцарским званием, почетными орденами европейских монархов.

Персонажи картин Иорданса, будь то мадонны, сатиры, герои мифов, взяты из жизни, так же как и участники веселых пиршеств, прославившие имя живописца, мастера экспрессии, грубоватого юмора и огромного жизнелюбия.

Источником его творчества была жизнь, бурно кипевшая в родном городе, в ту пору торговом центре Европы. В порту Антверпена одновременно стояло под погрузкой не менее двух тысяч крупных и мелких торговых судов чуть ли не всех стран мира. Здесь же находились конторы крупнейших банков.

Изобилие товаров, плодов земли и моря нашло отражение и в изобразительном искусстве. Не случайно здесь возникло и творчество Снайдерса, писавшего лавки с горами плодов, диковинных морских рыб, разнообразной дичи, с тушами оленей, диких коз, кабанов. Утверждение радости жизни, почти языческое преклонение перед силами природы стали философской концепцией художников Фландрии. Не следует при этом забывать и о национальном духе, о неутомимой энергии и жизнелюбии народа, в трудный, кровавый период своей истории создавшего легенду о Тиле Уленшпигеле — неунывающем герое.

В 1616 году Иорданс — преуспевающий живописец. В его мастерской по эскизам и наброскам художника ученики выполняют многочисленные картины, которые он завершает.

Следуя традиции, Иорданс берет многие сюжеты из античной истории или мифологии, трактуя их, однако, как сцены из фламандского быта, не придавая им никакой религиозной или мистической окраски.

Таков и его Диоген, с фонарем среди белого дня ищущий Человека на базарной площади меж насмешников и хулителей мудреца. Такова и дева Мария с младенцем Иисусом на руках, таковы Сатиры и Нимфы в одной из его ранних картин, «Плодородие Земли», таковы же персонажи эрмитажного «Бобового короля», одной из лучших картин художника, и «Сатир в гостях у крестьянина» из собрания Музея имени Пушкина в Москве.

В последних двух произведениях ярко выражена характерная черта Иорданса-художника: его любовь к правде. Не случайно он неоднократно возвращался к этим сюжетам, варьируя персонажи и обстановку действия.

Пожалуй, именно в этих полотнах родился Иорданс — мастер семейных праздников и простых бытовых сцен, не похожий ни на Рубенса, ни на других мастеров, составивших славу фламандской школы живописи.

Сюжет картины «Король пьет», или «Бобовый король», взят непосредственно из жизни фламандцев и изображает традиционный праздник трех волхвов. В этот день обычно запекали в праздничный пирог боб, и королем провозглашался тот, в чьем куске он находился. Далее праздник проходил под властью избранного счастливой случайностью короля. Сюжет этот, взятый из народной жизни, был естествен для демократически настроенного художника.

«Сатир в гостях у крестьянина» написан на тему басни Эзопа. Козлоногий Сатир приходит в гости в крестьянский дом. Он наблюдает, как крестьянин собственным дыханием согревает руки, а затем дует на ложку с горячей похлебкой, чтоб остудить ее. Сатир удивлен, что человеческое дыхание способно одновременно и охлаждать и согревать. Подозревая обман и неискренность, Сатир, рассердившись, покидает хижину крестьянина.

Никакой утрировки, ничего фантастического нет в этой композиции, кроме волосатых с копытами ног и маленьких рожек Сатира. Идет застольная беседа, в которой принимают участие все присутствующие. Разнообразны персонажи и выражение их лиц. В центре хозяин с набитым ртом, полный внимания. Он слушает и ест. За ним смеющийся приятель с высунутым языком, уже опустошивший свою миску с похлебкой. Молодая хозяйка, с легкой иронией подающая какую-то реплику, полная недоумения девочка у нее на руках. И, наконец, козлоногий житель леса, по сути, такой же крестьянин, лишь наделенный мифологическими атрибутами. Картина написана широкой кистью, однако манера письма подчинена убедительному выражению формы. Обнаженный торс Сатира по характеру лепки напоминает манеру Рубенса. Полупрозрачные тени, пастозные блики света, мягкий контур. Рисунок выразительный и свободный.

Фрагментарный характер композиции картины «Сатир в гостях у крестьянина» типичен для многих произведений Иорданса. Крупные фигуры, частично уходящие за раму, все выдвинуты на первый план и выглядят «весомо, грубо, зримо». Это придает вещи известную монументальность, так же, как широкая лепка формы, несмотря на сравнительно небольшой размер картины...

Одно из полотен, посвященных мифологическим сюжетам,— «Одиссей в пещере Полифема». ...Одиссей вместе со своими спутниками ищет пристанища в пещере Полифема — дикого одноглазого великана, занимающегося скотоводством. Полифем стал пожирать пришельцев. Одиссей хитростью спас своих спутников. Он ослепил великана и привязал людей под брюхо баранов, которых Полифем выпускал на пастбище. И в этой композиции живописец находит место для деталей быта своего времени, своего народа.

В 1635 году Рубенс привлекает Иорданса к украшению города по случаю торжественной встречи наместника Фландрии инфанта Фердинанда, а вскоре он участвует в исполнении большого заказа, порученного Рубенсу королем Испании Филиппом IV.

Были написаны картины для украшения двадцати залов во вновь выстроенном замке Дель-Прадо. По эскизам Рубенса на темы «Метаморфоз» Овидия была исполнена большая серия композиций, среди которых не одна принадлежит кисти Иорданса.

2 июня 1640 года Антверпен провожал в последний путь Рубенса. Стоголосый хор церкви Богоматери пел священные псалмы, шествие освещалось 60 факельщиками, украшенными крестами из алого шелка.

Фландрия простилась со своим великим сыном.

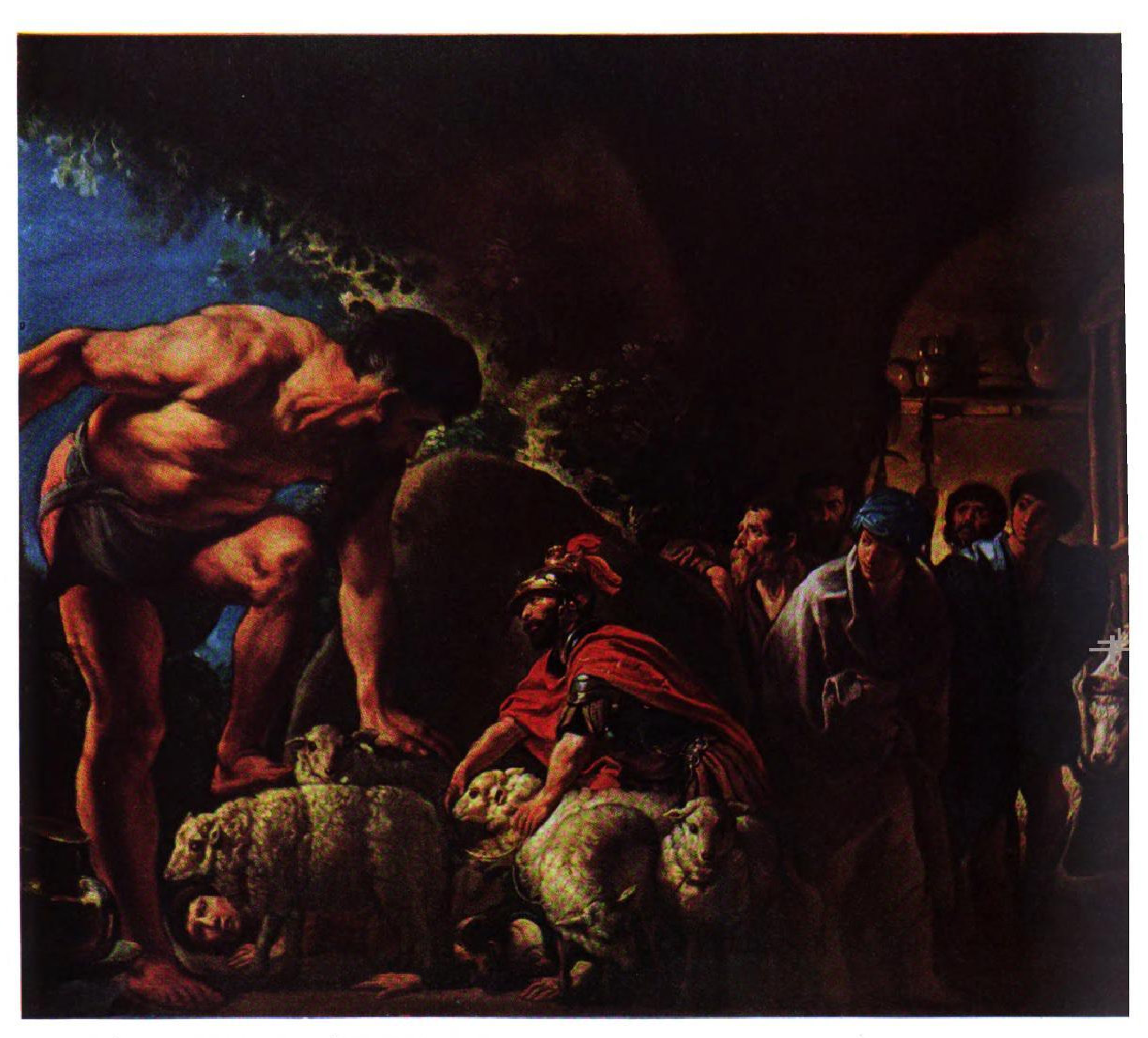
С этого дня Якоб Иорданс становится первым художником Антверпена. К нему переходят заказы, не осуществленные Рубенсом, его привлекают к исполнению больших картин, украшающих различные общественные здания и дворцы Дании, Голландии, Швеции. В 1652 году Амалия Сольмс, вдова принца Оранского, поручает ему центральную роспись пригородного дворца близ Гааги — «Триумф Фридриха-Генриха Оранского».

Эти официальные заказы уводят художника от той простоты и непосредственности, столь подкупающей в его картинах семейных праздненств на темы народных поговорок, басен, легенд, греческих мифов.

Пышность и парадность новых полотен не заменяют безыскусственного веселья, бьющего через край жизнелюбия его бобовых королей, хитроватых мужиков и дородных женщин. И если до сих пор живут и привлекают нас полотна Иорданса, то не пышностью огромной композиции, даже не блеском мастерства, а тем непосредственным ощущением жизни, выражением народного характера, так ярко сказавшегося в лучших произведениях живописца.

Последние годы жизни Иорданса не ознаменованы появлением произведений, что-то прибавляющих к его славному имени. Он намного пережил своих великих соотечественников Рубенса, Ван-Дейка и с грустью имел возможность наблюдать упадок фламандской школы живописи и утрату значения родного города как центра торговой жизни Европы.

Умер Иорданс 18 октября 1678 года, прожив 85 лет, из которых более шестидесяти были отданы искусству..

Якоб Иорданс. 1593—1678. ОДИССЕЙ В ПЕЩЕРЕ ПОЛИФЕМА.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

Якоб Иорданс.

САТИР В ГОСТЯХ У КРЕСТЬЯНИНА.

Около 1621 года.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

Якоб Иорданс. АМУР И СПЯЩИЕ НИМФЫ. Киевский музей западного и восточного искусства

Иван ГАЙДАЕНКО

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ЗАБЫТЬ НЕ МОГУ

Бушует шторм, свистит ветер, рваные тучи низко бегут над морем, тяжело и грузно ухают волны. Светает. Что-то заскрипело. Гулкий удар железа о железо. Я схватываюсь, вслушиваюсь. Ракетница готова к выстрелу. Из-за шторы, отделяющей спальню от капитанского салона, выскакивает человек с автоматом. Бросился к нему Минер. Залаял, боится подойти близко. Широкий ствол ракетницы смотрит в лицо пришельца. Офицер роняет автомат. Собака с визгом отскакивает в сторону. Я ногой отбрасываю автомат к двери.

— Руки!

Да, это тот самый голубоглазый лейтенант. Он поднял руки вверх. Из кармана его брюк я выхватываю пистолет.

— Выворачивай карманы!

Лейтенант выворачивает карманы брюк, обгоревшего френча. На пол падают часы, авторучка, бумажник, зажигалка, брелок с ключами и фотография. На меня смотрит с карточки девочка лет восьми, пухлые губы, вьющиеся волосы...

Из бокового кармана френча на пол посыпалось с десяток патронов. Я отбросил их ногой в сторону.

— Собирай пожитки! — показываю на бумажник, на фотографию.

Он с опаской садится на корточки, первой забирает фотографию, испуганно поглядывает на меня.

— А теперь вниз, марш!

Молча идет к двери, за ним выхожу я, за мной — торжествующий победу Минер.

Спускаемся в коридор средней надстройки. На трапе вскидываю пистолет, его ствол направлен прямо в спину немца. Надо в затылок: вернее...

Шаги лейтенанта становятся нетвердыми. Я вижу, как дрожат его ноги. Ствол пистолета смотрит в затылок лейтенанта...

Вдруг он поворачивает голову. Глаза не голубые, выцветшие, а молочно-водянистые. Такие глаза на фотографии девочки, его дочери.

Шаги офицера — быстрее, тверже. Медленнее, неуверенно шагаю теперь я, на миг останавливаюсь в раздумье, опустил пистолет.

— Эй, официр!

Лейтенант останавливается не сразу, нехотя поворачивается лицом.

— Динамо, динамо-машину знаешь? Электричество?

— Знайт,— отвечает лейтенант.

— Дизель знаешь?

— Знайт.

— Все знаешь!.. Шагай вперед.

Цепочка «конвоя» движется дальше.

Вот и кладовая боцмана — святая-святых Феди-Васи.

Открываю железную дверь подшкиперской, приказываю лейтенанту входить. Немец безропотно подчиняется. Закрываю за ним дверь, со скрежетом закручиваю снаружи проволокой скобы.

Вышел на палубу. Как здесь легко дышится!

Косматая волна ударилась о борт, обдав брызгами.

Слышно, как звякает железо. Это лейтенант берет ломик и вставляет его в металлическую ручку дверей, запираясь от меня.

На кормовом флагштоке трепещет мокрый флаг. Опускаю его, отвязываю и переношу к грот-мачте. На фалах поднимаю флаг на гафель. Теперь флаг высоко над волнами, не будет мокнуть...

Почему-то открыта продовольственная кладовая. Непорядок, наверное, Папочка забыл закрыть. В кладовой пахнет хлебом и копченостями. Несколько буханок лежат на полке, пять колец колбасы висят на крючьях, в ящике лук, немного муки в мешке, в жестяной банке постное масло, ящик соли. Скудные запасы. Отламываю кусок колбасы и хлеба. Минер юлит хвостом, смотрит в глаза, облизывается. На лету ловит свою порцию и с аппетитом съедает.

Пустота, шторм, одиночество. Меня охватывает страх. Что будет дальше?

Нет, все это мне приснилось. Все мои товарищи здесь, рядом, они сейчас просто заняты делом...

Я брожу по опустевшим каютам. У старпома в умывальнике белье для стирки, на кровати — белый китель с тремя нашивками, медная пуговица с якорем, один раз прихваченная черной ниткой, нитка тянется к столу, где лежит раскрытая книга, а на ней пачка папирос «Порт» с воткнутой иголкой. На полу валяется веник.

В каюте Феди-Васи гулко тикают часы, вертится вентилятор, на столе недоигранная партия «козла». На переборке висит гитара с оборванной струной.

Каюта буфетчицы. На стене фотография Полины. На кровати клубок шерстяных ниток и недовязанная перчатка со спицами для вязания. На столе справка с подписью, удостоверенной печатью с флажком Совторгфлота: «Дана сия Усенко Любовь Николаевне в том, что она действительно...»

Не знаю, не помню, как и когда я вернулся в радиорубку, как сел на диван, запер на ключ дверь. Усталость и пережитое свалили меня, и под грохот волн и свист ветра я уснул, крепко и безмятежно.

Только днем вспомнил о своем пленнике. Ведь есть, наверное, хочет. Человек все же, хоть и враг; откручиваю проволоку с дверных скоб, дверь не открывается. Кричу ему:

— Жрать хочешь? Выходи!

Молчит. Потом слышу скрежет, вытягивает ломик из дверной ручки. Жду, не выходит. Заглядываю в иллюминатор, а он притаился за дверью с поднятым ломиком, меня поджидает. Взорвало, схватился было за пистолет, а перед глазами опять девочка с пухлыми губами...

— Брось лом, гитлеровская морда!

Он опускает медленно ломик, осторожно укладывает его на бухту каната.

И снова «конвой», снова цепочкой: офицер, я и Минер. Пленник мой заметно посерел. Глаза запали, рыжая щетина взошла густым посевом на его щеках.

— Поживешь в коридоре,— высказываю ему свое решение.— Оно сподручнее будет, здесь лома не найдешь и пищу носить ближе.

Коридор. Справа и слева закрытые двери кают. Впереди запертая дверь кают-компании. Я протягиваю ему кусок хлеба и колбасы. Вспыхнули глаза лейтенанта, он проглотил ком слюны и набросился на еду.

— Сильно не нажимай,— советую лейтенанту.— Ужинать на субмарине будешь. Не придут твои солдаты. Точка.

С утра утомленный ветер стал засыпать.

Далеко-далеко на горизонте вырос призрачный желто-каменный дом. Держась подальше от берегов, проходит какое-то наше судно. Рефракция изменила правдоподобие его архитектуры, и узнать, какой именно пароход, невозможно. Одно ясно: идет он из Одессы в Новороссийск. Ах, работал бы передатчик!

Неведомая сила тянет меня к рычагу гудка. Услышат ли? А сжатый воздух надо сохранять. Надежда на более счастливый и верный случай останавливает мою руку.

Ночь. Заставляю себя уснуть, набраться сил. Ничего не выходит. Мысли, мысли и какая-то прерывистая дремота набегает волнами.

Завтра утром погоню лейтенанта запускать машину. Попробуем. Надо бы дать ему хорошо отдохнуть. А может, не надо? Черт с ним, выдержит.

Встаю. Прошелся по рубке, взял со стола пистолет, карманный фонарик. Вышел на палубу, Минер со мной. Тихая звездная ночь, море еще дышит мертвой зыбью.

В углу коридора на цементной палубе спит лейтенант. Дергается его нога. Кто знает, какой сон видится ему. Крепко спит.

Луч карманного фонаря ударил в лицо фашиста. Вскочил лейтенант, жмурит глаза. Открываю дверь в кают-компанию, пистолетом приглашаю: «Входи, располагайся».

Дверь кают-компании остеклена матовым стеклом. Лейтенант стоит по одну сторону двери, я по другую. Его силуэт вырисовывается на стекле. Фонарем освещаю замочную скважину... А какой смысл закрывать его: дверь-то стеклянная. Махнул рукой и пошел к себе в рубку.

Разбудило меня звяканье металла. Прислушался... Странно, что это может быть? Так всегда начинала свой рабочий день Любовь Николаевна.

Тихо спускаюсь в коридор кают-компании. Все ясно.

Утро лейтенант начал с обследования ящиков и полок буфета. Звенят ложки, вилки, ножи — хозяйство Любови Николаевны. В его руке сухарь. Он осматривает его со всех сторон, дует и начинает грызть. Грызи, грызи, офицер, ума набирайся.

За трое суток не мешало бы помыть лицо. Тихо шагаю к себе в каюту. И вдруг... знакомая мелодия «Карнавала» Шумана. Она то удаляется, то наплывает волнами. У лейтенанта «Карнавал» звучит в ритме марша, но хорошо играет...

Течет в отлив вода из крана, а я стою и вспоминаю молчаливого Дмитриевича, как он любил слушать музыку.

Зашипел, застучал кран. Из него вырывается пенистая вода с ржавчиной, вырывается с перебоями. Это грозная музыка. Я со страхом в глазах перевожу взгляд на вазу с цветами, закрываю кран и спускаюсь в кают-компанию.

Ноги лейтенанта в одних носках — на педалях пианино. Глаза влажные, задумчивые. Обрывается аккорд. Лейтенант вскакивает.

— Как зовут тебя, офицер? Имя, имя как?

— Имя?— Лейтенант зло улыбается одними краешками губ.— Мой имя — Шпрингенбет,— гордо произносит он,— Пауль Шпрингенбет.

— Шпрингенбет,— механически повторяю я.— Шпрингенбет? Это, кажется, «прыгай в кровать».

Лейтенант надел ботинки, подтянулся, застыл.

— Извиняйт, официр-оперейтор. Мой имя есть Вилли фон Гунц.

— Ого! Фон Гунц. Не пора ли нам, фон, пускать двигатель? Дизель, дизель...

Он отрицательно вертит головой.

— Понимайт автомобиль, дизель не понимайт.

— Стрелять понимаешь? Врешь...— Я достаю пистолет.— Дизель запускать, живо!..

Полчаса фон разглядывал двигатель.

Наконец он рукой касается одного вентиля, глазами прослеживает ход турбопровода, касается рукоятки и пальцем ведет по кабелю: изучает, куда он ведет. Открывает вентиль, дергает на себя рукоятку. Двигатель отвечает ему грозным шипением. Лейтенант поспешно закру-

Окончание. См. «Огонек» №№ 20, 21.

чивает вентиль. Снова изучает схему трубопровода, снова пытается запустить двигатель. Ворчит, безрезультатно хлопочет. Машина только шумно вздохнет и остается мертвой.

Три часа провозился — безрезультатно. Сомнения нет, он не саботирует, просто не знает, что к чему.

— Не пора ли нам, фон, похлебать горячего?— предлагаю, когда мы поднялись из машинного отделения.

— Дойчланд официр не может небритый, давай бритва, сигарета давайт, горячий вассер...

— Вот как! А дизель ты запустил? Горячий вассер! — Я достаю из гнезда графин с водой, отливаю стакан и ухожу с графином.

— Ты нест злой русский.

— А ты был добрым, фон? Ничего не дам. Так велит совесть моя перед товарищами... Может, суп консомэ с гренками потребуешь? Марш на палубу! В трюм, ящики разруби. Дрова на камбуз, галушки варить будешь... Горячий вассер!..

Я смотрю в открытые лючины и вижу, как Вилли Гунц отрывает доски от ящиков, на которых лаконичная надпись: «Большая земля — Одесфронт». Лейтенант набрал из вскрытого ящика пригоршню серых горошин-семян, удивленно рассматривает их, раскусывает зубами. Гунц усаживается на ящик и, пересыпая семена с руки на руку, отсутствующим взглядом смотрит в одну точку.

Наверное, перед глазами лейтенанта — Германия, жена, дочь. Ветер колышет, рвет лампадки тюльпанов, черный дым, огонь наваливаются на цветы, дым сплошной завесой все застилает перед его глазами...

Через несколько минут дым и огонь бушуют в плите камбуза. Гунц подбрасывает щепы в плиту. Чья-то тень мелькнула у распахнутой двери камбуза. Что это, галлюцинация? Но почему лейтенант опасливо выглянул на палубу? Я постоял, послушал. Все тихо. Закипает вода в кастрюле... Наверное, показалось.

Больше всего меня беспокоят запасы воды.

...Я извлекаю из уцелевшей шлюпки неприкосновенный запас: жестяную банку с галетами, консервы, шоколад и, главное, анкерок с водой.

Драгоценный клад переношу в радиорубку.

Потом у горящей плиты я рву мелкими кусочками тесто, бросаю галушки в кипяток. Гунц открывает консервную банку «бычки в томате», чистит лук, картофель.

— Все великие воины были мастера на все руки,— говорю лейтенанту,— а ты, белоручка, только командовать. Работать учись, фон!

— Кто не работайт — тот не кушайт.— Проявляет свои познания Гунц.

— Вот именно. И заруби себе на носу, пригодится! Придет время, и лозунг этот станет правилом и вашей жизни. Честное слово, станет! Что делает твой отец, папа?

— Мой папа? — переспрашивает Гунц.— Папа имейт ферма под Гамбург. Папа растет много цветы...

Не без удивления я взглянул на лейтенанта.

— Цветы? Твой папа любит цветы?

— Любит, любит очен. Цветы давайт ему много, хорошо деньга.

— Ну и сидел бы ты дома и помогал батьке цветы выращивать...

— Руськи война, руськи нужен золдат. Зачем руськи цветы? Руськи не думайт капут?

— Гитлер капут! — кричу я ему со злостью и бросаю куски теста в бьющий ключом кипяток.

— У твоего папы семья большая? — спрашиваю лейтенанта.— Много детей?

— Дети? Я нест систер. Мой шона́, мой дети — один дети...

— И все? А я в семье был пятым.

Гунц не поверил, переспрашивает, отсчитывая на пальцах:

— Пейт дети? Атин, цвай, драй, четри, пейт? Тфой папа очен богатый?

— Очень богатый! Водопроводным слесарем работал...

— Что делайт он теперь?

— Убили. Вот такие, как ты. В восемнадцатом, в Новороссийске. Я не видел его... он меня тоже...

— Пейт дети без папа? Понимайт. Русский привык бедность. Он не желайт иметь много...

— Дурак ты, фон. Все люди любят достаток...

— Всем много — не хватит...

— Хватит, если по-честному...

— Золото не трава, не имейт семена.

В камбузе мы едим с ним галушки с консервами.

Похлебав юшку ложкой, Гунц накалывает на вилку галушку, ножом подгребает консервы и отправляет в рот. Я пользуюсь одной ложкой. Офицер со скрытой иронией поглядывает на меня и все подсовывает вилку и нож.

— Это после войны. Сейчас было бы в ложке.

Обмакнув галушку в консервный сок, я положил ее перед Минером.

Где-то за облаками зарокотал самолет. Ноющий звук моторов слышится все громче и громче.

Вслушиваюсь в гул. Вслушивается и лейтенант. На глазах он преображается, военной становится его выправка, властным — лицо.

— Дойчланд «юнкерс»!— Он выбежал на палубу, машет руками в небо, кричит обезумевши: — Дойчланд! Золдатен, золдатен!

Как мне хотелось в этот миг уложить его на месте...

Дочка... она словно встала между мной и лейтенантом.

— Сколько волка ни корми... а дрянь ты, фон, первосортная! Это нас ищут... Советская авиаразведка! Голова твоя, понимайт?

И хотя я знаю, что это немецкие самолеты, но не хочу, не желаю, чтобы он радовался, торжествовал.

— Но Совнет, но руськи,— возражает Гунц,— мотор дойчланд. У-у-у-у,— стонет он, подражая мотору.

— Под арест бы тебя, официр, за радость твою враждебную, в ящик канатный. Да не управиться мне одному.

Мой взгляд прикован к голяку, корабельной метле, оставленной на палубе. И я придумал наказание фону.

— Вот-вот нагрянут наши! Неприлично гостей встречать без приборки,— твердо говорю я и вставляю в руки лейтенанту голяк,— на судне должно быть чисто!

Я зачерпнул ведром воду за бортом, показываю немцу, как скатывать палубу.

— Действуй, с водичкой. Да не брызгай ты, грязнишь социалистическую собственность...

Самолеты прошли стороной. Слава богу, мы остались незамеченными. А может, им было не до нас.

После сытных галушек хочется пить. Пусть фон трет палубу, а я пойду делить воду. Из анкерка я наливаю воду в два стакана, по половинке в каждый. Одну порцию воды выливаю в вазу с оставшимися цветами. Словно в знак благодарности, бабочка сверкнула мне радугой крыльев. Несколько капель воды пролилось на пол. Минер усердно вылизывает пролитые капли.

— Минерище, забыл о тебе, извини, дорогой.

Минер завилял хвостом, облизываясь. В пустую банку из-под консервов налил я полстакана воды. Пес с жадностью хлебает воду.

По такой же половинной дозе я наливаю в два стакана, примеряю уровни воды, стараясь налить поточнее, словно делю не обыкновенную воду, а драгоценный бальзам.

Вечером я наведался в продовольственную кладовую и оцепенел. Как мог я оставить ее открытой? В кладовой пусто: ни буханки хлеба, ни кольца колбасы. Скомканная бумага, опрокинутые ящики — следы поспешного налета на кладовую. Осталась здесь только соль в мешке, лук в ящике и на дне в банке — постное масло.

Что-то похожее на шорох шагов снова почудилось мне. Выхватив пистолет, я выскочил из кладовой, оглянулся вокруг — никого. Мелькнула тень и скрылась. Со злостью хлопнув железной дверью и не закрыв ее на ключ, я бегу следом в машинное отделение.

— Ну, фон, пеняй на себя.

Я излазил все машинное отделение, заглядывал во все уголки и закоулки.

— Эй, фон, где же ты скрылся?

Тишина. Что-то треснуло, я вздрогнул. Мне показалось, что в темноте из-за котла смотрят на меня глаза: большие, удивленные. Но я не пошел в темноту между котлом и бортом.

— Подстерегаешь, фон... Выходи.

Тишина.

Я постоял возле главного двигателя, посмотрел вверх, встряхнул головой, потер пальцами глаза, виски. Наверное, галлюцинация.

Оглянулся по сторонам и поднялся по трапу из машины. Захожу в кают-компанию. На меня испуганно пялит глаза лейтенант. Под головой у него френч, у дивана — туфли и носки. Ну и негодяй, успел улизнуть, раздеться...

— Фон делает шляфн? ...Чего прикидываешься, выслеживаешь? Пуля подстережет быстрее.— И я выразительно хлопнул по карману с пистолетом.— Свинья ты, настоящая швайн! Трехдневный запас сожрать в один присест...

Он не понимает меня. Надо же уметь так играть, артист.

— Наверное, призрак рыщет по судну, или бакланы налет совершили? Теперь запей, чтоб жажда не мучила,— и я резко пододвинул стакан с водой,— а кушайт — забудь, нет больше кушайт...

Склонившись над столом в штурманской рубке, я всматриваюсь в морскую карту с проложенным и оборвавшимся курсом. Вот последняя точка — местонахождение судна. Непривычно в моих руках шагает циркуль, по карте ложатся ориентировочные линии — вероятные пути дрейфа...

Из-за угла рубки я увидел призрак. Он, словно сама смерть, выглянул и пошел на меня: взлохмаченная голова, обросшее щетиной лицо. Я вскинул пистолет...

Передо мной остановился и заплакал навзрыд осунувшийся, оборванный, измазанный мазутом Борис.

— Это я, Валентин Савельевич, я, Борис. Обгорел, понимаешь... ногу подвернул, увидел немца, подумал... Голодал все дни... А где все: Любовь Николаевна, Папочка, Федя-Вася?..

И я не выдержал. Ни разу за три дня я не ударил лейтенанта, а его, Бориса, наотмашь, со всей силы, в морду.

— Подлец!

Он не пошатнулся, не отступил, не вскинел.

— Заслужил я, бей еще, может, легче станет.

— Иди! В машину иди! Сейчас «юнкерсы» прилетят...

— Есть! Есть! — Он пятится назад и сломя голову бежит в машину.

За ним со злым лаем бросился Минер.

И все же я был счастлив: на «Пахаре» появился моторист, хороший моторист, и судно сейчас оживет.

Стучат, хлопают клапаны. Борис мечется с масленкой в руке, заполняя смазной приемники, переводит реверс. Загудел гребной вал, равномерно, деловито.

Шуршит вода за бортом, бьется, пенится бурун под кормой. Бубнит труба. Заскользил по тихой воде наш «Пахарь», раздвигая по сторонам пласты синевы. Затрепетал флаг на гафеле.

— Да отвратит судьба свой лик суровый от всех идущих в море кораблей! — прошептал я любимые слова Феди-Васи.

В этот миг мне показалось, что все мои друзья стоят на своих местах, на вахтах: капитан допекает старпома, Федя-Вася по-доброму переругивается с Папочкой, забивая «козла», Любовь Николаевна гремит тарелками, а Дмитриевич слушает молча музыку.

Я вернулся на мостик. Там ждал меня лейтенант. Он стоял покорный, с виноватыми глазами. Может, его мучила совесть за содеянное, а может, он почувствовал силу двоих.

— Ком! — позвал я фона за собой к рулевой колонке.

— Черную черту видишь? Держи ее на сто семнадцать, вот здесь.

— Не умейт.

— Не умейт? Что же тут мудреного? Все проще пареной репы! Становись!

Лейтенант повинуется окрику, становится на руль, крутит штурвал.

— Куда воротишь? Уходит лево — ложи руль право. Ясно? Давай, фон, учись...

Бубнит труба, «Пахарь», как пьяный, виляет из стороны в сторону, оставляя за собой извилистую кильватерную струю, но уже идет заданным курсом.

И снова моя голова зажата железным обручем наушников. Весело поет зуммер, ключ выстукивает точки и тире, им в такт моргает тусклая лампочка. «Пахарь» жив, следуем курсом сто семнадцать».

Лает Минер. Теперь он не смотрит в небо, он лает, глядя на горизонт. Вдали виден силуэт эсминца... Это наш.

* * *

Ходуном ходит ресторан. Грохочет джаз, до десятого пота танцуют пассажиры, подпевают музыкантам.

Извивается Марта, размахивает руками, дергает плечами. Вокруг Марты носится Гайке, разошелся старик: вертит задом, приседает до самой палубы, раскраснелся, вспотел от вина и твиста. Здоровый, дьявол.

В углу в кресле дремлет старый бульдог. Сытая, ленивая морда одним глазом следит за своим благодетелем.

Журчит, журчит вода за бортом. Справа и слева врываются в ночь и скользят по темной воде круглые и квадратные пятна света. Свет! Где-то впереди замигал маячок, мигает приветливо, тепло. Он зовет или предостерегает и всегда говорит людям в море: «Не грусти, жизнь рядом, вот она!»

А тогда маяки не светили, все поглощала темень, и мы боялись огня...

А погода. Черт возьми, какая прекрасная погода — жить хочется, жить и жить!

И тогда до вечера была отличная погода, и всем очень хотелось жить...

Взошла огромная пепельно-красная луна и проложила по мелкой ряби моря серебристую дорожку. Зыбкая тропа ведет прямо к полоске берега, похожего на парус, пригнутый ветром к воде. Мигает, мигает маячок — это бакен, его поставили недавно у южной оконечности Саранской мели. На мертвом якоре стоит здесь бакен, как памятник морякам «Пахаря». Днем он поднимается красным конусом над водой, как флаг, как кровь, пролитая моими друзьями; в шторм он раскачивается и стонет, ночью он светит проблесковым огнем — предостерегает...

Гайке распустил галстук, расстегнул воротник рубашки. Опершись на поручни, он ведет беседу со своим коллегой из Бремена, немецкая речь льется спокойно, деловито:

— Две пули в одном патроне, и скорострельность умножена в два раза.

— Кувыркающаяся пуля вызывает смертельный шок. Разрывные пули — старо, игрушки. Лучи лазера пробивают сталь. Обладал бы такими «стрелами любви» амур!

Ноет плечо. Их разговор, как соль на рану. Мимо меня проходят Полина и Борис. Я слышу ее восторженное щебетание:

— А все они очень милые люди, правда?

— Да, море симпатии,— басит Борис.

— Сколько такта, предупредительности...

Борис давно женат на Полине. Ключ, сделанный «про запас», подошел к ее сердцу. Конечно, Полина — не та, что приносила мне цветы в рубку.

Борис — белый, как горностай, теперь он старший механик, уважаемый Борис Семенович, на погончиках носит три золотые нашивки, но для меня он остался все тем же Борисом.

Борис подошел к капитану.

— Скоро заветное место?

— Подходим.

— Будешь давать гудки?

— Обязательно.

Борис пожимает плечами.

— Все же немцы, западные... Стоит ли вспоминать, омрачать радость?..

— Стоит.

Снова горячая рука на моем плече, снова зашевелился осколок.

— Господин бывайт на войне?

— Приходилось...

На нас смотрит Полина, всматривается пристально, не отводя глаз. Ее взгляд перехватила Марта.

— У вас рефнивый женщина.

— Вам ничего не угрожает.

— А вам? — хохочет Марта.

Марта достала из своей сумки крошечную голую куколку, протягивает мне.

— Сувенир. Я хотела имейт от вас такой сувенир.

Я чувствую, как горят от неловкости мои уши.

— Вы Марта Гунц?— спрашиваю ее в упор.

Она вздрогнула.

— Я знал вас еще девочкой, с пухлыми губами, вьющиеся белокурые волосы... Ваш отец Вилли Гунц... На руке татуировка — германский орел держит лапами круг со свастикой...

...Зарыдали сирены, протяжно и надрывно, хлестнули, заставили вздрогнуть. Вот она, морская могила.

— Нас было двадцать один,— шепчет Полине Борис.

— Ты ошибся. Нас было двадцать...

Одержимость

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. ДЕЙЧА

Как-то мне пришлось увидеть Александра Иосифовича Дейча на голосеевской даче Максима Рыльского в Киеве. Теперь это музей. Тогда, два года назад, еще шли работы по собиранию экспозиции этого памятного дома. В руках Александра Иосифовича была лопата и при помощи Богдана Максимовича Рыльского Дейч окапывал небольшой саженец точными, ровными движениями. Была ли это липа, или каштан — не помню точно. Должно быть, дерево уже набрало силу. Но самый облик немолодого человека в неизменной тюбетейке и темных очках, скажем прямо, не часто занимавшегося посадкой деревьев, показался мне значительным, даже символичным. Он работал истово и, как ни странно, с изяществом умельца.

Вот так и все другие свои дела, все доброе и значительное, что приходилось за свою долгую жизнь делать.

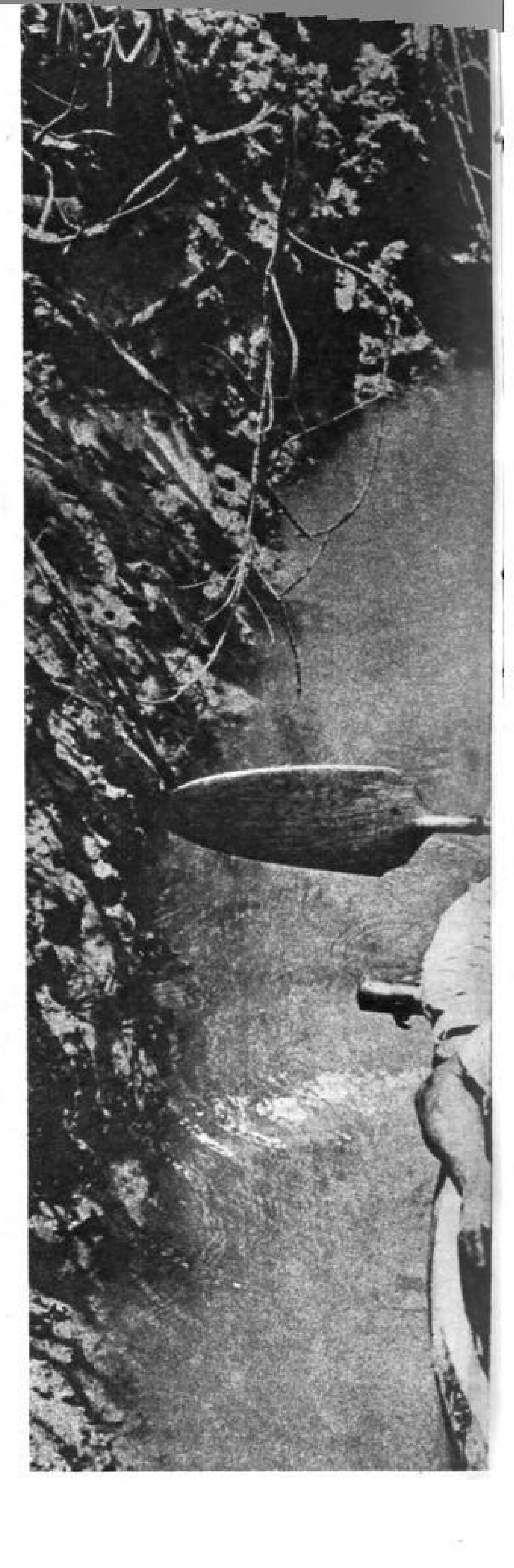
Александр Дейч родился в Киеве в 1893 году. Там он учился, там провел годы своей молодости, там познакомился со своими будущими друзьями, с Анатолием Васильевичем Луначарским, с Александром Ивановичем Белецким, с Максимом Фаддеевичем Рыльским и с другими украинскими писателями и учеными.

Прошли годы. Уже много лет живет А. И. Дейч в Москве, но он никогда не забывает Украину, он пишет об Иване Франко, о Коцюбинском, о Лесе Украинке... Он продолжает жить думами о родном крае, о богатстве его культуры. Он умножает это богатство.

Понадобилось бы привести большой список произведений Дейча и даже список жанров, в которых работает этот неутомимый, высокообразованный человек. Но среди его исследований, статей, переводов, пьес, воспоминаний, художественно-документальных произведений мне более всего дороги его работы о Генрихе Гейне. И не только широко известная книга «Поэтический мир Гейне». Облик этого удивительного поэта революции, романтика и сатирика, немца, прожившего четверть века во Франции, пролежавшего много лет в «матрацной могиле», преодолевавшего свой недуг самым героическим образом,— давно уже овладел воображением Дейча. Кажется, Дейч знает о Гейне все. Так много он посвятил ему времени и сил. И вот совсем недавно, посетив по приглашению ЮНЕСКО Францию, Дейч прежде всего едет туда для работы над открытыми недавно архивами Генриха Гейне.

Однажды меня спросили, зачем я иду к Дейчам, и я ответила в шутку: «За интеллектом». Да, в этот общительный, гостеприимный дом приходят и приезжают за интеллектом, за радостью, за добрым, рабочим настроением, за мудрым советом. Дейч не из тех, кто легко меняет свои убеждения. Он борец, этот добродушный, остроумный человек. Он из того славного племени советских ученых, кто не поступится ни ради чего своими убеждениями, кто с честью несет свое звание, кто обладает особым ферментом — доброты и мудрости.

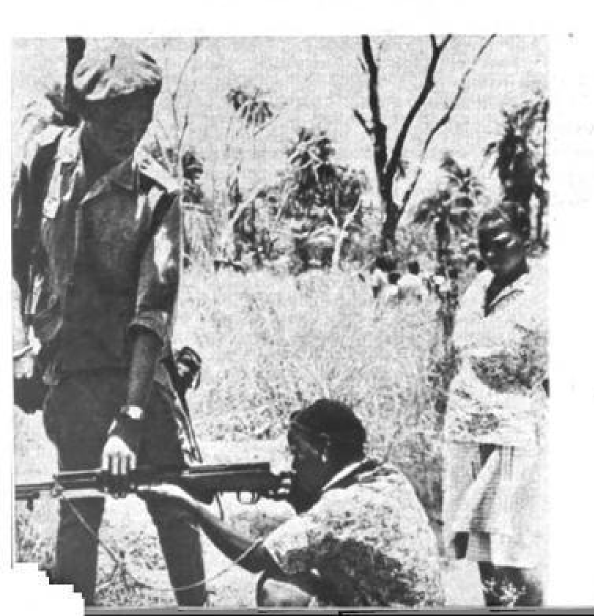
Лидия ФОМЕНКО

Один из отрядов армии освобождения на марше (фронт «Север»).

СВОБОДА В Н

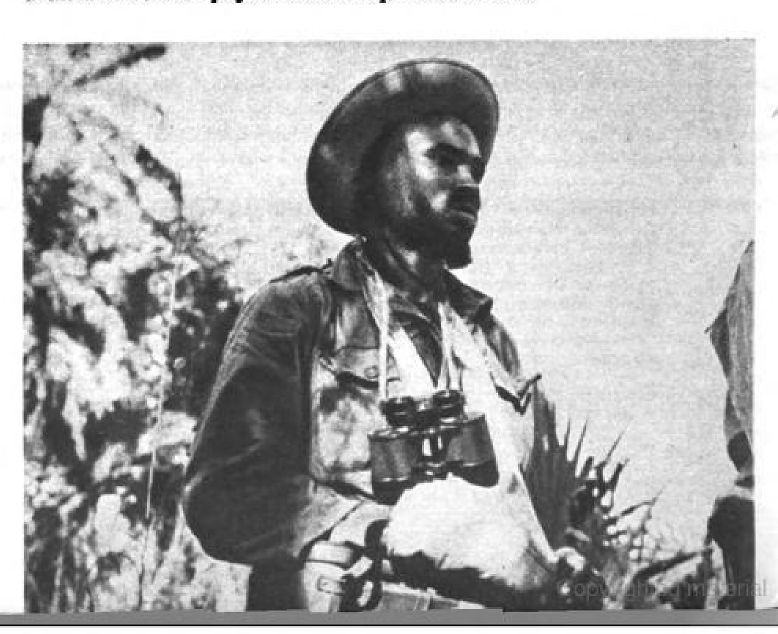
Опытные бойцы руководят обучением кадров народной милиции.

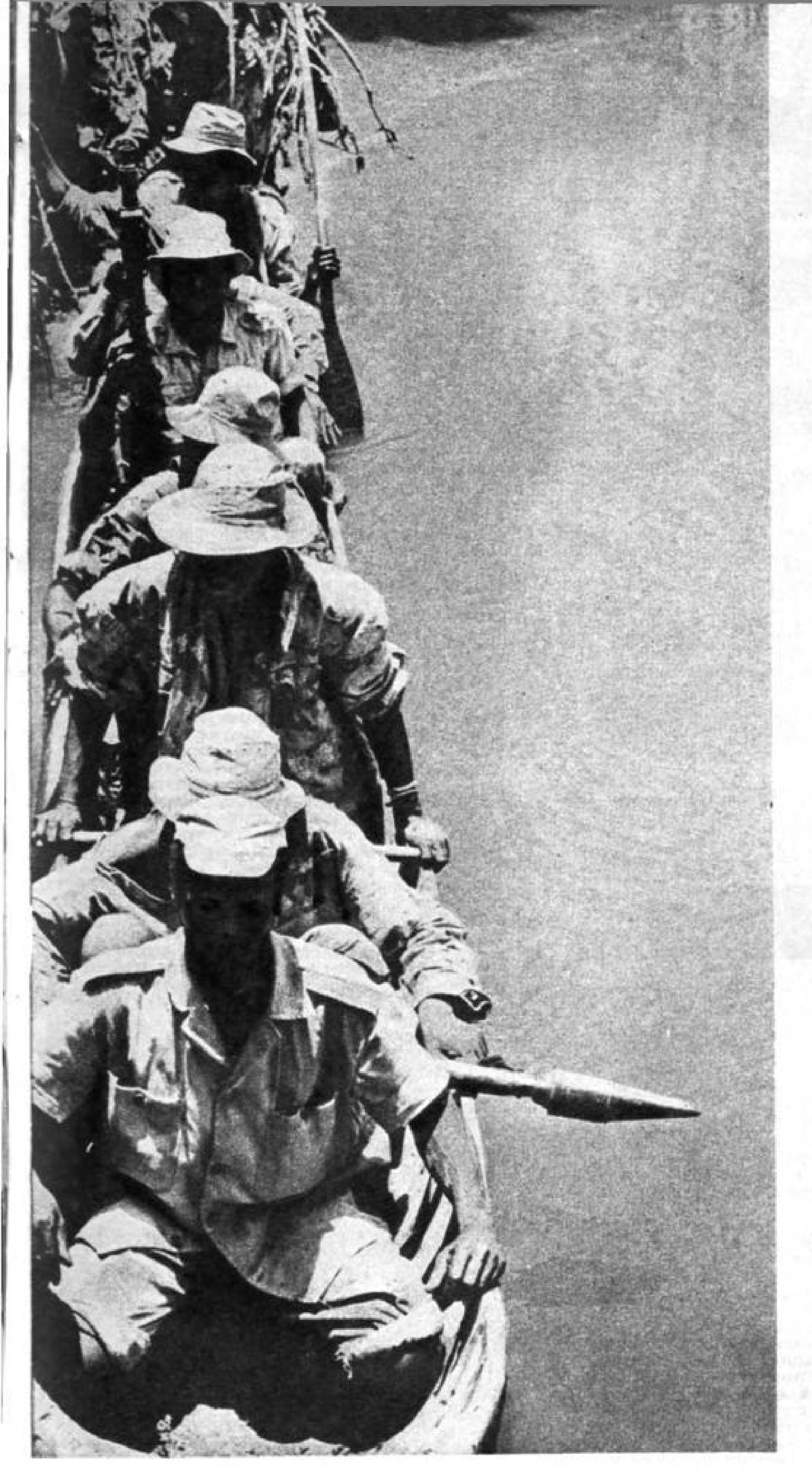

Здесь нет в обращении денег. Продавец походного магазина в обмен на рис и арахис приносит населению товары.

Команданте Кемо Мане — руководитель отряда, атаковавшего португальский гарнизон Винта.

Переправа оперативной группы бойцов через реку Фарим.

Сегодня День освобождения Африки.

Мне хочется в этот день рассказать о стране, к которой чувствую особую привязанность и симпатию, о «португальской» Гвинее. Немногим больше месяца прошло с тех пор, как автор этих строк вернулся из этой страны, пробыв на освобожденной земле, среди жителей деревень фронтовых районов, в отрядах действующей армии патриотов тридцать дней.

Что в первую очередь бросается в глаза человеку, который знакомится с жизнью и борьбой народа этой страны?

Во-первых, роль партии в борьбе и организации повседневной жизни на освобожденных от колонизаторов землях (нужно сказать, что колониальные цепи сброшены с двух третей территории страны). Африканская партия борьбы за независимость «португальской» Гвинеи и островов Зеленого мыса (ПАИГК) несколько лет готовилась к вооруженной борьбе, вела большую разъяснительную работу среди разноплеменного населения. Сейчас в каждой табанке (деревне) существуют партийный комитет и совет старейшин, занимающиеся вопросами здравоохранения и образования, военной подготовкой молодежи и созданием народной милиции, планированием хозяйства и продовольственными проблемами. Партия руководит военными операциями против «тугов» (так презрительно называют патриоты салазаровских вояк) и выступает от имени народа своей страны на международной арене. Авторитет партии и ее руководства во главе с генеральным секретарем Амилкаром Кабралом очень велик во всех уголках страны.

Во-вторых, вы убеждаетесь, что освободительная армия, хорошо обученная и вооруженная, успешно проводит операции против салазаровских войск и сейчас пядь за пядью освобождает от колонизаторов землю своей родины.

И, наконец, третье, о чем хочется сказать: одна за другой открываются школы на освобожденной территории, начинают работать больницы, создаются передвижные магазины, поля засеваются новыми культурами. Одним словом, налаживается нормальная жизнь.

Пусть обо всем этом расскажут и фотографии, которые я сделал во время поездки по стране.

Олег ИГНАТЬЕВ

Фото автора.

Командование северным фронтом страны разрабатывает новую серию военных операций. Крайний справа — член политбюро ПАИГК Луис Кабрал.

Отряд в ходе атаки успешно применял базуки.

АСТУПЛЕНИИ

Работник секретариата ПАИГК Зе Перейра беседует с португальским перебежчиком.

В глубине джунглей построены школы. Партийные комитеты табанок (деревень) следят, чтобы все дети посещали занятия.

В типографии выпускают очередной номер газеты ПАИГК.

Полвека назад, 28 мая 1918 года, В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров об учреждении пограничной охраны молодой Советской республики. Корреспонденты «Огонька» ведут репортаж с южной границы нашей страны, рассказывают о буднях часовых Родины.

Без происшествий...

О. КУПРИН, Д. УХТОМСКИЙ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Комендант пограничного участка подполковник Дмитрий Павлович Данилов уходил в отставку. Двадцать семь лет отслужил и теперь собирался домой, на Ставропольщину. В комендатуре были проводы, тосты, напутствия и, как полагается в таких случаях, был преподнесен подарок — охотничье ружье. Занимайся теперь, старый следопыт, не нарушителями, а рябчиками да зайцами.

Офицеры из комендатуры и кое-кто с застав поехали провожать подполковника на станцию. Холкин остался в комендатуре. Молча сидел в своем новом маленьком кабинете у телефона, готового каждую минуту взорваться какой-нибудь неприятной новостью. Граница рядом. Вправо и влево тянется она на многие десятки километров по горным хребтам, долинам и ущельям. Тут тебе и контрабандисты сунуться могут, и бандиты, которых за тысячи километров отсюда упустила милиция, и иностранные агенты вниманием своим не обижают. Мало ли какие возникают тут ситуации!

Всего неделю назад Николая Андреевича Холкина назначили комендантом пограничного участка. Для многих это было неожиданностью. Молод. Тридцать пять лет. И по званию всего-то капитан, а начальники застав, ему подчиненные, почти все майоры. Зато у нового коменданта высшее образование: «пограничный академик». И опыт уже есть немалый.

Не выдержал-таки телефон, затрещал.

— Капитан Холкин слушает... Товарищ полковник, на участке комендатуры без происшествий...

И только после этого он скажет: «Здравствуйте». Так положено. На границе любые проявления вежливости следуют после того, как сказано о главном.

— Так точно... В половине двадцать первого...

Именно так здесь говорят. Не в полдевятого вечера, а в половине двадцать первого. Для точности.

Неделю уже Холкин — комендант и за эту неделю всего дважды ночевал в комендатуре. Все на заставах. Перед юбилеем погранвойск надо провести смотр по всем статьям. Вчера весь день — на заставе майора Кудинова. Стреляли ребята отлично. Марш-бросок пробежали великолепно. Правда, было там одно происшествие. Всегда и везде почему-то находится такая личность, которая просто не может быть в тени. Обязательно такому нужно, чтобы о нем говорили. Неважно, что именно — плохое или хорошее. «Слыхали, Сережка-то наш отличился?»

В марш-броске в зачет идет время последнего. Новичкам дистанция дается обычно с трудом, поэтому солдаты постарше и поопытнее помогают отстающим. Это в порядке вещей, это закон: на учении как в бою. Солдаты бежали кучно. «Старички» тащили по два автомата — свой и товарища, который выдохся. А тут еще в хвост колонне пристроились два верблюда. Километра два топали сзади и сопели. Застава пробежала марш-бросок на «отлично». На минуту быстрее нормы. А Сергей обогнал товарищей на километр, к финишу пришел свеженький и сияющий, хотя больше чем кто бы то ни было мог помочь уставшим. Разрядную норму перекрыл. «Смотрите, начальники, какой я герой». И тут же была ему хорошая выволочка от ребят.

— Кому нужны твои рекорды?

— О коллективе думать надо...

— Эгоист.

Сергей перестал улыбаться. Даже за «эгоиста» не огрызнулся. Похоже, что ругал самого себя. Холкин тогда промолчал. То, что хотел сказать, сказали ребята. Отличные парни, пограничники что надо и воспитатели вполне зрелые, хоть и без дипломов.

...Утром с гор спустились темные тучи и пошел нудный, мелкий дождь. На заставу к капитану Сорокину комендант приехал в середине дня. Когда принял зачет по стрельбе, уже смеркалось.

В канцелярии шла репетиция. Из угла в угол ходила маленькая девушка, корреспондентка телестудии. Было холодно, и она накинула на плечи солдатскую ватную куртку. Куртка была ей до пят. Видны только каблучки-гвоздики. Корреспондентка нервно потирала руки. Капитан Сорокин, ужасно похожий на киноартиста Кмита, сидел за столом, заполнял какую-то длинную ведомость, изредка бросал на гостью взгляды, которые говорили только одно: «Мне бы твои заботы».

Репетиция шла плохо. Рядовой Толя Борисов все время спотыкался на «черных жерлах ущелий», которые он, судя по тексту, напечатанному на машинке, видел в ту самую ночь, когда гнался за нарушителем. Зато у старшего лейтенанта Владимира Блинова отлично шла первая фраза: «Да, наше мужество и выносливость, боевая выучка и мастерство проверяются именно в схватках с врагом».

Вот если бы Толю заменить оратором типа Володи, тогда бы все получилось отлично. Но вся беда в том, что именно Толя в последний раз задержал нарушителя. Конечно, не он один участвовал в том поиске, но именно он поставил, как говорят, последнюю точку.

Нарушитель попался с характером. Отлично подготовился и все, казалось бы, рассчитал. Получалось у него так: 80 процентов за то, что пройдет, 20 — за то, что поймают. Что могут сделать пограничники в горах с классным альпинистом, каковым он себя считал? Придумал одну хитрость: у контрольно-следовой полосы бросил пачку денег. Дескать, найдет наряд денежки и тревогу поднимать не станет, потому что если его поймают, то он про этот капитал, разумеется, скажет. Короче говоря, расчет был применительно к подлости.

Но наряд без раздумий поднял тревогу. И начался большой поиск по всем пограничным законам и правилам. Участвовали в нем сотни людей. И капитан Сорокин и Холкин, в то время еще не комендант. Они кружили на вертолете над районом нарушения границы.

В долины уже пришла весна, в горах еще лежал снег. Нарушитель и это учел: захватил с собой белую хлорвиниловую скатерть. Как только видел в небе вертолет, ложился в снег и накрывался скатертью. Попробуй заметь его с высоты.

Толя Борисов с ефрейтором Володей Дураченко обнаружили след и бросились в погоню. Следы уходили вверх по крутой горе. Володя упал, зашиб ногу и двигался с трудом. Медлить нельзя. Борисов пошел дальше один. К тому же знал, что и нему на помощь уже идет старший лейтенант Блинов. Сорокин с Холкиным тоже были близко. Шли по пояс в снегу туда, где должен был наконец кончиться этот трудный поиск.

Но поиск никак не кончался. Нарушитель, почуяв близкую погоню, с ловкостью отца Федора из «Двенадцати стульев» карабкался по отвесной скале. Его, как и почтенного героя романа Ильфа и Петрова, толкало вверх сердце, поднимавшееся к самому горлу, и особенный, известный одним только трусам зуд в пятках. Он добрался до карниза и сел.

Толя Борисов снизу пробовал говорить с ним языком официальным. Нарушитель сказал, что сдается, но слезать по такой крутизне вниз категорически отказался. «Наглый тип»,— подумал Толя и сказал ему несколько фраз, укра-

Капитан Н. А. Холкин (справа) и офицер комендатуры В. Н. Фомин.

шенных неофициальными эпитетами. Бандит моментально сник, и абсолютно так же, как бедолага отец Федор, жалобно крикнул:

— Снимите меня!

— Сам забрался, сам и слезай,— сказал Борисов тоном, не оставлявшим незадачливому альпинисту никаких надежд.

Нарушитель кряхтя начал спускаться вниз. Вероятно, сердце у него в этот миг ушло в пятки, а зуд переместился несколько выше.

За этот поиск генерал наградил Анатолия Борисова часами. И листовку выпустили с его портретом. И по телевидению он должен выступать. А тут незадача — не умеет парень говорить по писаному про «черные жерла ущелий». Хоть плачь. Корреспондентка и правда готова была заплакать. Но тут зазвонил телефон. Вызывали капитана Холкина.

Строгий комендант почему-то на этот раз не отрапортовал, что на участке комендатуры без происшествий, а только неловко улыбнулся в трубку.

— Где бо-бо? Ручку больно? Ушиб, да? И зубик болит. Ну, ничего, пройдет... Я тоже соскучился...

Семью комендант еще не успел перевезти на новое место, и вот пограничные связисты помогли сыну найти папу и рассказать ему обо всех своих маленьких неприятностях. Холкин положил трубку и все с той же неловкой улыбкой посмотрел на корреспондентку.

— А вы знаете, пусть они попробуют говорить не по бумажке. Рискните. Вдруг получится.

И ушел в гостиницу.

По радио передавали последние известия. Крейсеру «Аврора» вручен орден Октябрьской революции... Произведен очередной запуск спутника Земли «Космос-215»... Московский студент установил новый мировой рекорд в плавании... В Москве переменная облачность без существенных осадков...

Операция начинается так...

А тут целый день дождь. К горе над заставой прицепилась туча и висит без движения. Где-то в этой туче проходит сейчас государственная граница страны, которая запускает спутники, награждает орденами легендарные корабли и бьет спортивные рекорды. Эту границу ему, капитану Холкину, доверено охранять. И капитану Сорокину. И рядовому Борисову. И сотням и тысячам других. Сколько километров исходили и облазили они по этим горам, сколько недосмотрели снов, поднятые командой «Застава! В ружье!», сколько часов мерзли в снегу и мокли под дождем, чтобы спокойно сказать: «На заставе без происшествий!»

Через час снова раздался тревожный сигнал. Группа через несколько минут была уже в машине и умчалась в горы, в ту самую тучу, которая опустилась на границу, в непроглядную темень, в дождь, навстречу неожиданностям.

...и продолжается так.

100 ЛЕТ СЛАВЫ

Алексей КРИВЧЕНЯ,
народный артист СССР

Это было сто лет назад. К новому зданию в центре Киева, на тенистой улице, со всех сторон катили нарядные экипажи. Двери ярко освещенных подъездов не закрывались, пропуская то высокопоставленного чиновника, то светскую даму в сопровождении учтивых кавалеров, то группу студентов, торопящихся на галерку, то развязных газетных репортеров. Так при огромном стечении разнообразной публики, под шумные аплодисменты и приветственные выкрики родился театр, который сегодня, спустя столетие, стоит в ряду лучших музыкальных театров мира.

Итак, Украинский театр оперы и балета имени Т. Г. Шевченко отмечает свой вековой юбилей.

Обычно, поздравляя театр с такой знаменательной датой, принято пересказывать его историю, ставить этапные вехи на пройденном творческом пути. Я же позволю себе отойти от этой традиции и в день юбилея постараюсь рассказать о тех людях, чей талант и трудолюбие создавали и создают славу этого театра, об артистах, которые отдавали и отдают себя целиком прекрасному искусству, имя которому — музыкальный театр.

...Впервые артистов Киевской оперы я услышал в Одессе. Было это в давно минувшие годы, когда учился я в Одесской консерватории. В наш город на гастроли приехали Мария Ивановна Литвиненко-Вольгемут и Иван Сергеевич Паторжинский. Они дали концерт, в котором пели арии и сцены из опер, украинские песни и дуэты. У меня даже сейчас не находится слов, чтобы передать мой тогдашний восторг перед великолепным искусством этих артистов!

Мария Ивановна обладала большой вокальной культурой, тонко чувствовала стиль композитора. Ей подвластны были создания Верди, Чайковского, Лысенко... Она пела так, что заставляла зрителей забыть о недостатках своей фигуры (несколько полноватой) и поверить, что перед ними неискушенная, охваченная первым порывом любви Лиза, или страдающая в неволе дочь эфиопского царя Аида, или лукавая, жизнерадостная Наталка. Паторжинский был прирожденным, именно украинским артистом. Он всем своим существом как бы выражал Украину — пронизанную щедрым солнцем, бескрайнюю, добрую. Великолепно знал ее людей, понимал их психологию, чувствовал самобытный юмор с его еле заметными переходами от веселья к грусти и сочно, ярко, заразительно умел воплощать все это в сценических образах. По-моему, он лучший исполнитель комедийных ролей во всех украинских операх от «Наталки-полтавки», где пел Выборного, до «Богдана Хмельницкого», где исполнял партию дьяка Гаврилы.

В те времена, о которых я веду речь, в тридцатые, довоенные годы, в Киевском театре пели и другие изумительные певцы. Ю. Кипаренко-Даманский — обладатель удивительного по силе и красоте драматического тенора. Оксана Петрусенко, прозванная в народе «украинским соловьем»,— певица необычайно широкого диапазона: в ее репертуаре были партии колоратурные и драматические. Первые свои шаги на сцене делали Зоя Гайдай, Михаил Гришко.

Недаром же выступление Киевского театра в Москве на Декаде украинского искусства в 1936 году произвело такое сильное впечатление, вызвало водопад восторженных рецензий. В память об этом событии К. С. Станиславский подарил труппе свой портрет с надписью: «Дружески приветствую прекрасный театр чудесной, благоуханной, певучей Украины».

С театром связано имя Раисы Окипной, бесстрашной героини киевского подполья. Мне не довелось слышать Раису Окипную на сцене, но знаменитый украинский бас М. Донец, выступавший с нею вместе в Винницком театре, говорил: «Не встречалась мне подобная Одарка. Не актриса — бес!» Окипная была принята в столичную украинскую труппу перед самой войной. Казалось, голос ее, красивый и сильный, не знает границ диапазона. Никто не сомневался, что молодой артистке предназначена блестящая артистическая судьба. Но случилось иначе. Разразилась война. Театр эвакуировался, Раиса осталась в оккупированном городе. Ей не привелось выступить в спектаклях Театра имени Шевченко, зато на этой же самой сцене, в этом же помещении пела она перед «господами оккупантами». Они были в восторге от «украинской Кармен». И только после войны товарищи Раисы Окипной узнали, какую героическую работу вела она в тылу врага. Узнали они и про то, как зверски расправились «восторженные слушатели» с актрисой-подпольщицей.

Мне посчастливилось познакомиться с коллективом Театра имени Шевченко не только из зрительного зала, но изнутри, в работе. В 1955 году я получил приглашение петь Тараса в готовившейся тогда новой постановке оперы Лысенко «Тарас Бульба». Тут я отвлекусь немного в сторону и скажу несколько слов о репертуарной линии этого театра. Еще в начале тридцатых годов наряду с произведениями русских и западных композиторов Киевский театр ставил украинскую классику: «Наталка-полтавка» (Н. Лысенко) и «Запорожец за Дунаем» (С. Гулак-Артемовского). Примерно в эти же годы начинается работа над созданием украинской советской оперы. Первым значительным достижением в этом направлении явился «Щорс» Б. Лятошинского — спектакль о народном герое. Позднее, уже после войны, на сцене осуществлены постановки всех опер Лысенко и новых опер советских композиторов: «Молодая гвардия» Ю. Мейтуса, «Богдан Хмельницкий» К. Данькевича, «Тарас Шевченко» и «Милана» Г. Майбороды — произведений, отражающих историю Украины, рассказывающих о жизни украинского народа, произведений, в основе которых лежит богатейший национальный музыкальный фольклор.

Так вот, получив предложение спеть Тараса, я очень обрадовался. Я давно знаю и люблю эту оперу Лысенко. Она вся как бы сотнана из берущих за душу украинских мелодий, пронизана высоким патриотизмом, мужественной любовью к народу. Я уехал в Киев и приступил к репетициям.

Моими партнерами были артисты, составляющие в наши дни славу и гордость театра. Роль жены исполняла Лариса Руденко. Наверное, напрасный труд — превозносить лишний раз ее чудесный голос — густое и сочное меццо-сопрано, голос, который радио доносит во все уголки страны. Добавлю, что Лариса Руденко — еще и прекрасная актриса, теплая, искренняя.

В партии Остапа выступил тогда еще совсем молодой Д. Гнатюк. По-моему, именно в этом спектакле артист по-настоящему раскрылся, нашел себя, свой исполнительский стиль. Сегодня его имя широко популярно и любимо ценителями и знатоками вокального искусства во многих странах, где он выступает не только как оперный певец, но и пропагандист советской песни. Очаровательной Панночкой была Елизавета Чавдар. Вместе со мною партию Тараса готовили Б. Гмыря и молодой певец А. Кикоть. Работать в таком одаренном коллективе, где каждый артист — яркая самобытная индивидуальность, было интересно и радостно.

Кстати, мне еще раз довелось встретиться в работе с моими украинскими коллегами. В спектакле «Наталка-полтавка», который ставили в Одессе в связи с пятидесятилетием консерватории, я пел партию Выборного, а роль Наталки исполняла Зоя Христич. Признаюсь, я получил огромное наслаждение, выступая с такой талантливой артисткой.

Конечно, говоря о Театре имени Шевченко, о его замечательных певцах, нельзя не упомянуть высокопрофессиональный оркестр; главного дирижера Стефана Турчака — молодого, но очень опытного, поистине оперного дирижера; главного художника театра Ф. Нироде, в чьем оформлении идут почти все спектакли; главного режиссера В. Скляренко. И, конечно, нельзя не сказать хотя бы несколько слов о балете.

Я, увы, не специалист в искусстве Терпсихоры, но как зритель, сидя в зале, всегда восхищался мастерством киевских танцовщиков. Помню первых звезд — Л. Герасимчук, А. Васильеву, пришедших им на смену Е. Ершову, сестер Потаповых, Аллу Гавриленко. Очень приятно было узнать, что моя непрофессиональная оценка совпала с мнением высоких ценителей этого искусства: на II Международном фестивале танца в Париже в 1965 году киевский балет был признан лучшим коллективом фестиваля и награжден «Золотой звездой». Балерина Ираида Лукашова завоевала первую премию фестиваля — приз имени Анны Павловой, а ее партнер Валерий Парсегов — приз имени Нижинского.

Артисты Театра имени Шевченко пользуются огромной популярностью не только в нашей стране. С успехом выступают они в Италии, Бельгии, Франции, Канаде, Скандинавии, Японии, Югославии, Польше, Болгарии, Чехословакии. Легче назвать страны, где они не были, чем перечислить те, в которых побывали.

А недавно в Театре имени Шевченко произошло еще одно радостное событие: спектакль «Гибель эскадры» был отмечен на смотре произведений, посвященных 50-летию Октября. Эту оперу молодой композитор В. Губаренко создавал буквально в стенах театра, совместно с дирижером С. Турчаком и режиссером Э. Пасынковым. И в результате получилось произведение огромной впечатляющей силы. Музыка покоряет сочетанием народности, мелодичности с современными ритмами, свежими интонациями. Особенно хороши оркестровые картины и хоры и среди них «Реквием». Великолепные образы создали в спектакле Г. Туфтина (Оксана), Д. Гнатюк (Гайдай), А. Кикоть (Кобза), В. Третьяк (Адмирал). Артисты еще раз продемонстрировали свое мастерство, владение сложной современной формой.

Я не берусь, да и не смогу объяснить, то ли солнце на Украине такое горячее, то ли бескрайние просторы понуждают дышать широко и вольно, то ли сам воздух такой благодатный, только щедра здесь земля на певческие таланты. Где в нашей стране не встретишь артистов с Украины?! Но уж, конечно, во всю мощь своих блистательных голосов поют они в Киевском оперном театре.

Ну, какой еще театр может похвастаться наличием в труппе двух таких выдающихся колоратурных сопрано, как Белла Руденко и Евгения Мирошниченко? Замечательные певицы и такие разные! Белла Руденко — прекрасный мастер, тонкий стилист, великолепная музыкантша — покоряет завершенностью исполнения, чеканной отделанностью каждой ноты. А Евгения Мирошниченко порывиста, эмоциональна. Лирика — ее стихия. Как умеет она растрогать, взволновать, а то и потрясти переживаниями своих героинь — Лючии де Ламермур, Манон, Виолетты...

Сорок артистов — лауреаты международных и всесоюзных конкурсов и фестивалей. Ю. Гуляев, Н. Куделя, Г. Туфтина, В. Тимохин... Да разве перечислишь! Могу сказать лишь: здесь очень смело выдвигают, растят и пестуют молодежь. Мы как-то свыклись с тем, что в опере юношей и девушек играют солидные дяди и тети. А в Киеве Онегина поет совсем еще молодой, хотя и народный артист СССР Юрий Гуляев. Но он самый «старый» исполнитель этой партии. С ним в очередь поет начинающий А. Мокренко. И поет, надо сказать, здорово!

Поистине Украинский оперный театр имени Шевченко сегодня по составу и качеству голосов занимает первое место в мире.

Государственный ордена Ленина академический театр оперы и балета имени Т. Г. Шевченко.

Балет «Легенда о любви». Махмене Бану — А. Кальченко, Ширин — Е. Мазуркевич, Ферхад — народный артист УССР В. Круглов.

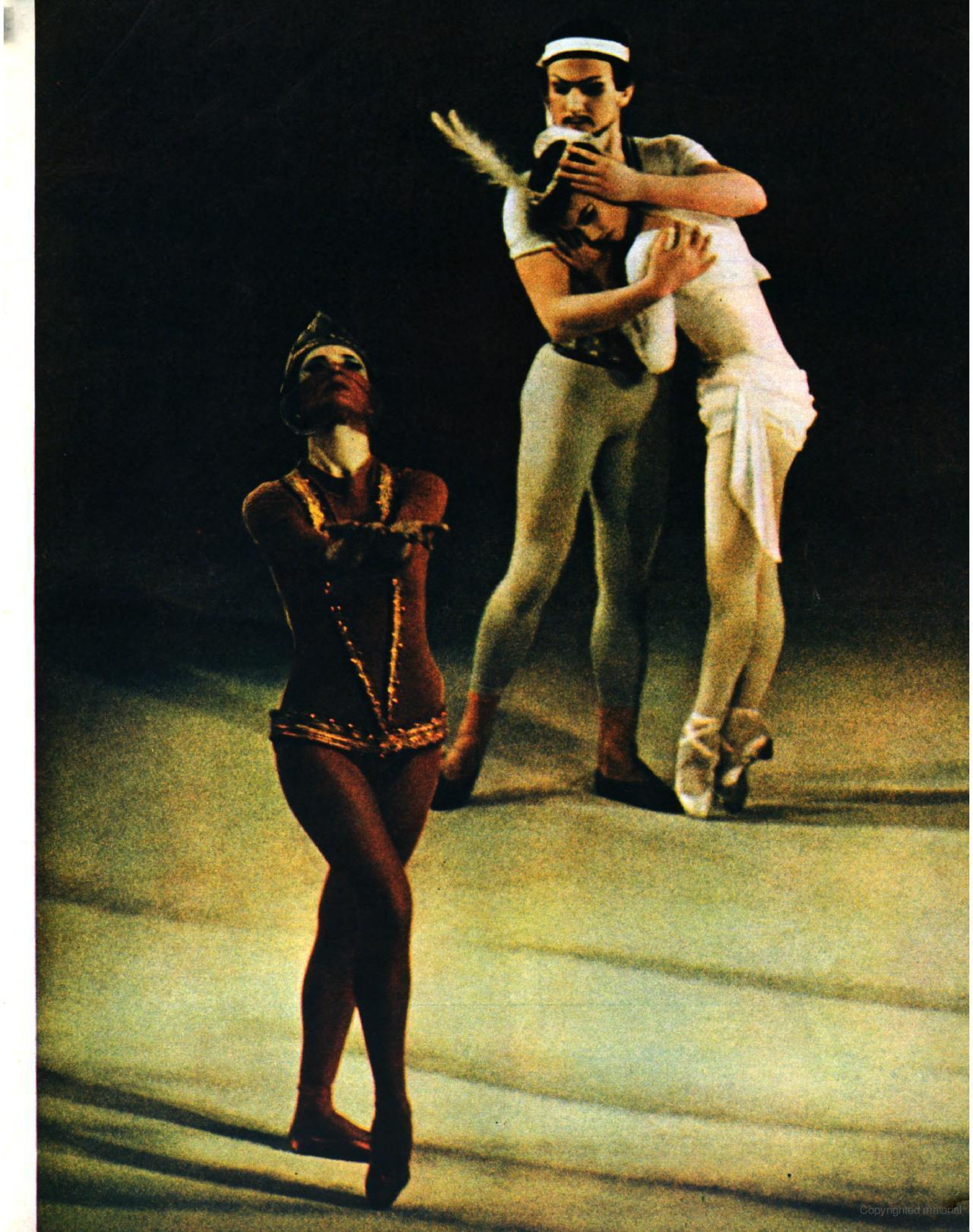
На обороте вкладки:

Опера «Тарас Бульба». Андрей — народный артист УССР В. Тимохин, мать — народная артистка СССР Л. Руденко, Остап — народный артист УССР С. Козак, Тарас Бульба — народный артист УССР А. Кикоть.

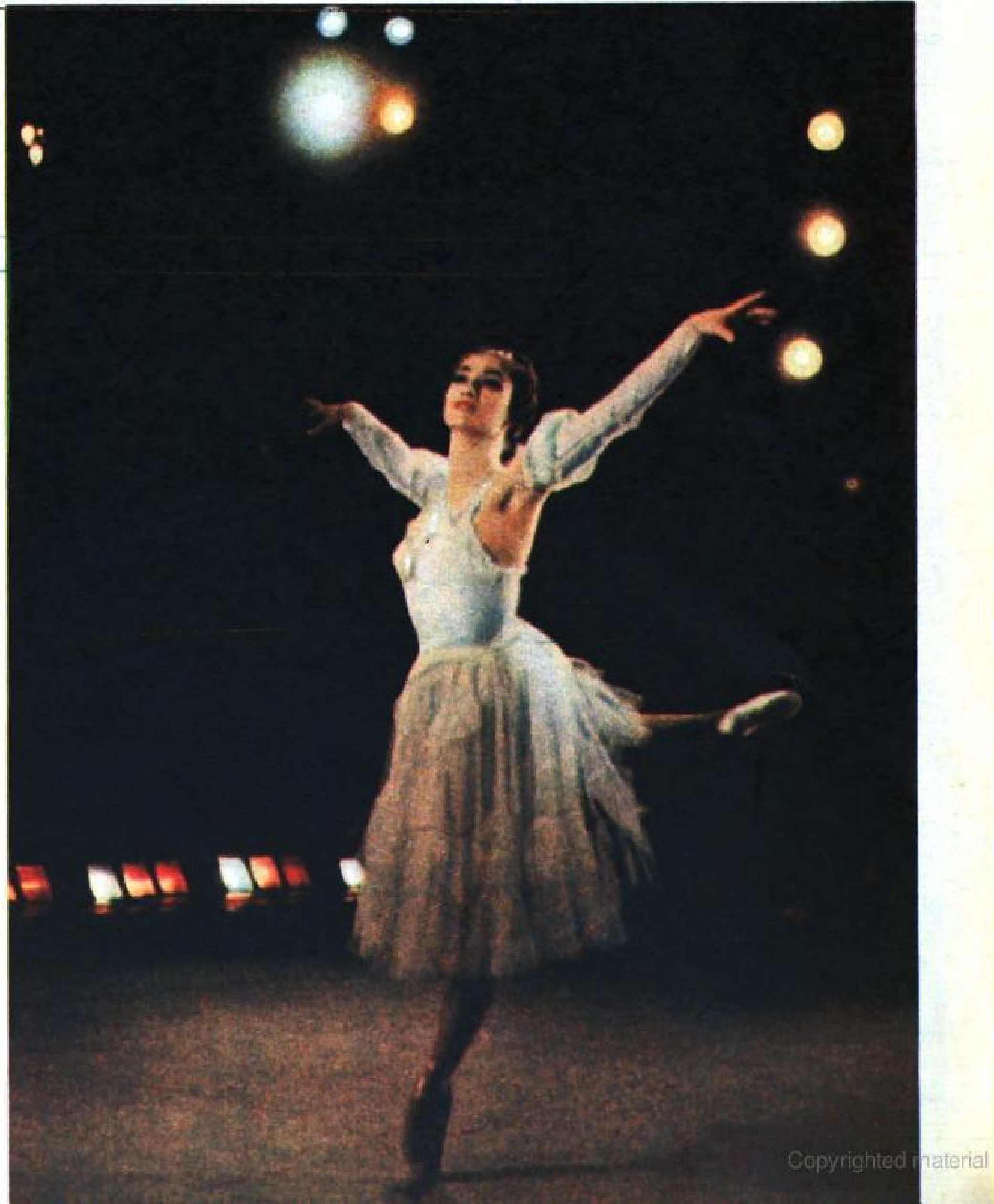
Опера «Манон». Манон Леско — народная артистка СССР Е. Мирошниченко, кавалер де Грие — А. Ищенко.

Балет «Княгиня Волконская». Мария Волконская — Л. Шатилова.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

За последнее время в редакцию «Огонька» поступает много писем читателей, интересующихся вопросами развития советской литературы о деревне. Одно из них — письмо первого секретаря Верховского райкома КПСС Орловской области тов. А. Блынского — мы публикуем в этом номере. С ответом на вопросы, поставленные тов. А. Блынским, выступает литературный критик Петр Строков.

Земля и люди

Петр СТРОКОВ

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

Дорогие товарищи!

В последние годы в центральных журналах все чаще печатаются произведения, посвященные деревне. Появилось даже некое понятие «деревенская проза». К этой категории литературные критики относят, например, повесть В. Белова «Привычное дело», его недавний рассказ «Мазурик», повести «Две зимы и три лета» Ф. Абрамова, «Чужие» В. Лихоносова, «Из жизни Федора Кузькина» Б. Можаева, «Поденка — век короткий» и «Кончина» Вл. Тендрякова. Я назвал, разумеется, далеко не все, а лишь те сочинения, вокруг которых порой разгорались дискуссии.

Внимание советской литературы к сельской теме не может не радовать всех, кто живет заботами деревни. Хорошие книги помогают нам, труженикам сельского хозяйства, глубже вникнуть в так называемые местные проблемы, призывают партийных работников вдумчивее относиться к человеку, к его нынешним стремлениям и заботам, активнее участвовать в строительстве новой жизни на селе.

Удивляет лишь то, что многие литераторы, пишущие о деревне, почему-то основное внимание уделяют только изображению послевоенных трудностей, только теневых сторон жизни и быта советской деревни. Движимые, как я полагаю, добрым стремлением помочь своим художественным словом искоренению недостатков, они сосредоточили свое внимание прежде всего на деревне северных областей или на окраинных поселениях, где, конечно, имеются свои особенности и трудности. К сожалению, в подобных произведениях все сводится именно к изображению этих трудностей, недостатков и неполадок. Героический труд колхозного крестьянства этих областей и районов, те существенные изменения, которые произошли даже в самых отсталых и отдаленных районах страны после октябрьского (1964 год) Пленума ЦК партии и XXIII съезда КПСС, остаются в тени, а точнее — вообще обходятся.

Характерно также, что в прочитанных мною произведениях жизнь деревни показывается вне связи с большими событиями, происходившими в стране и мире. Так, например, говоря о трудностях послевоенной деревни, разве можно забывать о том, что весь наш народ совершил подвиг, защитив Родину и освободив Европу от фашистского гнета, своей кровью и лишениями оплатил великую победу?

Литературная критика непомерным вниманием к произведениям такого рода подчеркивает их особое положение и важность. Однако жизнь «глубинки», по моим наблюдениям, намного сложнее, а главное, оптимистичнее, чем она представляется по описаниям и спорам в литературе.

Таков ли нынешний сельский житель, каким он выглядит, например, в последних сочинениях В. Тендрякова, В. Белова, Б. Можаева, Ф. Абрамова, В. Лихоносова и некоторых других, работающих в этом направлении? Многие герои так называемой «деревенской прозы» выглядят какими-то чудаками, юродивыми, людьми не от мира сего.

Но ведь не они же, скажем прямо, создавали материальные ценности, кормили страну, поднимали сельское хозяйство. Можно подумать, что названным авторам неизвестно, что тысячи тракторов, комбайнов, других сложнейших сельскохозяйственных машин заменили тяжелый физический труд крестьянина и способствовали появлению на селе десятков тысяч опытных механизаторов — людей совершенно новой крестьянской профессии.

По-видимому, не все написанное о деревне я прочел. Может, и не так прочел, как хотелось бы авторам. Поэтому я решил обратиться в редакцию «Огонька» с просьбой ответить на некоторые недоуменные вопросы, которые волнуют не только меня, но и многих моих товарищей по партийной работе. А еще вернее — всех сельских интеллигентов и крестьян, любящих литературу.

Хотелось бы знать, прав ли я в своих замечаниях по поводу названных произведений. Может быть, одностороннее изображение жизни советской деревни — это и есть правда жизни? Или все-таки и на современном этапе развития нашей литературы надо уметь видеть и поддерживать ростки нового, растущего, передового, конечно, освещая во всей его сложности и противоречиях, избегая всякой лакировки, говоря только правду.

Нам, работникам деревни, особенно хорошо известна шаткость всяких прогнозов «погоды». Однако было бы желательно узнать от вас, хотя бы в общих чертах, какова перспектива развития нашей литературы на темы жизни и быта советской деревни.

А. БЛЫНСКИЙ,
первый секретарь Верховского райкома КПСС Орловской области

Советская литература всегда отличалась пристальным вниманием к крестьянскому вопросу. За полвека своего развития она проследила все важнейшие этапы в жизни нашей деревни, художественно исследовала все коренные социальные изменения, происшедшие в ней, и накопила богатейший творческий опыт, без учета которого трудно вести сколь-нибудь серьезный разговор о современной прозе, посвященной жизни и быту тружеников села. В свете этого опыта особенно отчетливо выступают и подлинные достижения нынешней прозы, идущие в русле главного направления нашей литературы, и отклонения от этого направления, которые тревожат, видимо, не только тов. Блынского.

С первых же лет своего становления наша литература в своих лучших образцах подходит к изображению сложной и противоречивой жизни деревни с классовых, партийных позиций, открывающих путь к подлинному историзму и художественной правде. Она рассматривает движение русского крестьянства сквозь грозы трех революций как нелегкое, противоречивое, но неуклонное восхождение к осознанию ленинской правды. Она исходит из понимания коллективизации как величайшего революционного переворота, проведенного под руководством партии и рабочего класса при активной поддержке и инициативе трудового крестьянства, на собственном опыте убедившегося в бесплодности и бесперспективности единоличного ведения хозяйства. Она оценивает ликвидацию последнего эксплуататорского класса — кулачества — как исторически закономерный и справедливый акт, продиктованный необходимостью устранить с дороги к социализму внутреннюю реакционную силу, способную во имя своих корыстных узкоклассовых интересов стать резервом международной реакции в борьбе против первого в мире государства рабочих и крестьян.

Советская литература отражает твердую веру самого крестьянства в правильность избранного пути, в силу и прочность колхозного строя, что и придает ей светлое, оптимистическое звучание. Она никогда не боялась смелого критического слова, неизменно боролась против косности, бюрократизма, мещанства, стяжательства, равнодушия к людям и других пороков. Но основным ее пафосом было и остается утверждение социалистической действительности, поэтизация общественного крестьянского труда, изображение духовного роста человека, превращения его из мелкого соб-

ственника, кругозор которого не простирается дальше своего клочка земли, в коллективиста, в борца-революционера, в гражданина с широким государственным мышлением. Именно в этом и состоит основной идейный пафос всех значительных произведений нашей литературы, посвященных деревне,— от непревзойденной доселе «Поднятой целины» М. Шолохова и «Брусков» Ф. Панферова до «Вишневого омута» М. Алексеева и «Тронки» О. Гончара, «Прощай, Гульсары!» Ч. Айтматова и «Русской земли» Д. Зорина, «Родимого края» С. Бабаевского и «Сотворения мира» В. Закруткина, очерков В. Овечкина, А. Калинина, Л. Иванова и других.

Мартовский (1965 год) Пленум ЦК и последующие решения партии, направленные на укрепление экономической мощи колхозов и улучшение благосостояния хлеборобов, открыли новые перспективы перед советской деревней. Ныне задача литературы состоит в том, чтобы показать благотворные перемены, происходящие на селе, небывалый размах ее хозяйственного и культурного строительства, стирание существенных различий между городом и деревней, интеллектуальный и нравственный рост личности. Такие произведения появляются, но их, к сожалению, еще мало, хотя за последние два-три года общий поток «деревенской прозы», как называют ее сейчас критики, неизмеримо возрос. Возникла настоятельная необходимость разобраться в этом потоке.

В конце минувшего — начале этого года такую попытку сделала «Литературная газета». Правда, разговор начался с «лирической деревенской» прозы, но вскоре же дискуссия явно вышла за рамки этого жанра.

Само по себе развитие лирической прозы можно только приветствовать. Русское село с его поэзией вольного труда, с его удивительными по самобытности национальными характерами и волнующими картинами природы не может не настраивать на лирический лад даже человека, не склонного к особой чувствительности. Поэтому читатели с интересом встретили «деревенские» рассказы и повести В. Астафьева, В. Белова, Е. Носова, отмеченные тонким лиризмом. В сущности, в этом же ключе написана и повесть И. Лаврова «Очарованная», в свое время обруганная критикой столь же дружно, сколь и несправедливо.

Однако в лирической прозе наметились и тревожные тенденции. По страницам иных рассказов и повестей ныне шествует некий лирический герой, ищущий путей приобщения к «вечным источникам» духовной красоты и мудрости. Но обретает их почему-то в облике разных «правдоискателей», «страстотерпцев» и «великомучениц», напоминающих небезызвестную солженицынскую Матрену, на коей якобы держится и село, и город, и государство наше. Мудрость и цельность этих «правдоискателей» нередко отдает дремучей стариной или сводится к элементарным нравственным истинам, которые лежат на поверхности и не стоят того, чтобы за ними отправляться в дальнюю дорогу. Однако лирический герой повествования простодушно пытается уверить и себя и читателя, что приобщается к истинной правде. Эта «мелодия растроганно-благодарного прикосновения» к «истокам» и «ностальгической грусти» по остаткам прошлого нашла свое выражение в лирическом дневнике М. Рощина «Двадцать четыре дня в раю», в рассказе В. Лихоносова «Родные», в повести Н. Евдокимова «Необходимый человек» с ее характерным подзаголовком «Из жития прекраснодушного Серафима Фролова» и ряде других произведений.

Кстати сказать, видимо, во внутренней полемике с этой литературой В. Марченко написал добротную повесть «На исповедь» («Молодая гвардия» №№ 9—10, 1967), герой которой тоже отправляется в «страну босоногого детства», чтобы «поклониться родным могилкам», подышать воздухом «старины», провести вечерние часы в душеспасительных беседах с носителями первозданной мудрости. Однако он сталкивается здесь с настоящими советскими людьми, живущими всеми радостями, заботами и тревогами нашего времени, и в недолгом общении с ними раскрывает свою духовную и нравственную несостоятельность.

Не случилось ли бы то же самое и с некоторыми другими лирическими героями, столкнись они не с носителями ветхозаветной мудрости, а с подлинными представителями современного крестьянства?

Возникает вопрос: почему же лирическая литература о деревне далека от острых социальных проблем наших дней, почему она тяготеет к прошлому, к элегически-сентиментальным вздохам о старой деревне, к абстрактному, внеисторическому решению нравственных проблем? И приходится честно сказать о недостаточной идейной зрелости иных «лириков», о притуплении их социальной зоркости, об утрате ими такого ценного качества, как чувство нового. Ведь если оценивать их прозу с высоты тех традиций, о которых говорилось выше, и тех высоких требований, которые предъявляет литературе боевой день современности, то нельзя не сказать горькие слова о том, что пока еще она развивается вне этих традиций и без учета этих требований.

Критики разделили «деревенскую прозу» наших дней на «лирическую» и «аналитическую», хотя, разумеется, жанровые границы здесь весьма условны. Поэтому в ходе упомянутой дискуссии наряду с именами авторов лирических рассказов и повестей постоянно назывались имена авторов «аналитических» произведений — Ю. Галкина, Б. Можаева, В. Шукшина, В. Тендрякова, С. Залыгина и других. К сожалению, настоящего критического разговора об «аналитической», то есть проблемной, «деревенской прозе» еще не было. Кое-кто решил, что здесь у нас все в порядке. Так, С. Шуртаков писал, что за «проблемную прозу» лично он «как-то спокоен». И только И. Винниченко сказал хотя и жесткие, но верные слова, во многом характеризующие как «лирическую», так и «аналитическую» прозу:

«Окиньте мысленным взором все то, что было написано в последние два-три года, и вы убедитесь, что большинство произведений обращено к тому трудному периоду в жизни деревни, который предшествовал решениям партии на мартовском Пленуме (1965 г.). В этом ничего не было бы худого, если бы, оглядываясь на прошлое, мы каждый раз, как говорил Герцен, «разглядывали в нем новую сторону, всякий раз прибавляли к разумению его весь опыт вновь пройденного пути». Но беда в том, что, обращаясь к прошлому, мы чаще всего и оцениваем его с позиций прошлого, игнорируя настоящее».

И действительно, повесть Б. Можаева «Из жизни Федора Кузькина» («Новый мир» № 7, 1966), которую кое-кто снова начинает поднимать на щит, описывает злоключения героя с 1953 года в течение двух-трех лет. Роман Ф. Абрамова «Две зимы и три лета» («Новый мир» №№ 1—3, 1968) датирован точно: действие в нем развивается начиная с победной весны 1945 года, а границы повествования указаны в названии романа. Повесть Ю. Галкина «Пиво на дорогу» («Звезда» № 7, 1966) претендует на «эпический» размах: излагает предысторию героини чуть ли не со времен гражданской войны, а сама история заканчивается, судя по всему, где-то у истоков 60-х годов. Последний роман В. Тендрякова «Кончина» («Москва» № 3, 1968) охватывает события с 1925 года до начала тех же 60-х годов. Можно было бы назвать и другие произведения, свидетельствующие об уходе «деревенской прозы» в прошлое, но я беру только те, на которых хочу остановиться более обстоятельно.

В общем-то действительно ничего худого в этом обращении к прошлому нашей деревни нет. Более того, взгляд на историю колхозного строя «свежими и нынешними очами» с высоты современности даже необходим. Мы не можем не быть признательными, скажем, тем писателям, которые правдиво рассказали о суровых испытаниях, выпавших на долю женщин, девушек и подростков колхозной деревни в годы войны, об их героизме и самоотверженности, достойных и лирических взволнованных строк и эпических полотен. Из таких произведений мне особенно запомнилась небольшая повесть В. Матушкина «Любаша», драматичнейшая по содержанию, но светлая по общей тональности, написанная чистейшим народным языком.

Однако нельзя не заметить, что в иных произведениях, которые критика отнесла к «аналитическим», современный взгляд на минувшее оказывается только видимостью. В них к «разумению» прошлого ничего не добавляется из «опыта вновь пройденного пути», а порой производится ничем не оправданная «переоценка ценностей» и нарушаются все принципы историзма.

Мы знаем, как тяжко приходилось колхозам в дни Великой Отечественной войны. Мы помним суровые годы восстановительного периода. Не забыли мы и многие неурядицы, вызванные «волевыми» методами руководства. Но мы знаем и помним также и то, что после войны сельское хозяйство, как и все народное хозяйство страны, год от году крепло и набирало силы. В докладе, посвященном 50-летию Великого Октября, Л. И. Брежнев о нелегком периоде послевоенного восстановления говорил: «История тех лет, пожалуй, по-настоящему еще не написана, но о главном мы помним хорошо: уже в 1948 году был в основном достигнут довоенный уровень производства в промышленности, а к 1950 году — и в сельском хозяйстве».

Такова общая тенденция развития народного хозяйства страны в период восстановления. Но на местах могло быть по-разному. По-разному складывались и судьбы колхозов: одни шли в гору быстрей, другие — с заминкой, третьи — подолгу недомогали. Все зависело, как говорится, от условий, места и времени. Поэтому писатель, воссоздавая, например, картину жизни колхоза первых послевоенных лет, не должен упускать из виду о б щ у ю т е н д е н ц и ю развития, в противном случае может произойти смещение акцентов. А обобщающая сила искусства такова, что она может и частному, случайному придать видимость характерного и типичного. Думается, что основной идейно-художественный просчет Ф. Абрамова в романе «Две зимы и три лета» состоит именно в том, что он пытается делать какие-то обобщения на основе жизни и быта колхоза, находившегося в очень специфических условиях.

Ф. Абрамов во многом правдиво описывает жизнь одного из северных колхозов, своеобразные условия которого, конечно же, осложняли его восстановление. Не только в годы войны, но и после нее местных колхозников ввиду крайней необходимости часто мобилизовывали на лесозаготовки, что не могло не сказаться отрицательно как на общественном хозяйстве колхоза, так и на благосостоянии его членов. В общем, картина и без того нерадостная. Но этого автору мало: во второй части романа он начинает нагнетать одну драматическую картину за другой, ядовито рисует гротескные сцены всевозможных «поборов» с колхозников, разорения их, в конце концов создавая впечатление полнейшей безысходности и бесперспективности. Это нашло свое выражение и в духовной эволюции ведущего героя романа — Михаила Пряслина. Глава большой, многодетной семьи, неутомимый труженик, он видит, что все его усилия напрасны, что ему не вырваться из сетей нужды, и потому все больше теряет веру в будущее, мрачнеет, становится резким и раздражительным, а в финале романа, после тягостной сделки с ненавистным Егоршей, которому, по существу, пришлось запродать любимую сестренку, уже и отчаявшимся.

Но самое поразительное то, что автор чуть ли не согласен со своим юным героем, который негодует: вот, мол, обещали на второй день после войны хорошую жизнь, а где она? Прошел год, другой, а все те же мобилизации на лесозаготовки, та же полуголодная жизнь, та же беспросветность. И хотя в уста секретаря райкома Подрезова влагаются верные слова о том, что «на другой же день» ничего не изменишь, «когда вся страна в развалинах», однако в живом контексте слова эти звучат сугубо официально, холодно и бездушно. (Между прочим, ныне это очень широко распространенный прием в «аналитической» прозе — компрометация верных идей и лозунгов передачей их в уста отрицательных или малосимпатичных героев.)

Роман Ф. Абрамова если не самóй художественной тканью, то хотя бы «эпилогом»-отпиской (прием, кстати, использованный и Б. Можаевым в повести «Из жизни Федора Кузькина») еще оставляет окно в будущее (теперь

«...перемены на Пинежье большие... Деревни отстроились. Новые дома. С электричеством, радио, с мебелью»,— утешает нас писатель). А вот Ю. Галкин в повести «Пиво на дорогу» пишет «художественную историю» северного колхоза, знаменательно названного автором «Крейсер «Аврора», как историю неуклонного оскудения, упадка и деградации. «Золотой век» этого колхоза далеко позади. В 1930 году председателю артели еще не приходилось «понюжать» людей на работу, ибо всех их «охватил радостный азарт новой, коллективной работы». К концу 30-х годов дела пошли несколько хуже. В дни войны, естественно, еще хуже. К началу 50-х годов колхоз кое-как сводил концы с концами, а к шестидесятым наступил полный развал, уже и хозяйства никакого не стало: ни машин, ни лошадей, ни коров — «из каждого угла веяло могильным холодом».

Этот минорный мотивчик «могильного холода» звучит не только в повести Ю. Галкина. Он слышится с первых же страниц и в повести Б. Можаева. Получив скудный расчет за трудодни, Федор Кузькин, по прозвищу «Живой», думает думу: «Как жить? Вроде бы один выход: живым в могилку лечь, как поется в песне». В рассказе В. Шукшина «В профиль и анфас» («Новый мир» № 9, 1967), время действия которого — наши дни, типично мудрый дед-резонер по поводу колхозного житья-бытья умозаключает: «Отсюда одна дорога — на тот свет». И даже в светлой по своей общей тональности повести В. Белова «Привычное дело» (тоже наши дни) Митька убедил Ивана Африкановича уйти из колхоза в город на заработки следующим «доводом»:

«Ты хоть бы о ребятах подумал, деятель! Ты думаешь, они тебя добром помянут, ежели ты их в колхозе оставишь, когда это... в Могилевскую-то?»

Эту пессимистическую тональность современной «аналитической» прозы некоторые критики мягко называют «минором» и даже пытаются как-то его оправдать. Но как лирический, так и аналитический «минор» вступает в явное противоречие с действительностью и оправданию не подлежит.

В большой советской прозе истинным героем всегда выступал и выступает человек-борец, хозяин жизни, преобразователь мира. В современной же «аналитической» прозе герой чаще всего — пассивный созерцатель или жертва обстоятельств.

Такой жертвой обстоятельств и разных случайностей выступает Граня Лебедуха («Пиво на дорогу»). Понуро и покорно тянет она лямку председателя колхоза (потом бригадира), беспомощная даже перед лицом не очень-то высокого начальства — правления своего же колхоза, творящего беззаконие. Завершает свой жизненный путь Лебедуха смирившейся, давно махнувшей на все рукой «великомученицей», покидающей этот безрадостный, постылый мир без особой боли и сожаления.

В «аналитической» прозе даже коммунисты предстают людьми пассивными, слабовольными, беззащитными. Лебедуха наказывает единственному в бригаде коммунисту Григорию Рябинину выступить на районном партактиве с требованием вернуть в деревню скот, неведомо почему изъятый правлением укрупненного колхоза, куда входит и их бригада. Побывал Григорий на активе. Возвращается. Лебедуха спрашивает:

«— Ну, чего глаза-то запрятал? Говори?

— Меня не спросили,— пробурчал Григорий...

— Эх ты, ходок!»

Ф. Абрамов в своем новом романе создал ряд запоминающихся образов. Особенно хороша Анфиса Петровна — во многом прямой антипод Лебедухи. Интересен и образ колхозного кузнеца, коммуниста-фронтовика Ильи Итясова. Но именно с этим героем связаны все наиболее мрачные картины, живописующие несправедливость районных властей, бремя непомерных налогов, разных обложений, поборов, вконец разоривших Илью,— хоть беги из колхоза. И вот перед нами сценка, которая неприятно удивляет своей утонченной спекулятивностью: доведенный до отчаяния Илья плачет. Михаил Пряслин «не хотел видеть плачущего Илью. Не мог. Он был потрясен, размят, раздавлен. Потому что, ведь ежели вдуматься хорошенько,— это же с ума сойти! Кто плачет? Илья-победитель».

Правда, есть в романе Ф. Абрамова и образ коммуниста с качествами настоящего бойца — новый председатель пекашинского колхоза Лукашин. Но он для того и введен в повествование, чтобы показать, как под воздействием все тех же косных «внешних» обстоятельств этот энергичный, мужественный человек, преисполненный желания поднять колхоз, постепенно сникает, гаснет и под конец теряет всякую надежду на возможность изменить что-либо к лучшему.

Меня могут упрекнуть в том, что я недооцениваю способность «аналитической» прозы выдвигать активного героя, и лукаво напомнят: «А Федор Кузькин Б. Можаева?!»

Верно. Кузькин — это герой, ему все нипочем. Он, бывший член комбеда, секретарь сельсовета, один из организаторов колхоза, чем сам козыряет на заседании бюро райкома, доблестно удрал из колхоза еще в 1953 году, «...на общественную обязанность рукой махнул» и в битвах с бесчисленными врагами разит их, по образному выражению М. Горького, и в нос и в пуп. Он не будет шептать в кулак. Он так и режет правду-матку, так и сыплет направо и налево афоризмами: «Сказано, нам терять нечего...»; «Для меня теперь чем хуже, тем лучше»; «А мне терять нечего, окромя своих рук»; «А у меня все, что на мне, то и при мне. Яко наг, яко благ, яко нет ничего»; «А почему все должны помогать колхозу?». Да володей он, дескать, секретом вылавливания сомов из Кузякина Яра — да ему бы «теперь ни один колхоз не страшен был».

Ну чем не герой?!

И с кем только не сражается Кузькин! С председателем колхоза Гузёнковым и самим правлением, с райисполкомом и всякими уполномоченными, с фининспекторами и прокурором... Но, конечно же, главный враг Кузькина — «гроза района», председатель райисполкома Мотяков, которому, судя по повести, больше и делать нечего, как только преследовать, ущемлять, морить голодом бедного Кузькина. Вообще, куда ни кинется наш герой — редко-редко встретится порядочный человек, все больше враги. Тучей обложили со всех сторон! «Но как бы там ни было,— гордо принимает вызов этот рыцарь без страха и упрека,— отступать не буду. Некуда отступать».

Вот он каков, отважный Федор Фомич Кузькин, порожденный «аналитической» прозой!

Не ясно ли, что перед нами самый заурядный обыватель, вырядившийся в крестьянскую поношенную робу! И «бунт» этого обывателя против общества есть не что иное, как бунт анархиста-индивидуалиста.

Нельзя не заметить еще одну общую черту многих произведений «аналитической» прозы о деревне — настойчивое противопоставление руководителей и руководимых.

Рисовать объективные образы партийных работников авторы рассказов, повестей и романов этого направления, как правило, не умеют, а может, и умеют, да не хотят. Пример тому — смехотворный образ некоего Федора Ивановича из той же повести Б. Можаева. Судя по всему, Федор Иванович — крупный областной партийный работник, авторитетный, всеми уважаемый. Для подтверждения этого приведу умилительную сценку явления Федора Ивановича народу, то бишь людям, собравшимся на заседание бюро райкома партии.

«По лестнице тяжело поднимался Федор Иванович...

— Здравствуйте, Федор Иванович!— между тем раздавалось со всех сторон.

И Федор Иванович любезно отвечал всем:

— Здравствуйте, товарищи, здравствуйте!— И улыбался при этом. Глядя на него, все вокруг тоже улыбались, и Фомич, сам не зная почему, тоже улыбался».

Трогательно. До слез.

И вот этот самый Федор Иванович, расследуя жалобу Кузькина на незаконное обложение его непомерными налогами, не погнушался, бережно сняв «темно-синее пальто с серым каракулевым воротником и такую же высокую — гоголем — шапку», самолично слазить и в подпол и на чердак кузькинского дома, дабы проверить: а не надул ли Фомич государство, не таит ли он в подполе и на чердаке, кроме плесени и паутины, некие богатства, способные утолить ненасытную алчность фининспекторов? При обыске, простите — обследовании, обнаружена лишь кучка мелкого картофеля. Вместо того, чтобы описать и изъять ее на радость упомянутым инспекторам, Федор Иванович не только оставил ее, но и великодушно жалует Федора Фомича — нет, не синим пальто со своего плеча и не высокой — гоголем — шапкой, а тремя мешками муки, тремя мешками картошки, тремя детскими фуфайками, тремя школьными гимнастерками, тремя парами ботинок и тремя школьными фуражками.

Куда там филантропам прошлого до нашего Федора Ивановича — те все больше обходились ладанками да нательными крестиками!

Что это — описание демократизма руководителя и его заботы о людях?

Да нет, обыкновенная пошлость повествования, отсутствие у автора элементарного художественного чутья и такта.

По-иному выписан образ партийного работника в повести Ф. Абрамова «Две зимы и три лета». Здесь первый секретарь райкома партии Подрезов, «сам», как его величают в районе, сначала выступает в довольно выгодном свете. Хотя и жесткий, властный, не терпящий возражений, он тем не менее обладает целым рядом положительных качеств: хорошо знает людей района, всегда с народом, умеет увлечь его на большие дела и словом и личным примером. Но чем дальше, тем бездушней и нетерпимей становится «первый», все больше начинает возвышаться над массами и не руководить, а командовать ими, не развязывать их инициативу, а сковывать ее.

Кстати, фальшивая, демагогическая идейка о косной, подавляющей всякую инициативу «функции» руководства проводится в рассказе М. Рощина «С утра до ночи» («Новый мир» № 8, 1967). Здесь весьма симпатичный для автора секретарь райкома Карельников

«давно заметил такую штуку... Врачи толкуют о своем, инженеры о своем, учителя, рабочие, журналисты, даже военные, кого ни возьми,— каждый расскажет какую-нибудь нелепицу, и у каждого душа болит, каждый видит и понимает беспорядок, видит, как сделать лучше. Видит, а сделать может мало, и оттого тот, кто посильнее, кипит злостью, а кто послабее, вовсе машет рукой: «Да ну его все к черту, бесполезно, плетью обуха не перешибешь!» Как будто какой-то бог надо всем витает, право слово, высшая идея, и всех по рукам связывает. Витает — и все тут, хоть тресни!..»

Заметим, что речь идет не о культе личности и не о «волевых» методах руководства, а, так сказать, «вообще».

Если верить некоторым сочинениям наших дней, то «высшая идея», воплощенная в конкретных лицах, обычно разговаривает с «руководимыми» примерно на том же языке, на каком гоголевский городничий изъяснялся со своими купцами-аршинниками.

«Поговори у меня!», «Дармоед!», «Курица мокрая... Еще бунтовать вздумал», «Вон отсюда! Враз и навсегда».

Это председатель райисполкома Мотяков на заседании райисполкома ведет воспитательную работу «среди» Федора Кузькина, махнувшего рукой на свои «общественные обязанности».

«— Мальчишка! Всякий сопляк, понимаешь!..— кричал Купцов в комнате, когда Лях уже яростно натягивал ботинки в прихожей.— Мы жизнь прожили!..»

А это первый секретарь райкома партии Купцов из упомянутого рассказа М. Рощина ведет содержательную полемику с молодым агрономом на тему «отцы и дети».

Мы уже знаем, что можаевский Мотяков был «грозой района», но куда ему до абрамовского Подрезова! Вот председатель колхоза Лукашин вполне резонно говорит расходившемуся секретарю райкома: не пугайте, мол, товарищ секретарь, «пуганые»!

«— Что-о?— Подрезов вдруг весь налился, двинулся на Лукашина. Василий Иванович (помощник Подрезова.— П. С.), ворвавшийся в кабинет вслед за Лукашиным, попятился к полураскрытой двери. В побелевших глазах его стоял ужас. Всякого повидал он на своем посту. Случалось даже «Скорую помощь» вызывать к проштрафившемуся работяге, но такого, чтобы кто-то из посетителей поднял голос на самого,— никогда».

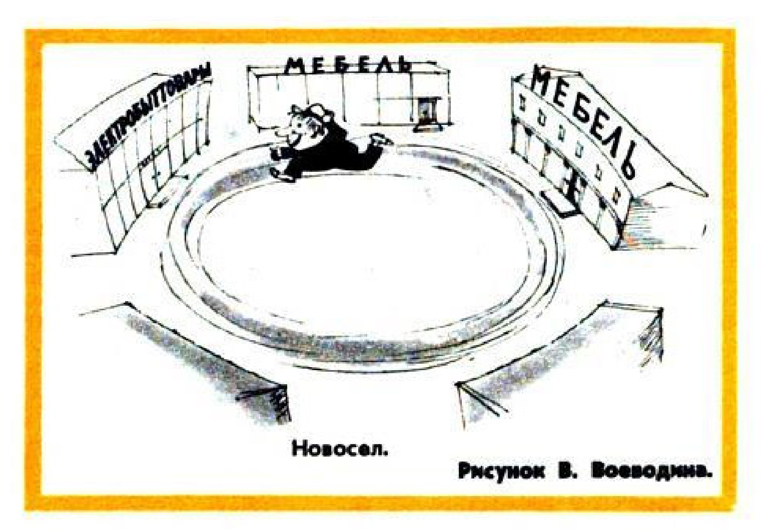
Можно подумать, что перед нами не секретарь райкома, а самодержец всея Руси. У Пушкина Петр I тоже «весь, как божия гроза». Так ведь то дело было под

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

СПЯЩИЙ КОНЬ

Швейцарец Фреди Кни выступает на цирковой арене с интересным номером: конь по команде дрессировщика ложится в постель и притворяется спящим.

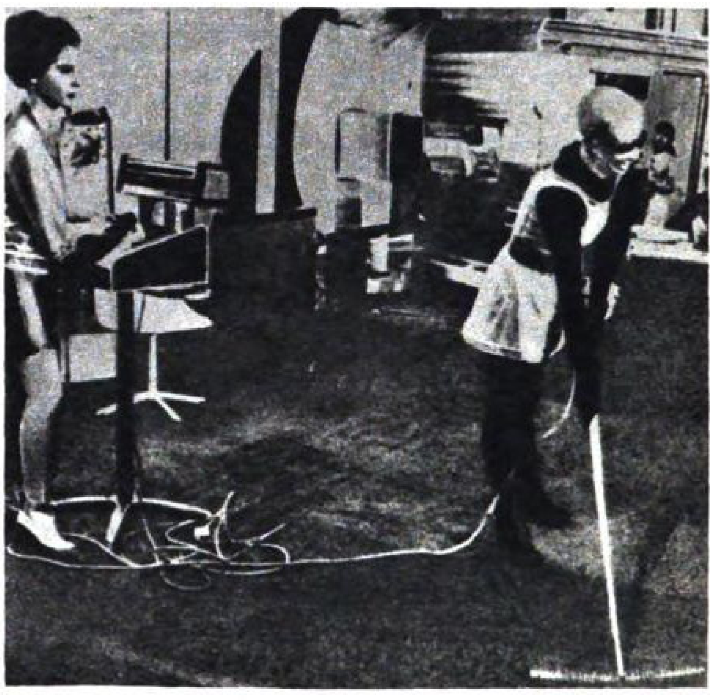
Новосел.

Рисунок В. Воеводина.

ДОМАШНЯЯ РАБОТНИЦА

Норвежские инженеры сконструировали робота, который выполняет до двадцати заданий по дому. Например, он может стирать, гладить, наливать вино в бокалы, натирать пол.

— Я, Аленка, все думаю: долго они будут нами помыкать?!

Рисунок В. Тильмана.

Полтавой! Да и то обходилось без карет «Скорой помощи».

Не обошла «аналитическая» проза и историю колхозного движения. Последнее ее слово по этому вопросу — повесть В. Тендрякова «Кончина» («Москва» № 3, 1968).

Кто были они, зачинатели и вожаки этого движения, вынесшие на своих плечах всю громадную тяжесть политической, организаторской и хозяйственной деятельности по созданию и укреплению колхозов? Мы привыкли считать, что это были пролетарии-двадцатипятитысячники типа Семена Давыдова, хлеборобы, герои гражданской войны типа Нагульнова и Разметнова. Но не так, видимо, думает В. Тендряков.

Впрочем, прежде чем обратиться к повести, рассмотрим некоторые теоретические взляды В. Тендрякова, имеющие прямое отношение к его художественной практике последних лет. В «Литературной газете» от 4 октября 1967 года он опубликовал статью «Природа типичного» с подзаголовком «Полемические заметки», которым было предпослано редакционное вступление, определившее их как «во многом спорные, но интересные прежде всего тем, что автор их исходит из личного творческого опыта». В статье В. Тендряков писал: «Творчество художника состоит как бы из двух этапов. Первый — найти характерное, типичное, что является в жизни не случайным исключением, а общим правилом. Второй — это типичное развить до размеров исключительных, выходящих из рамок заурядности, именно это и будет сильней эмоционально воздействовать!» (подчеркнуто автором.— П. С.).

Для нас сейчас неважно, прав или неправ В. Тендряков в понимании этапов творчества, типичности, заострения и т. д. Важно главное — его утверждение, что в основе типичного лежит не случайное исключение, а характерное для жизни, являющееся общим правилом.

Вот с этим критерием и подойдем к героям «Кончины».

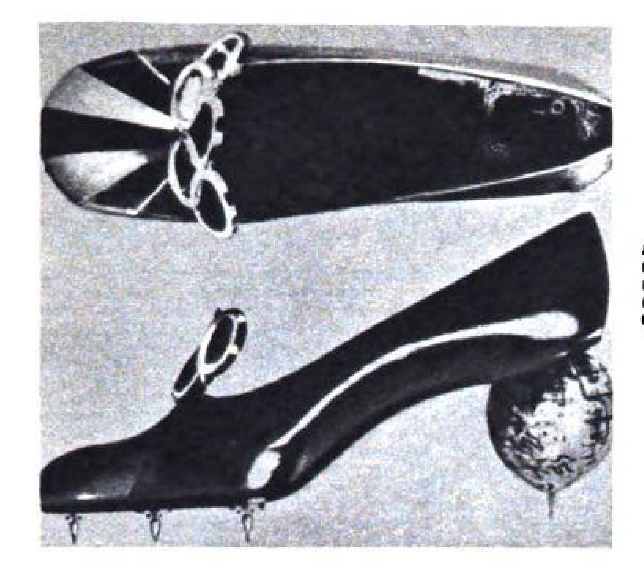
Преддверие массовой коллективизации. Писатель выдвигает трех претендентов на место вожака крестьян села Пожары: бедняка, солдата революции Матвея Студенкина, крепкого, зажиточного крестьянина Ивана Слегова и «незаможнего», ходившего на заработки по деревням Евлампия Лыкова.

Собственно, «родоначальником» ныне богатейшего колхоза «Власть труда» был Матвей Студенкин. Он создал коммуну, которая ко времени массовой коллективизации «гибла от бедности», он же и реорганизовывал ее в колхоз. Но если как солдат революции Студенкин заслуживает, быть может, даже «памятника», то как руководитель колхоза он ничто: лодырь, фразер, демагог. До гротеска «заостренный» образ Студенкина выглядит жестокой пародией на Макара Нагульнова. Он тоже постоянно говорит о мировой революции, о классовой борьбе и классовом чутье, о необходимости революционной бдительности и т. д., но все это звучит в его устах грубо, вульгарно, фальшиво. Здесь мы снова сталкиваемся с приемом, когда верные идеи и лозунги вкладываются в уста тех, кто способен только компрометировать их и словом и делом. Скажем, «Матвей читал газеты. Газеты же призывали к наступлению на кулака». После одной поездки в город «он привез плакат, повесил у себя над головой. На плакате нарисован жирный, бородатый, звериного вида кулак с обрезом, стояла подпись: «Ликвидируем кулачество как класс!» И Студенкин «ликвидировал» — всех, кто в Пожарах «жил в достатке». А коллективизацию — единолично! — проводил так:

«— Заявление подал?
И если отвечали: «Нет»,— цедил сквозь зубы:
— Мотри у меня.
Матвей выполнял сто процентов».

И здесь и в рассказе о плакате ощутима «заостренная» ирония, как «заострены» и полнейшая безнаказанность «родоначальника», и отсутствие какой-либо общественной силы, возглавляющей коллективизацию. В конце концов «родоначальник», умевший только «давать установку» и больше ничего, настолько всем осточертел, что «массы», совершенно не играющие в романе никакой роли, на этот раз сыграли ее: единодушно провалили кандидатуру Студенкина на выборах председателя колхоза. В дальнейшем он предстает как полнейшее ничтожество.

Другой «неудавшийся вождь села» — Иван Слегов. Он умен, начитан, мог бы хорошо, по науке повести хозяйство. И в коммуну пришел одним из первых с самыми добрыми намерениями. Да вот беда, не доверяют ему односельчане: из кулаков же! Видя кругом бесхозяйственность, неумение разумно вести дело, чувствуя стену недоверия к себе, Слегов все больше озлобляется и проникается ненавистью и к людям и к колхозу. Дескать, «сами постарались, чтоб стал врагом». В одну из таких минут буйного приступа отчаяния и удушающей ненависти он пытается поджечь колхозную животноводческую ферму, но застигнут на месте преступления Евлампием Лыковым — еще ничем не примечательным председателем колхоза «Власть труда». Страшный удар оглоблей по спине—и Иван Слегов навеки остается калекой: у него отнялись ноги. Лыков не выдал его, а, используя его беспомощность, поставил знания и опыт Слегова на

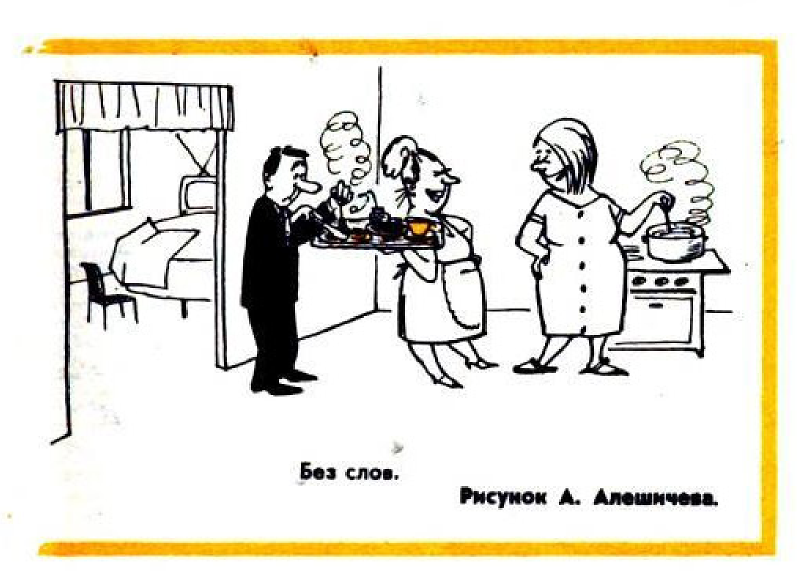
КАБЛУК-ГЛОБУС

Английские законодатели мод предлагают женщинам во время Олимпийских игр в Мексике носить дамские туфли с каблуком-глобусом.

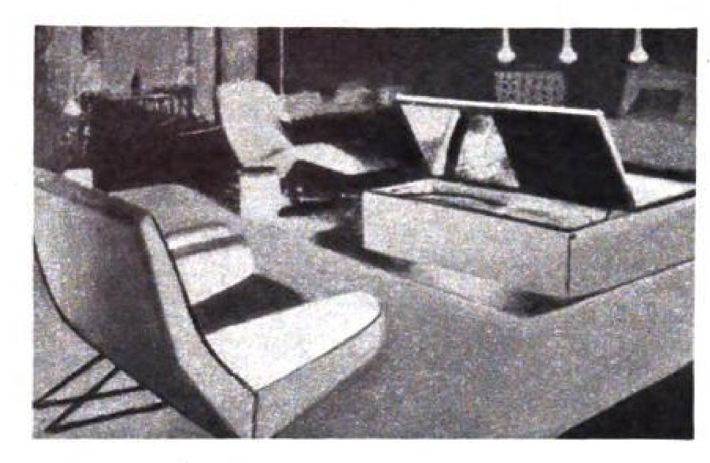
— Так будет, пока ты не достанешь сыну тренировочную грушу.

Рисунок В. Воеводина.

Без слов.

Рисунок А. Алешичева.

ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ ТЕЛЕВИЗОР

На одной выставке в Англии демонстрировался телевизор, выполненный в виде столика с зеркальной откидной крышкой.

службу не столько колхозу, сколько себе. Иван стал «повивальной бабкой» при рождении хозяйственных идей в голове тугомыслящего Лыкова. Как видим, еще одно «заострение»: своего рода шолоховский Островнов, но «честный» Островнов с «перебитыми ногами».

«Состоявшийся вождь»—Евлампий Лыков, «знаменитый», «всесильный» Лыков, украшение всех президиумов — ко времени начала повествования находится на смертном одре. И вот в воспоминаниях Ивана Слегова, в повествовании от автора перед нами встает действительный облик этого «вождя». Оказывается, он не меньший, а возможно, больший преступник, нежели Иван Слегов. Последний лишь пытался совершить преступление, а Евлампий не только изувечил человека, но, скрыв его попытку и тем самым поставив в зависимость от себя, всю жизнь прожил за счет эксплуатации ума и опыта изувеченного главного бухгалтера. Облик Евлампия Лыкова все «заострений» раскрывается как облик энергичного, удачливого человека, не брезгующего никакими средствами для достижения своих целей: ни предательством секретаря райкома партии Чистых в 1937 году, ни злобным гонением талантливого племянника Сергея Лыкова, о котором начали поговаривать как о его, Евлампии, «смене», ни услугами таких мерзавцев, как шофер Леха Шаблов или Чистых-младший. В личной жизни Евлампий Лыков тоже, как небо от земли, далек от кристально чистых и сдержанных до аскетизма зачинателей колхозного движения: жену превратил в безликое существо, завел себе сводню, преданной службе которой в романе посвящена целая глава.

Что же получается согласно теории типического самого В. Тендрякова, по которой заостряется характерное в жизни, являющееся «общим правилом»? А то, что настоящих-то организаторов колхозного движения — беспредельно преданных делу партии, делу строительства новой жизни в деревне, идейно и нравственно чистых, благородных — и не было! Были крикуны и демагоги типа Матвея Студенкина, были ухватистые, энергичные, но внутренне совершенно несостоятельные приспособленцы типа Евлампия Лыкова, а подлинных народных вожаков-коммунистов, вдохновителей и организаторов колхозного строительства не было. Впрочем, были еще «крепкие», «хозяйственные» мужички из зажиточных типа Ивана Слегова, которые хотя и не верили в колхозный строй, но могли бы разумно повести дело, да вот беда — с самого начала им не поверили, «поломали ноги» и отодвинули в тень.

В отличие от авторов, рисующих безрадостные картины «оскудения» села, В. Тендряков изображает колхоз, неуклонно идущий в гору, процветавший даже в годы войны. Но процветает он не благодаря дружному коллективному труду, верному сочетанию принципов духовной и материальной заинтересованности людей в труде, правильному партийному руководству, а в силу «оборотливости» Евлампия Лыкова и его главного бухгалтера, их умения действовать в обход норм и законов социалистического общества, ловко использовать в своих целях даже несчастья людей, вызванные, скажем, бедствиями войны. Попытки же Сергея Лыкова вывести Петраковский колхоз из жалкого состояния путями, присущими самой природе колхозного строя, кончаются крахом.

Что это — тоже «заострение» «общих правил»? А не кажется ли автору, что при всем различии судеб **общая тенденция** развития наших колхозов находится в безусловном противоречии с его «общими правилами»?

Есть в «Кончине» единственный образ, вызывающий симпатии,— Сергей Лыков. К сожалению, этот «луч света» гаснет при первых трудностях. Как же далеко ему до Давыдова и Нагульнова! Но даже при тех противоречивых качествах, которыми обладает Сергей Лыков, в повести отчетливо выразилась идея противопоставления, разрыва двух поколений, противоречащая всей истории нашей общественной жизни.

В своей статье В. Тендряков писал:

> «Но ведь можно так заострить, довести до такой исключительности, что типичное перестанет быть типичным, утратит черты общего, превратится в некую нелепицу».

Именно это и случилось в повести «Кончина» с главными образами.

Я остановился в основном на тех тенденциях, которые представляются мне ошибочными в нашей «деревенской прозе». Но это отнюдь не значит, что произведения, отмеченные такими тенденциями, занимают значительное место в советской литературе. Однако поскольку они опубликованы и вызывают известный интерес у читателей, говорить о них надо — и говорить по большому счету, с высоты тех требований, которые предъявляет жизнь. На заключительный вопрос тов. Блынского о том, каковы же дальнейшие перспективы нашей литературы о деревне, можно с уверенностью сказать, что она развивалась и будет развиваться на главном направлении, на путях социалистического реализма как подлинно новаторская литература, свято хранящая великие революционные традиции.

„ОГОНЬКУ" СООБЩАЮТ...

Аракс работает на дружбу

Мост, у которого остановилась наша «Волга», находится в самой южной точке Советского Закавказья. Там — Иран. Здесь колышутся на ветру национальные флаги. Оживленное разноязычье. Русский, персидский, азербайджанский..

Мост дружбы! Всего несколько месяцев он существует. И с первого дня оба берега зовут его так. Левый — советский, правый — иранский. У съезда с моста беседуют два человека.

— Грунт тяжелый пошел. Видимо, нам, господин Бехнам, нужно посоветоваться о графике вывозки породы.

— Согласен, коллега Алиев. В ближайшие дни следует добавить техники на котлован — экскаваторы, самосвалы...

Очередная деловая встреча назначена. Инженер Бехнам, главный иранский специалист в объединенном управлении «Араксгидрострой», и главный советский специалист гидростроитель Махмуд Алиев на равных правах осуществляют руководство всеми строительными работами в этом районе. Они заместители начальника управления — представителя СССР инженера Р. К. Асланова.

— Дошла очередь и до пограничного Аракса,— говорит Махмуд Исахович Алиев.— Здесь решено создать большой ирано-советский гидротехнический комплекс. Первый на Араксе! Первый на границе наших государств!

Каким он будет? Передо мной генеральный план строительства. С большой тщательностью разработали советские специалисты этот интересный проект, полностью согласованный с иранскими инженерами и утвержденный соседней страной. Основа сооружения — водосливная плотина, состоящая из земляной и бетонной частей. Ее высота 32 метра, длина по гребню почти километр. Изыскатели, опытнейшие инженеры-гидротехники Акиф Багиров, Рафик Ахмедов, Николай Гаврилов и другие сумели найти наиболее удобный участок долины Аракса, где выступают скальные коренные породы. На их богатырские плечи и ляжет тело плотины.

Нам рассказывают о довольно крупном для этих мест водохранилище емкостью в 1 миллиард 350 миллионов кубометров. Специалисты прикинули: влаги хватит, чтобы дать жизнь десяткам тысяч гектаров иранской земли и советской. Вода, как и электроэнергия, будет распределяться на основе равенства.

Аракс даст сравнительно дешевую электроэнергию. Здесь будут сооружены две ГЭС: советская и иранская — мощностью по 22 тысячи киловатт каждая.

Среди строителей и советские люди и иранцы. Экскаватор Э-2005. Им управляет Павел Никитин, один из лучших здесь машинистов. А его помощник, Вали Юла,— иранец. И так на многих участках стройки.

— Нам очень приятно работать рука об руку с советскими инженерами и рабочими,— сказал мне господин Бехнам.— Это знающие, добросовестные специалисты, искренние люди. Дружба, рожденная на Араксе, не забудется никогда. Мы благодарны нашим русским друзьям и коллегам.

Юрий ДМИТРИЕВ

На снимке: мастерски управляют экскаватором Андрей Тараканов, Вали Юла и Павел Никитин.

Фото Б. Вдовенко.

БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ...

Ломать ли асфальт?

КОСМЕТИКА И «ЖИВОПИСЬ»

МАЛЬЧИШКИ СТРОЯТ!

ГДЕ ЖДУТ ФИЛОСОФОВ?

КАРП—ЗЕРКАЛО ХИМИКОВ

ЖЕЛЕЗНЫЙ КРОТ

Я хочу пособолезновать фельетонистам. Можно сказать, из-под самых ног почву у них выбивают. И кто? Ученые...

...Строители сдают новый дом. Или два. Или, еще лучше, целую улицу. Товарищ из горисполкома, осмотрев ее, отдает приказ: «Очистить и заасфальтировать». Все правильно. Но фельетонист уже не дремлет, точит перо, потому что знает: скоро придет другой товарищ и прикажет: «Ломать асфальт, будем прокладывать трубы». Вот и тема фельетона, тема старая, но, увы, неумирающая. Да, так случается: улицу заасфальтировали, а потом оказывается, что надо траншеи рыть для труб. И тут пора дать слово ученым Института горного дела Сибирского отделения Академии наук: А. Костылеву, К. Тупицину, К. Гуркову, В. Плавских, В. Климашко и их научному руководителю лауреату Ленинской премии, доктору технических наук Б. Суднишникову. Это они виноваты в том, что лишили фельетонистов привычной темы. Ученые вооружили строителей ракетами, которые запускаются под землю и, не требуя траншей, помогают прокладывать телефонный или электрический кабель, водопровод, газовые, нефтяные трубы. Ракета может пробивать скважины глубоко под улицами, трамвайными и железнодорожными путями, под домами. При этом не надо останавливать движение и ломать асфальт. Любители сравнений называют новое изобретение железным кротом. На техническом же языке крот называется пневматической машиной ударного действия. Его двигатель — сжатый воздух. «Крот» может двигаться под землей под любым углом к горизонту и имеет, кроме переднего, и задний ход. Сейчас машина, с успехом пройдя испытания, передана на заводы в серийное производство. Строители от нее в восторге.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»

На снимке: подземные ракеты на испытательном полигоне.

Фото А. Зубцова.

Пионерстрой действует

Год тому назад пионеры Ленинграда стали готовить трудовые подарки к юбилею Советской власти. Тогда-то в городе Ленина и родился Пионерстрой — Малое пионерское строительство.

Командовать всеми его отрядами стал городской пионерский штаб. Разведчики подыскали места для будущих детских площадок, скверов и цветников, через связных сообщили об этом в пресс-центр. На конвертах донесений надписывали: «Вижу. Понимаю. Действую!» Эти слова стали девизом пионерстроевцев.

Малым пионерским строительством заинтересовался председатель Ленгорисполкома Герой Социалистического Труда А. А. Сизов. В городском и районном штабах по благоустройству Ленинграда создали специальные пионерские отделы.

В Ленинграде состоялся слет лучших пионерских бригад.

— Пионерстрой в городе действует! Построено сто пятьдесят спортплощадок, приведены в порядок триста дворов, ребята приняли участие в строительстве восемнадцати жилых домов...

Такой рапорт отдал председателю Ленгорисполкома начальник городского пионерского штаба Сережа Попов.

Весна принесла новые заботы. Снова принялись ребята за озеленение улиц и скверов. Разведчики получили приказ: разыскать в своем районе все исторические места, связанные с комсомолом, и нанести их на карту. Полетели в пресс-центр новые вести. Витя Куликов предложил установить мемориальную доску на доме, в котором в 1938 году перед комсомольцами Выборгской стороны выступил генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Васильевич Косарев. На карте, составленной пионерами города Пушкина, можно увидеть названия: «Комсомольская организация 3-го Интернационала» — 1918 год, «Уездный комитет комсомола» — 1919 год. На разведанных местах появились первые отряды пионерстроевцев. Они увековечат подвиги героев-комсомольцев.

В. ГЕРАСИЧЕВ

На снимке: ребята помогают строить свой спортзал.

Фото автора.

КАРАНДАШНОЕ МНОГОЦВЕТЬЕ

Возьмите цветной карандаш, посмотрите — на одной из его граней золотом вытиснено: «СВ». Отсюда, из цехов фабрики имени Сакко и Ванцетти, карандашное многоцветье разбегается по стране: в канцелярии, в мастерские художников, школьные ранцы и даже в дамские сумочки. В чем дело? Какое отношение имеют дамские сумочки к цветным карандашам?..

...Еще негладкие, круглые или шестигранные заготовки пропускают через обжимные аппараты, а в следующем цехе слой за слоем полуавтоматы наносят краску — бывает до двенадцати покрытий, по четыре микрона каждое. Толщина красочного покрова должна быть не более 50 микрон — именно по такому слою лучше всего печатать название: «деловой», «геолог», «стеклограф», «искусство», «тактика», «живопись».

Именно он, карандаш «живопись», чаще всего и попадает в дамские сумочки. Каким-то образом модницы установили, что стержень «живописи» дает красивую и ровную подкраску бровей и ресниц. Карандаши тотчас же оказались раскупленными. На фабрике сначала никак не могли понять столь повышенного спроса на эту серию. Но потом установили, что чаще всего спрашивают «живопись» черного и синего цветов. Вскоре удалось узнать, что наиболее рьяные сторонники «живописной» косметики покупают даже целые наборы по 12 и 24 карандаша — ради двух, заключенных среди зеленых, красных, желтых... Ради черного и синего.

На фабрике нам показали новинку: карандаши с особо мягким стержнем. Писать таким куда приятней. Но пока таких карандашей выпускают немного — из тех 336 миллионов, что определены планом на нынешний год, новых всего лишь несколько миллионов — капля в карандашном море.

...В бункер автомата засыпаются карандаши 24 цветов, а снизу по конвейеру подъезжают пустые коробки. Щелк — и в каждую укладывается точно 24 разных по цвету карандаша. На конвейере — многоцветье...

К. БАРЫКИН

На снимке: вот они, карандаши.

Фото автора.

ЧТО ОТДАЛ, ТО ТВОЕ...

В эти весенние дни на философский факультет МГУ заглядывают первые абитуриенты. Так же вот пять лет назад заглядывали сюда и нынешние выпускники. Они собрались сейчас в сорок второй аудитории философского факультета: решается их дальнейшая судьба. Молодые специалисты получают направление на работу.

А их очень ждут. В разных городах, в разных республиках. Заявки поступили из Курска, Горького, Уфы, Ульяновска, Калуги, Иркутска, Гурьева, Нальчика... Заявок очень много, больше, чем выпускников.

К распределению выпускников хорошо подготовилась студенческая комиссия. Уже несколько месяцев назад она разослала по городам письма-запросы, сообщала о специализации питомцев факультета, запрашивала условия работы, смогут ли обеспечить специалистов жильем, яслями, детскими садами.

Перед началом распределения молодых философов взял слово декан, профессор М. Ф. Овсянников.

— Вы всегда останетесь нашими студентами, где бы вы ни были,— сказал он.— Будут у вас неясные вопросы, затруднения — пишите, приезжайте. Теперь ваш черед отдавать людям знания. Помните слова Руставели: «Что твое — твоим не будет. То, что отдал,— то твое».

В. ТИХОМИРОВ

На снимке: куда же поехать?

Фото автора.

БЫТЬ РЫБАЛКЕ

Совсем был тихим литовский городок Кедайняй — потонули в зелени маленькие домики, не тревожили узких улиц автомобили, лениво шелестела в мягких берегах прозрачная Невежес. А потом началось строительство химического комбината, выросли промышленные корпуса, современный жилой микрорайон, стало шумно и оживленно. Шесть лет назад начала давать продукцию первая линия по производству серной кислоты, вступали в строй цеха суперфосфата... И пришла беда: лес вокруг комбината пожух и начал ронять листья, пожелтела и поникла трава, помутнела вода в реке. Всполошились, обеспокоились и рабочие и инженеры. Формально все было вроде бы в порядке: защитные сооружения сделаны согласно проекту, работают исправно, и тем не менее зелень погибает.

— Одним растениям пищу готовим, а другие губим? Нет, так не пойдет, нужно что-то делать.

И сделали. Усовершенствовали технологические процессы, разработали дополнительные фильтры, и загазованность воздуха уменьшилась в 10—12 раз. Расширили станцию очистки воды, установили автоматы-контролеры, и они следят за ее кислотностью. Вода, побывавшая в производстве, поступает в пруды-отстойники — сначала в один, потом в другой — и лишь затем в реку.

Во второй пруд пустили рыбу — тысячу зеркальных карпов. Теперь еще больше волнуются люди, после смены забегают на пруд посмотреть, как там рыба. Если ее не видно, значит, все в порядке, а иначе всплывет кверху брюхом. И, представьте себе, не всплывает, живет! Глядишь, скоро тут и рыбалку открывать можно. И лес живет, шумит сочной листвой, и трава между цехами зеленеет, и цветы летом разбегаются вдоль заводских дорожек.

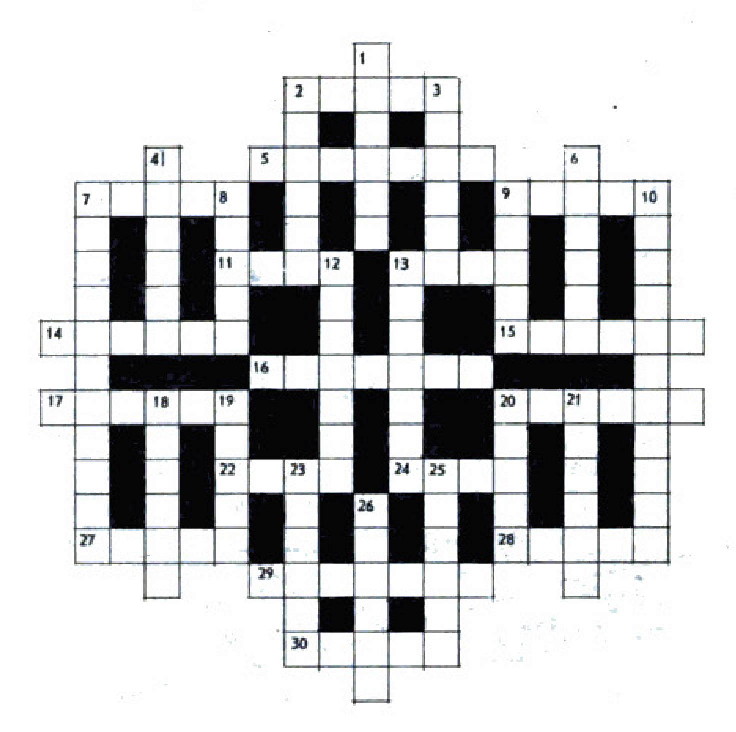
Ю. КРИВОНОСОВ

На снимке: в цехе суперфосфата.

Фото автора.

НЬКУ» СООБЩАЮТ...

КРОССВОРД

По горизонтали:

2. Состязания в беге. 5. Музей в Ленинграде. 7. Английский писатель. 9. Атмосферное явление. 11. Ткань для пальто. 13. Созвездие южного полушария неба. 14. Фигурная линейка. 15. Личинка комара. 16. Огородное растение. 17. Часть суши. 20. Австрийский композитор. 22. Оптический прибор. 24. Приток Оки. 27. Радиоактивный элемент. 28. Древнегреческий поэт. 29. Чертежный инструмент. 30. Сорт яблок.

По вертикали:

1. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 2. Пряность. 3. Народная русская игра. 4. Женская кофточка. 6. Рыба семейства карповых. 7. Высшее учебное заведение. 8. Герой новгородской былины, гусляр и певец. 9. Мера массы. 10. Регулятор количества рабочей смеси в двигателях внутреннего сгорания. 12. Цветок. 13. Город и порт в Туркмении. 18. Оборотная сторона монеты или медали. 19. Река в Якутской АССР. 20. Пожарный рукав. 21. Столица автономной советской республики. 23. Ограда по краю моста, лестницы. 25. Трагедия Шекспира. 26. Работник радиовещания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

4. Братислава. 7. Копер. 8. Нестеров. 11. Погодин. 12. Раствор. 13. Ваза. 15. Молния. 18. Комо. 19. Улей. 20. Гимн. 22. Ушба. 24. Астров. 25. Репа. 27. Кипарис. 29. Аполлон. 30. Кислород. 31. Гамак. 32. Мандаринка.

По вертикали:

1. Байрон. 2. Бионика. 3. Пастер. 5. Волокно. 6. Кортик. 9. Подорешник. 10. Колмогоров. 13. Вагнер. 14. Алупка. 16. Ялик. 17. Феба. 21. Стеллаж. 23. Агадир. 26. Пандури. 28. Сходни. 29. Амгунь.

На последней странице обложки: Этот северянин-тюлень чувствует себя совсем неплохо в Батумском аквариуме.

Фото С. Блохина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

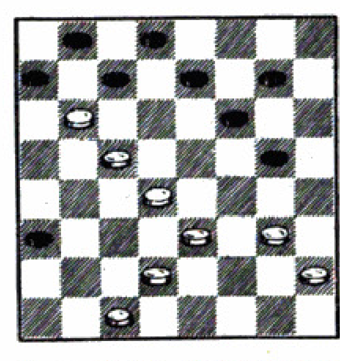
А 00407. Сдано в набор 8/V-68 г. Подписано к печ. 21/V-68 г. Формат бум. 70 × 108$^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 600. Заказ № 1360.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

КОНЦОВКА

В. И. Бретль (Северодонецк)
Белые начинают и выигрывают

•

Решение концовки Б. А. Могилевского, напечатанной в № 20 «Огонька»: 1. e5—f6 g5 : e7 2. g3—f4 h4 : e1 3. f4—g5 h6 : f4 4. d2 : d4 e1 : b4 5. b2—a3 и выигрывают.

●

После выступления «Огонька»

«ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОБРИТВ»

Так назывался репортаж, опубликованный в «Огоньке» № 14 за 1968 год. Рассказывалось о непорядках в сфере бытового обслуживания, с которыми столкнулся наш корреспондент, задавшийся целью отремонтировать в мастерских Харькова четыре электробритвы.

Репортаж этот обсуждался на заседании Харьковского облисполкома, и принятое по нему решение прислано в редакцию. В нем признается, что «Огоньком»... «правильно поставлен вопрос о необходимости наведения надлежащего порядка в определении объема ремонтных работ и усиления контроля за соблюдением прейскурантных цен предприятиями бытового обслуживания населения области».

За допущенные недостатки в работе мастерских по ремонту электробритв директор завода «Металлобытремонт» тов. Шемелин и главный инженер этого завода тов. Фомин предупреждены. Мастерам, допустившим нарушения порядка, объявлены выговоры. Руководителям управлений, отделов и организаций, предприятия которых оказывают бытовые услуги населению, указано на необходимость наведения должного порядка в обслуживании населения, на усиление контроля над мастерскими. Лица, нарушающие цены, установленные прейскурантом, и выполняющие работы без оформления квитанциями, будут привлекаться к строгой ответственности.

К систематической проверке работы предприятий службы быта привлекаются комиссии по контролю за соблюдением цен и правил торговли при районных и городских исполкомах.

Репортаж «Злоключения электробритв» решено обсудить на совещаниях руководящих работников службы быта, на общих собраниях и производственных совещаниях работников бытовых предприятий.

— Ребята, где живет Малютин?

Мальчишки, игравшие во дворе, переглянулись, пожали плечами...

— Не знаете?.. Дядя, который строит корабли...

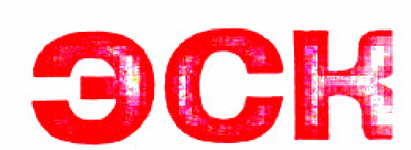
— А!.. Так бы сразу и спросили... В первом подъезде, четвертая квартира...

...Он мог поверить во все что угодно, только не в то, что его глаза плохо видят море. Он безошибочно различал силуэты кораблей, ловил крутые — из сини в синь — броски чаек, издали угадывал настроение волн. Однако медицинская комиссия проверяла его глаза совсем по другим ориентирам. Она заключила: нельзя служить на флоте. Но врачи не всесильны. Они забраковали его зрение, а его мечту никто не сумел задержать на берегу. Она ушла в море.

Судьба, будто иронизируя, привела его в медицину. Вышло так, что пришлось пойти учеником к протезисту. Потом институт и самостоятельная работа в зубопротезных кабинетах. И все равно мечтал о море. Игорь Петрович покупал книги о флоте, увлекся моделированием судов. Большие и маленькие, старинные и современные, с мачтами, палубными надстройками, пушками — он делал их точно по чертежам оригиналов.

В сорок первом году в Ялте вся коллекция погибла. Сразу же после войны он принялся создавать ее заново.

Вот уже больше двадцати лет Игорь Петрович Малютин живет в Бресте. Здесь его знают как протезиста железнодорожной поликлиники и как бесконечно увлеченного морем человека. Его квартира похожа на маленький морской музей. Если пришедший сюда хоть чуть-чуть знаком с историей русского флота, он сейчас же узнает знаменитые своим мужеством ко-

рабли — бриг «Меркурий», броненосец «Потемкин», эскадренный миноносец «Гром», крейсер «Варяг». Хозяин покажет серию из 15 моделей, воскрешающих эволюцию русского броненосного корабля; кроме того, в малютинской эскадре — «Санта-Мария» Колумба, шлюп «Восток», на котором в прошлом веке открыли Антарктиду; «Кон-Тики» Тура Хейердала. А книжные шкафы... Тут несколько толстых альбомов с открытками и книги, книги... От старины — «Морского словаря» за 1840 год, составленного адмиралом А. Шишковым, «Энциклопедии военных и морских наук», «Повседневной записи замечательных событий в русском флоте», «Летописи крушений и пожаров судов русского флота, 1713—1853 гг.» — до произведений Жака-Ива Кусто... Тут же бюст адмирала Макарова, морские лоции и набор «судостроительных» принадлежностей: пинцеты, клей, напильнички, ножницы, кусачки...

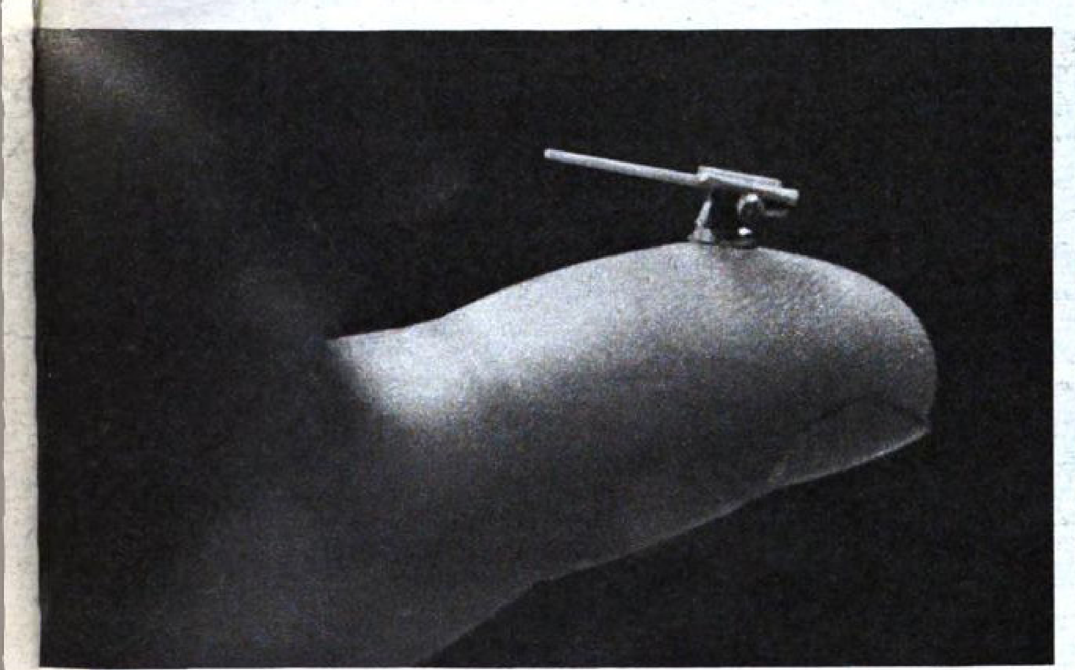
Увлечение увлечению рознь. Мы бы не взялись рассказывать об Игоре Петровиче Малютине, если б его увлечение умещалось лишь в его внутреннем мире. Оно пленило сына Игоря Петровича — пятиклассника Леню, мальчишек во дворе, многочисленных друзей Малютина в Ленинграде, Минске, Владивостоке, Одессе, Мурманске, Ялте... О том свидетельствует грамота на стене: «За активное участие в военно-морской массовой работе Президиум Центрального Комитета ДОСААФ СССР награждает настоящей грамотой тов. Малютина Игоря Петровича — руководителя судомодельного кружка Брестского городского Дома пионеров Белорусской ССР». О том свидетельствуют письма.

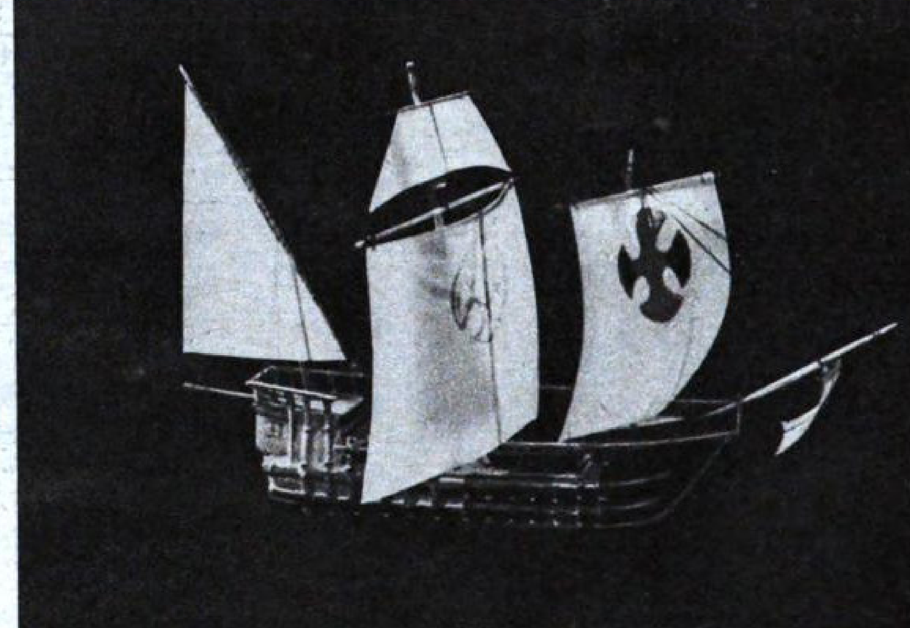
...Беречь мечту. Для себя и для людей. Это очень просто в четырнадцать, в девятнадцать. Труднее после двадцати. А позже? В пятьдесят? В шестьдесят с лишним? Это надо уметь. И умеющий беречь — счастлив.

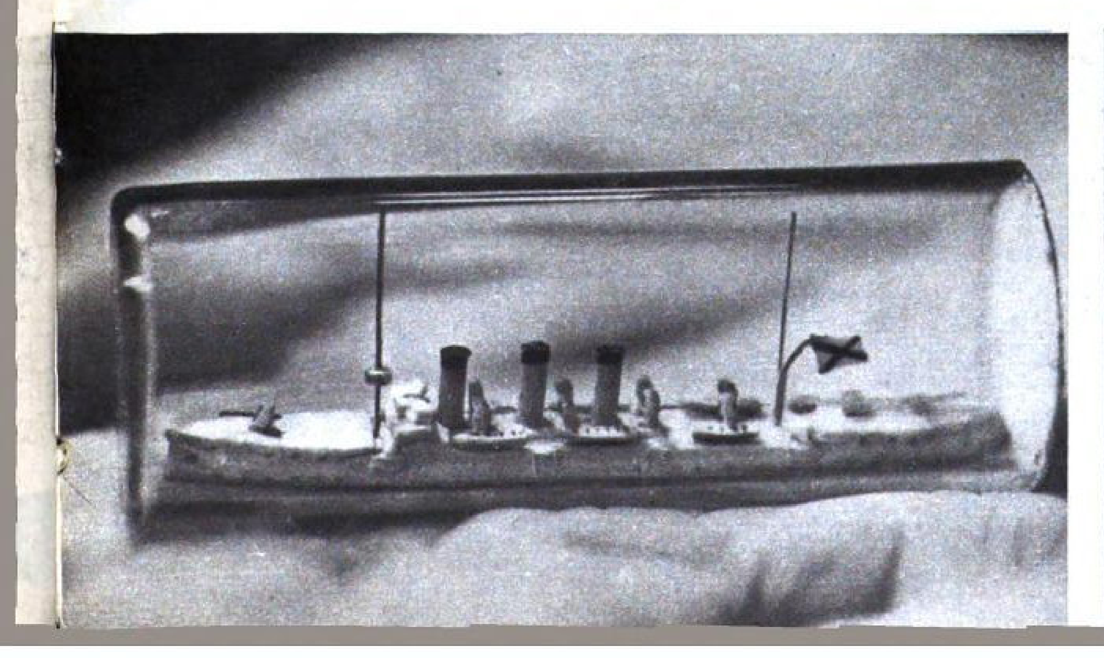
В. ФРЕЙДИН, А. ЩЕРБАКОВ.

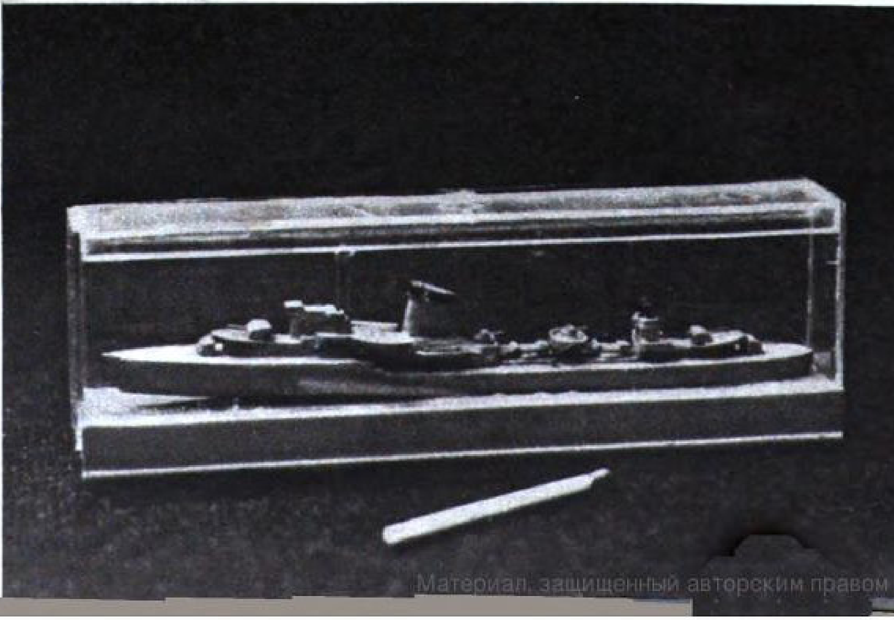
Фото Д. Ухтомского.

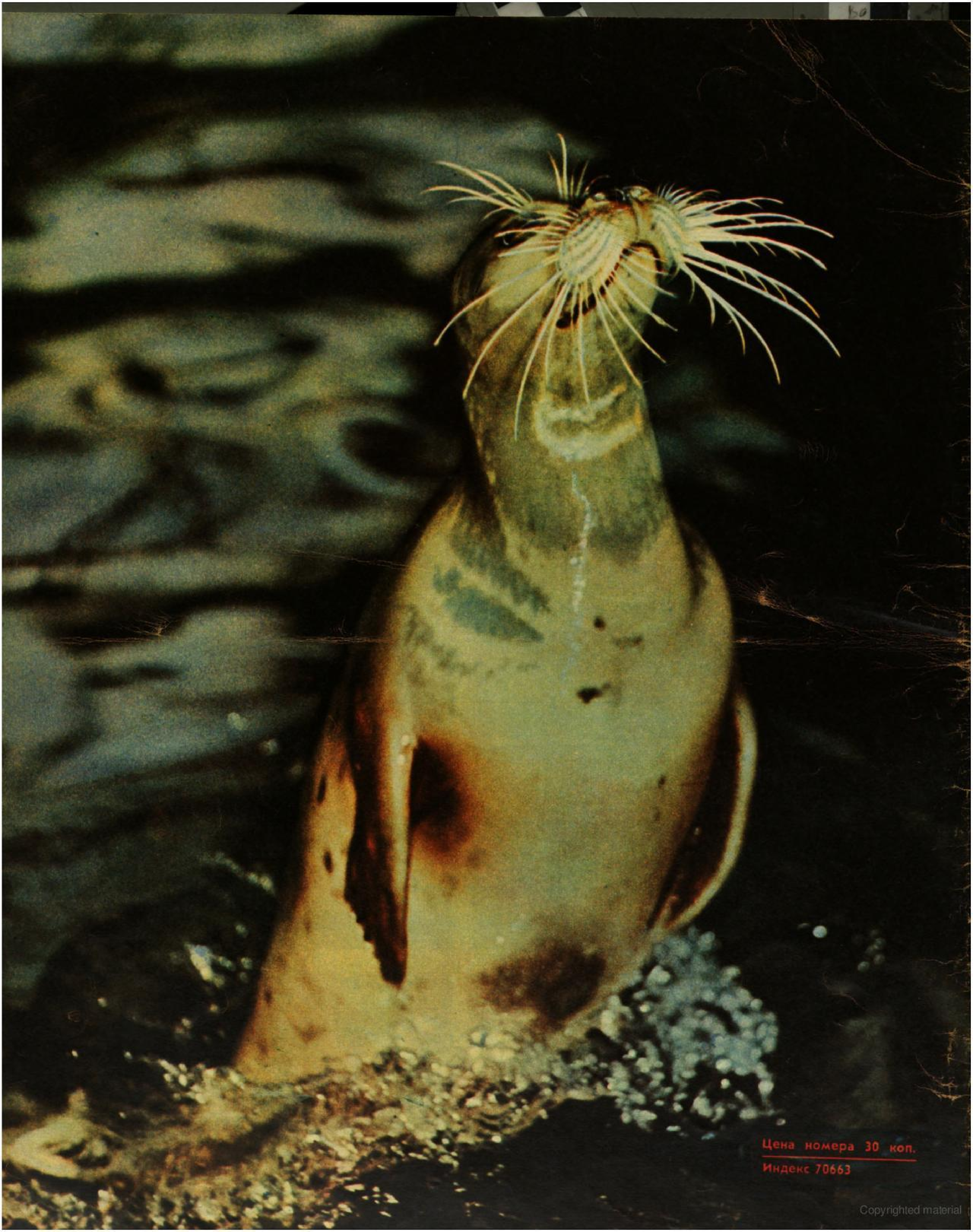
АДРА НА ЛАДОНИ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663